

ШИТКИНСКИЙ ПАРТИЗАНСКИЙ ФРОНТ

Сентябрь 1941 — декабрь 1944 гг.

*Васильевский
и другие*

Автор А.М. Чернышев

Глава 5

КНИГА № 8

ЕГОР НЕФЕДОВИЧ ГРИГОРЬЕВ

Родился в 1885 году.

ФЕКЛА РОМАНОВНА ГРИГОРЬЕВА

(урожденная Лобачева)

(жена Е. Н. Григорьева, сестра партизана Егора Романовича Лобачева,
по-деревенски Наумовские, Загоревские).

Родилась в 1884 году.

Старожилы села Байроновка.

Беседа состоялась в Байроновке 30 января 1964 года.

Е. Ф. Григорьев: Село наше старое, восточная часть его, от увала¹ до реки Байроновка, называемая Старой деревней, возникла, когда строился Московский тракт. Та часть, что за мостом, западная, — позже, она называлась Новой деревней. Село было большое, когда строили железную дорогу, часть домов снесли, т.к. они находились на нынешней железнодорожной линии, на переезде.

В 1919 году село выглядело примерно так же, в стороне от Старой деревни была Заверталовка, как и теперь. Сельская находилась, где сейчас сельсовет, в этом же доме. Рядом стояла наша изба.

Партизан из нашей деревни было много, всех не помним, кого знаем, скажем.

1. Лобачев Егор Романович, жил в Новой деревне по южной стороне. Стариков у них не было, он был еще молод, жил с женой Пелагеей (позже их дом сожгли белогвардейцы). Погиб в тайшетском наступлении.

2. Козлов Егор Николаевич, погиб в тайшетском наступлении.

3. Кондратьев Январь Сергеевич, живет в Иркутске.

4. Романовский Прокопий Григорьевич, репрессирован в 1937 году.

5. Григорьев Григорий Федорович, 1898 г. р., живет в Старой деревне, возле сельской.

6. Дрожжин Василий Кузьмич, 1900 г. р., жив, в Старой деревне (отец Кузьма Андреевич).

7. Антонов.

8. Агапитов Гаврил Петрович, 1900 г. р., жив, Старая деревня.

9. Сватиков Федор Петрович, живет в Тайшете.

10. Агафья (Агашка), ее отца повесили в Тайшете, живет в Старой деревне.

Со стороны Алзамая дорога (тракт) от Байроновки до Разгона² идет глубокой тайгой, полей там нет, населенных пунктов тоже. А от Разгона до Алзамая

¹ Увал — вытянутая возвышенность с плоской, слегка выпуклой или волнистой вершиной и пологими склонами.

² Разгон — станция на Транссибе, начала работать в 1894 г. По данным на 1926 г., 12 хозяйств, 55 жителей (29 муж. и 26 жен. пола).

одна деревня Старо-Никольская и Старый Алзамай. Поскотины по тракту не было, а только со стороны наших байроновских полей, с северной стороны, с гоголевской. Туда вели две дороги: летняя — из Новой деревни и зимняя.

Было какое-то собрание, кто-то приезжал, и тогда записывались в партизаны, но мы этого не знаем. Тогда записался и ушел с партизанами старик, работавший на железной дороге, не наш, не байроновский.

Церковь стояла на Средней горе, белая. Священником в 1919 году был отец Дмитрий, который у нас и помер, но не Павел.

Из событий 1919 года нам хорошо запомнился только один случай — это приезд белогвардейского карательного отряда офицера Козловского...

А. Ю. Черневский: Козловского? Вы точно помните? А не Кузнецова?

Е. Ф. Григорьев: Нет, Козловского. Хорошо знает вся деревня. Солдаты всё говорили: «Наш начальник отряда господин Козловский шутить не любит».

Они высадились из эшелона на переезде. Пока тут страх нагоняли, эшелон их дожидался. Откуда пришел эшелон — из Тайшета или с Алзамая, не скажем. И куда ушел, тоже. Было это Великим постом в Благовещение, в начале апреля. Наш отец Дмитрий уехал в Николаевку (что возле станции Байроновка, 10 верст от нас) служить. Когда прибыл отряд, отца Дмитрия не было.

Козловский послал своих солдат с обыском по домам — в каждый дом два человека. Отряд был большой, человек сто, а то и больше. Сам Козловский и несколько человек сидели в сельской³. Искали оружие, но ни у кого ничего не нашли, за исключением одного.

В Новой деревне жил крестьянин Захаров Иван Петрович. У него была жена и дочь Лукерья. Дочь была замужем за байроновским Кондратьевым Егором Сергеевичем. Когда он был на германском фронте и в плену, она сошлась с другим и уехала, а Егор, вернувшись, жил временно у тестя. В день приезда карателей он то ли спрятался, то ли куда-то отлучился. Когда в дом вошли беляки, то увидели на стене винтовку, берданку охотничью, сумочку с припасами и лыжи. Решили, что в доме есть партизан, и привели тестя, старика Захарова Ивана Петровича, с этим имуществом к сельской. Козловский вышел, подошел к Захарову и ударил его перчатками по лицу: «А, этот?..»

Вошел в сельскую, сам написал приказ о расстреле и велел четырем солдатам привести его в исполнение. Жена бросилась в ноги Козловскому, но он был неумолим. Захарова отвели к лесу, там, где кладбище, — за сельскую, но так, что видно было из деревни, — и расстреляли из четырех винтовок.

«Все село построить в ширинку!» (Черневский: «В шеренгу». — Е. С.). Выгнали всех мужчин и подростков, поставили около сельской. И пулемет тут. Вышел Козловский. В это время по переулку, что идет возле сельской на юг, за линию, и ведет в Николаевку (там есть дорога), возвращался отец Дмитрий. Он остановил лошадь, сошел с саней и вошел с Козловским в сельскую. О чем там речь была, никто не знает, а только вышли они вместе, и Козловский велел распустить крестьян.

³ Сельская — общественное здание для осуществления общих дел жителей села, нечто схожее со зданием сельского Совета в СССР, администрации села в настоящее время.

«Труп расстрелянного партизана не убирать! Кто коснется — расстреляем!» С этим и уехали — были не долго, не обедали и не ночевали. Перед этим ходил слух, что каждого третьего будут расстреливать. Да, перед отъездом они сожгли дом убитого и партизана Егора Романовича Лобачева (женам разрешили вынести вещи). Вот только эти два дома и сожгли. Труп лежал два дня. Потом разрешили похоронить.

А. Ю. Черневский: А еще раньше бывали каратели?

Е. Ф. Григорьев: Кажись, нет.

А. Ю. Черневский: Еще какого-то старосту выпороли за то, что его сын-дезертир оказался дома...

Е. Ф. Григорьев: Старост было много — никто не хотел служить, а кто хотел, может, боялся, поэтому назначали всех по очереди. Так вот, был в ту пору черед Антонова Луки Терентьевича, или еще как, его пороли белые в сельской на лавке. А за что — не знаем.

Было у него три сына: старший Дмитрий, средний Михаил, 1900 г.р., младший Иван, лет пятнадцати (Черневский: «Удалось уточнить: Иван Лукич Антонов, 1905 г.р. — Е. С.), но, кажись, никто в армии не был и не бежал. Надо спрашивать у Ивана Лукича, он живет в доме, построенном на месте сгоревшего дома Лобачева. С ним еще приключилась история: поехал за водой к переезду в Черепановский колодезь (а переезд назывался Лаврентьевский, блокпост Лаврентьевский), а там стоял броневик, он обстрелял парнишку. Коня убило, а ему шубу изрешетило. Крепко изгалялись белые — что было, то было...

И еще одна бывальщина — про сельского писаря хромого Гришку Шелехова и его жену Татьяну Ивановну (по-девичьи Дрожжину). Ходил слух, что они всех предают, открыто грозились. Однажды ночью приехали партизаны, вошли в дом, стреляли в Гришку, он упал под койку, стреляли в Татьяну, а приемную девочку не тронули. Потом оказалось, что Татьяну-то убили, а Гришку только в шею ранили, он ожил и долго еще жил.

Бывало, наезжали чехи и румыны, но особого изгальства не было. Чехи обходительные, за все платили. Были они в аккуратной форме.

А. Ю. Черневский: Скажите, а не было никогда в селе Красильниковцев и самого атамана Красильникова?

Е. Ф. Григорьев: Про такого слыхивали, но у нас он сроду не был. А Красильниковцы-то, может, и были с Козловским.

Чехи приезжали летом верхом, человек пять, и заезжали к нам, заказали яйцо, молоко. И за все платили. Все молодые и красивые, чистые.

Кроме партизан, которых мы помянули, есть много живых старых людей, которые тоже могут кое-что рассказать, все они живут в Байроновке: Романовский Федор Григорьевич, Дрожжин Филипп Андреевич (дядя партизана Василия), Шутов Терентий Иннокентьевич (бедняк), Шелехов Никифор Иннокентьевич (эти четверо живут в Старой деревне), Тычков Михаил Павлович (Новая деревня, возле переезда).

(Черневский: «Криволицкий на стр. 23 своей книжки относит эпизод с карательным отрядом в Байроновке к 20 марта, в своеобразном варианте. Между тем Благовещение идет после Алексеева дня, бывает 25 марта по старому стилю, или 7 апреля по новому стилю». — Е. С.)

ГАВРИЛ ПЕТРОВИЧ АГАПИТОВ**Родился в 1900 году.****ВАСИЛИЙ КУЗЬМИЧ ДРОЖЖИН****Родился в 1990 году.****Беседа состоялась 12 января 1964 года в селе Байроновка
с каждым в отдельности.**

Оба старожилы и партизаны. Рассказ Агапитова мало интересен, путанный, хотя сам он еще здоровый, полный и краснощекий мужчина. Из рассказа видно, что в партизанах был мало.

В. С. Дрожжин: Все карательные экспедиции, а их было много, прошли на наших глазах, еще до призыва нас в колчаковскую армию. Первый отряд карателей выпорол старосту Антонова Луку Терентьевича за сына, дезертира Дмитрия (они жили у самого переезда). Самого Дмитрия, кажется, взяли и вернули в армию, потом он снова бежал и был у партизан, кажется, даже перешел из 6-й роты. Вообще в 6-й роте было много наших байроновских: «

- Григорьев Григорий Федорович, 1898 г.р.,
- Антонов Дмитрий Лукич, 1898 г.р.,
- Шеин Егор, жив, сторож Дома культуры в Тайшете,
- Абдалов Иван.

(«Не верно!» — замечание Черневского относительно этих фамилий. — *Е. С.*)

Об этом гораздо лучше и точнее расскажет сам Григорьев, проживающий в Байроновке.

Козловский хотел сжечь и дом партизана Козлова Егора Николаевича, но старик Иннокентий Абрамов заступился.

5 мая 1919 года меня, Агапитова Гаврилу Петровича, Кондратьева Алексея Ивановича и Абдалова Федора призвали в колчаковскую армию. Что касается других, указанных Агапитовым Гаврилой Петровичем, это не верно. Агапитов Федор Иванович был взят, но не с нами и в партизанах не был; Антонов Денис Романович — тоже; Антонова Михаила Лукича, хотя он с 1900 года, не призывали; а Яковлев Михаил Павлович и Абрамов Наум Данилович вообще ни при чем.

В Нижнеудинке переночевали только одну ночь и попали в маршевую часть на запад, в Ачинск. Решили бежать.

Везли в теплушках. Хорошо было бы бежать на станции Байроновка — кругом тайга, но там эшелон оцепили, боялись, чтобы не дезертировали. В Тайшете полно людей: чехи, русские. Решаем обмануть. Сказали, что тут наши семьи, забежим, продуктов возьмем и вернемся. Офицер разрешил. Оставили в вагоне вещи и в одних гимнастерках четверо пошли. Вышли на

Березовую¹ улицу, идем спокойно. Едут конные чехи, не обращают на нас внимания. Прошли через поскотину, там была будка. Потом пересекли железную дорогу и вышли к кладбищу² за лесозаводом — и домой в Байроновку. Переночевали дома одну ночь. Я спал в сарае в дровах. На утро ушли в Серафимовку. Попали как раз к тайшетскому наступлению, но сами в нем не участвовали.

После этого начался разброд. Гаврила Агапитов скитался в районе села Шелехово и Ингашета до осени, а я с надежденскими ребятами и другими, всего человек семнадцать, сразу ушли в тайгу за Байроновку и целое лето скитались между Байроновкой и Алзамаем. Ломали пути, спустили поезд с продовольствием около блок-поста Шелехово³.

Байроновские: я, Шеин Георгий (Егор), Пилипенко Назар, Бурнашов Игнатий (позже стал бандитом и убит во время облавы советской милиции в 1921 году). Надеженские: Панасенко Яков, Машутенко Семен, Машутенко Петр, Волчков. Но вскоре надеженские ушли, и нас осталось человек девять, скрывались на Чалпаке — это место в тайге и горах в семнадцати верстах от Байроновки. Потом с Шиткинского фронта пришел некто Волков, тайшетский, и увел нас на Чуну. Волков пришел в Байроновку, когда мы там были, чтобы помыться в бане.

(Черневский: «Агапитов рассказывает, что к ним в Байроновку пришел их же байроновский партизан из Гоголевского отряда Гурьянов Егор собирать людей и увел в Шиткино десять человек: его, Сватниковых Федора и Александра Петровичей, Кондратьева Алексея Ивановича, Пилипенко Назара и др. Шли через Гоголевку и Борисово в Шиткино. По пути в Борисовой захватили прибывшего туда из Нижней Заимки предателя Ветрова и расстреляли».)

Отряд Степана Петрова

С Неванки осенью 1919 года был послан большой отряд под командой Степана Петрова в обход румынам, тайгой, на Тремино. Такова была задача. Но неванский проводник старик заплутал в тайге, три дня и три ночи плутали и вышли не в Тремино, а в Бузыкканово. С Бузыкканова на Ключик (Кемчено). Жара. Расспрашиваем, никто не знает, где румыны. Несут нам огурцы, молоко. И вдруг с треминской горы спускаются румыны и поливают деревню из пулеметов. Мы все бежать в тайгу, лезть трудно, скатываемся, но снова лезем. Разбежались. В бой не вступили. Собрались все в Шегашете, оттуда в Черенгачет, затем в Черчет. Там уже наши. В этом отряде были: Степан Петров, я...

Чукшинская операция

В зиму 1920 года, когда мы стояли в Синякино, где я был во взводе Степана Петрова, нас, человек шестьдесят, на подводах отправили на Чуну для разгрома белого отряда. В этом отряде были я, Дункан (трус, голову в

¹ Ныне улица им. Андреева.

² Современная территория парка по ул. им. Пушкина.

³ Поселок Ново-Шелехово, восточнее села Николаевка.

снег), два румынца-пулеметчика, Каверзин Илья Васильевич (Черневский: «Был!». — Е. С.), Блинов Архип алзамайский, Григорьев Григорий Федорович (тот, что из 6-й роты, живет в Байроновке), Куренков — откуда он, не знаю (Черневский: «Не получеремховский ли Куренков Владимир?». — Е. С.)... Не помню, чтобы с нами был Степан Петров.

Белый отряд стоял в Чукше, небольшой деревушке в несколько избенок (Черневский: «Шестнадцать дворов, от Мироново четырнадцать верст». — Е. С.). Он был смешанный, в гражданской и военной одежде. На санях два пулемета.

Ехали через Шиткину, затем по Неванскому тракту в Мироново, там не ночевали. С Мироновой шли пешком, некоторые на лыжах. Подошли к Чукше вплотную перед зарей, видать в полверсты, обдумали, как действовать. Повернули вправо с дороги и далеко обошли деревню, вышли к балке (ущелью), обогнули его речушкой.

Залегли на гребне ущелья с двух сторон. Это у самой деревни, слышать все — как собираются, запрягают лошадей. Приказ: подпустить к самому выходу из ущелья, а потом стрелять. Лежим ждем.

Первыми же выстрелами сняли обоих пулеметчиков, румыны — к пулеметам и строчат по белому обозу в двух направлениях. Из хвоста обоза сорока пяти белым удалось пушком бежать обратно в Чукшу. Мы их там настигли и всех расстреляли, в том числе восемь или десять попов. Дети были, но немного, они погибли при обстреле обоза. Помню, один раненый попробовал (попросил? — Е. С.) перевязать, оказать помощь. Куренков наставил ему в рот дуло винтовки и выстрелил.

Блинов⁴ был, кажется, командиром всего отряда. Он живет сейчас на станции Алзамай.

У белых были подводчиками и наши байроновские (Черневский: «Кто?» — Е. С.), ново-акульшетские и мироновские. Когда началась стрельба, они, выскочив из саней, подняли руки и бегут: «Мы ваши, не стреляйте!» — и лезут на гору. Мы никого из них не тронули, все вернулись домой.

После боя обратно в Шиткино мы не возвращались, а вышли к линии железной дороги по Чунскому тракту и соединились с Красной армией где-то в Рубахино за Нижнеудинском.

Отдельные эпизоды и замечания

- Карательный отряд, которому было приказано уничтожить Старый Акульшет, высадился ночью из вагонов на байроновском переезде, взял подводы и прямой дорогой, ночью же, выдвинулся из Байроновки.

- Некоторые говорят, что Козловский приезжал не поездом, а с кавалерией из Тайшета.

- Поп наш действительно выручил людей. Однажды броневик стал из пулемета строчить по деревне. Поп вышел с крестом — и идет навстречу граду пуль. Деревня за ним.

⁴ Умер в 1970 году.

• Многие байроновские из Гоголевского, а больше из Акульшетского отряда погибли в тайшетском бою: Козлов Егор Николаевич, Лобочев Егор Романович, Абрамов Мирон Иннокентьевич, Бурнашов Иосиф Константинович, Захаров Павел Константинович (этого пулеметной очередью перерезало пополам), Антоновский Владимир (убило прямо в вокзале). Всех похоронили в общей яме (братской могиле) в Тайшете. Козлову, который был небольшим командиром, бросая в могилу, чехи вложили в руки палку: «Командуй, командир!».

• Из новоакульшетских погибли в том бою: Романовский Михаил Ананьевич и его брат Константин, Романовский Матвей Иванович, их племянник, Иванов Матвей.

• Байроновские партизаны (кроме погибших в Тайшете):

- Кондратьев Январь Сергеевич, небольшой командир,
- Гурьянов Георгий (Егор), был в Гоголевском отряде,
- Дрожжин Василий Кузьмич, отряд Петрова, чукшинская операция,
- Григорьев Григорий Федорович, 6-я рота,
- Сватиков Федор Петрович,
- Сватиков Александр Петрович,
- Кондратьев Алексей Иванович,
- Пилипенко Назар,
- Абдалов Иван — 6-я рота(?),
- Абдалов Федор,
- Агапитов Гаврила Петрович, 1900 г.р.,

(Черневский: «А Романовский Прокопий Григорьевич?» — Е. С.)

- Антонов Дмитрий Лукич,
- Шеин Георгий (живет в Тайшете).

• Новоакульшетские партизаны (кроме погибших в Тайшете):

- Романовский Иннокентий (???)

• Надежденские партизаны:

- Панасенко Яков,
- Машутенко Семен,
- Машутенко Петр,
- Волчков.

ВАСИЛИЙ АНТОНОВИЧ МИГАЛЬ

Родился в 1893 году,
уроженец и бывший житель станции Ключи, Тинской волости,
бывший красногвардеец и партизан,
ныне пенсионер, проживает в Тайшетском районе на станции Чуна¹,
ул. Зеленая, 10, кв. 1.
Беседа состоялась 20 февраля 1964 года.

В. А. Мигаль среднего роста, даже ниже среднего, плотный, коренастый, осанистый, широкоплечий сибиряк с зелеными глазами, хорошо сохранившийся. Разговорчив, несколько хвастлив, самоуверен, голос грубый, громкий, трескучий.

Фронтвик, красногвардеец, участвовал в борьбе с юнкерами в Иркутске в составе группы иланцев в тринадцать человек, в декабрьском канско-иланском восстании 1918 года в составе отряда Родиона Карабача, после чего был схвачен и посажен в Канске на гарнизонную гауптвахту (в тюрьму). Об этой истории рассказывается в статье-воспоминании К. Мигалья, опубликованной несколько лет назад в газете «Заветы Ленина» (Тайшет).

Деревня Ключи белее пятидесяти дворов, школа, отделение почты. До Тинской 28 верст, до Канска 106 верст, до Решет 6 верст. От Решет до Тинской 25 верст.

В. А. Мигаль: Как мне удалось бежать из тюрьмы? Об этом лучше рассказывать, начертив план гарнизонной гауптвахты, находившейся в районе военного городка, но не в зоне его, а рядом. Она имела около десяти одиночных камер, одну большую общую камеру и кладовую для вещей. Здание было одноэтажное. «

Со мной в камере сидел участник канского восстания фельдфебель (Черневский: «Богомилов», — Е. С.), я посвятил его в план побега, и он мне помог. Ночью постучались, открылся волчок, попросились в уборную. Первым сходил я. «Разрешите, пойду, живот болит», — сказал я, взявшись за живот. Разрешил. С фельдфебелем договорились, чтобы он подольше сидел в уборной. Тупики коридора были абсолютно темны, я надел шинель с вешалки, взял чайник и пошел. Задремавший караульный начальник поднял голову от стола и опять уронил, думая, что это кто-то из своих (???)

Выйдя на дорогу, остановили проезжавшего в кошеве извозчика. «Стой, довези к перевозу», — «Бежишь?» — «Бегу». Повез. Так я вернулся в свою деревню Ключи, где у меня была мать Анна Васильевна и жена Федосья.

¹ Станция и поселок Чуна, как и некоторые другие населенные пункты Чунского района, в 1963—1964 гг. были включены в состав Тайшетского городского промышленного района, часть населенных пунктов была отнесена к Тайшетскому сельскому району.

Я точно знаю, что в Ключи приезжал, вернее проезжал через Ключи, Бич с группой два-три человек. Они ехали в Кучерово или на связь, или на организацию фронта. Лично я его не видел, он встречался там с кем-то, отсюда мы узнали, что в Конторке открылся фронт. Бич, когда приехал, зашел в магазин местного лавочника Марьева Ивана Феокистовича (Феофантович?), набрал бродней и ичиг².

На втором собрании говорят: «Выделить подводы в Тинскую. Распоряжение Красильникова. На Кучерово». Запряг и я. Председатель — Бесамыкин (красильниковцы с эшелонем и казаки в Тинской). Подвод десять. Идут Бодягин... Иванов (далее неразборчиво, рабочие записи, но ниже более внятный текст. — Е. С.).

После этого я, Арефий Миронович Казаков (холостяк, но постарше меня, тогда уже тридцати лет, фронтовик), братья Ивановы Федька и Митька (оба женаты) и Бодягин Александр (делегат 1-го партизанского отряда на бузьяновском съезде) собрались побриться к одному мужику, и зашел опять разговор о Конторке, о Шиткинском восстании. Ни до чего не договорились. Разошлись.

Навстречу мне знакомый, бывший стражник, милиционер-колчаковец Журавлев Игнатий. Я взял водки, пошли ко мне. И с ним я про то же. «Что ты? Я лучше к чехам или к Красильникову пойду. Там и оружие, и обмундирование, и харч добрый». «Дурак, против кого?» Но он все на своем. «Ну, вот что, если я тебе попадусь — ты меня убей, а если ты мне попадешься — я тебя». На том и разошлись.

Вскоре вдруг на сходе объявляют — выделить десять подвод в Тинскую. Поехал и я на своей кобыленке, сам в броднях, однорядка и кушак. Снаряжал нас староста Бесамыкин.

Приехали на железнодорожную станцию Тинскую, а не в село, которое в четырех или пяти верстах (более двухсот хозяйств). Я попал на постой к крестьянину Фоме Дьяченко, который жил на выезде с Тинской в Кучерово. Заходит дежурный офицер. То да се. Он проболтался, что наступать будут не по Кучеровской дороге, а с Ингаша (красильниковский эшелон и казаки стояли уже на станции Тинской).

Утром иду на базар. Бывший урядник³ Витька Питиримкин с офицером ходят, заглядывают в бумажку и вылавливают людей. Решил бежать. Вернув-

² Из выделанной кожи-юфти изготавливали бродни, ичиги и олочи. Бродни имели голенище до паха, ичиги — до колена, а олочи — всего 30 сантиметров длиной. Ичиги — вид легкой обуви, имеющей форму сапог с мягким носком и внутренним жестким задником.

³ Нижний чин уездной полиции в России в 1878—1917 гг., ближайший помощник станового пристава (полицейская должность в царской России, учрежденная в 1837 г. в каждом стане). До 1862 г. назначался и увольнялся губернатором из кандидатов, представленных местным дворянством. Подчинялся уездному исправнику и земскому суду (с 1862 г. — уездному полицейскому управлению). С 1878 г. в распоряжении становых приставов были полицейские-урядники. Должность ликвидирована в 1917 г.

шись к хозяину, настриг мелко с гривы кобылицы волоса — и в ноздри ей. Потекло, кобылица засопела. Бегу к полковнику в вагоне. У него девица. Объясню, надо, мол, срочно к ветеринару, который в селе Тинском. Посылают в канцелярию, что в отдельном вагоне, и девицу, чтобы подтвердила.

«Господин полковник приказал выписать пропуск до Ключей, лошадь сапом заболела». Думаю, если попадусь, скажу: оговорился, поскольку сам ключевской. Но девица не больно-то прислушивалась. Подтвердила.

Второй риск — на подпись полковнику. Но тот подмахнул не прочитав. Я благополучно проехал все три переезда (?) и через Решоты вернулся домой, на старую станцию Ключи, что в двух верстах от деревни. Быстро перепряг кобылицу на терегушку (?), кладу с сани вилы, грабли, бастриг⁴, топор, вроде по сено поехал.

Проехал восемь верст до Михайло-Шахова, сменил у родственника, Поздняка, лошадь, а затем через Черемшанку — Пол-Черемхово — Еловую приехал в деревню Конторку, без оружия. В Конторке меня встретил Игнатий Козлов, я ему все рассказал. Конторцы немедленно послали лыжников в Кучерово предупредить об опасности с Ингаша (?).

В таежный отряд Бича вскоре прибыли Арефий, братья Ивановы, Шурка Бодягин, с ними Любосей (Черневский: «А не Лобасеев?». — Е. С.) из Ингаша или Тинской. Это тот самый, что подорвал себя гранатой, когда Иванов Дмитрий убил себя из четырехлинейной⁵ винтовки. Юртинцы Малеев и Осипенко прибыли тоже после меня.

Я все время был в составе таежного отряда, участвовал во всех операциях, в разборе пути у Енисейского (у деревни Енисейка) переезда, когда нас, с Бичом во главе, было человек сорок. Мы хотели свалить броневик самодельный. Но он заметил порчу пути, встал. На тендере пулемет. Мы залегли за насыпью старого пути. Нас поливали из пулемета.

Был с нами партизан Павленко, Иван Грозный по прозвищу. Его прозвали так за то, что был смел. Во время одной нашей операции между Юртами и Точильным он близко подошел к будке. Вышел чех, он его убил, выходит на выстрел второй — он в него, но только ранил, и тот обратно в будку. А Павленко поднял кулак: «Куда ж ты? Я вам покажу!». Он сам из железнодорожных рабочих, но откуда точно, не знаю.

Во время красильниковского наступления я был с группой двенадцать человек на диверсии под Черемшанкой, но без Бича. Были со мной Грозный, еловский Москвитин Дмитрий (?), других не помню, и кто за старшего, тоже не помню (Бич назначал разных людей: «Ты поведешь!»). Мы туда ездили на подводах.

Там как-то узнали, что наступает Красильников, и вернулись. Козлов посылает нас на болото, с фланга от белых. Мы были на лыжах-галичках, т.е. без камыса (камус). И вообще камысовых лыж у партизан было мало. И нож на боку.

⁴ Бастрик — жердь, при помощи которой притягивают сено или снопы на возу.

⁵ Линия — устаревшая мера длины, равная 1/10 дюйма, 2,54 мм.

Там были только засада в шесть человек да мы еще. Белые шли по дороге пешие, а сзади поставили сани. Когда они под нашим фронтальным огнем повернули назад, их стал с саней поливать свой же пулемет (???). В этом бою ранило Грозного и еще одного. Мы взяли воз патронов и вернулись на гору. К этому времени у партизан уже кончились патроны, а уехавший за нами верховой Бугаев Николай долго не возвращался. Хотели уже отступить — и вдруг воз патронов! Яков Москвитин (он был в броднях с желтыми голяшками) обрадовался: «Ну, теперь держись!».

После отступления мы долго стояли в тайге под Шиткино у Ключика. Там Костя Москвитин, он принял партизанскую фамилию Зверев, а Евдоким Кочергин — Туровников. Я попал в их отряд в сто десять человек для похода на Ангару.

Во Дворце встретились со Смолиным. Он здесь у приискателя Попова забрал и присвоил золото, а в Кежме у Фомы Андреевича Суздалева увел вороного (черной масти) жеребца.

После возвращения с Ангары я был послан из Кондратьево на связь с Апанским фронтом. Один на лодке через Малеево и Хаю, а оттуда 30 верст через хребты таежный тропой в Федино⁶. Но там только отдельные безответственные группы партизан. Оттуда на плоту в Усть-Кайтым. Там военный лагерь тасеевцев с семьями, детьми в шатрах под ветками и берестянками.

В дальнейшем действовал в составе Тасеевского фронта. Участвовал в разгроме каппелевцев, двигавшихся на Богучаны.

Хочу сказать, что у Бирюсы было два крупных боя: мартовский и апрельский, но мартовский не сильный. Пути наступления в обоих случаях у белых были одни и те же: из Тайшета по тракту и с линии железной дороги по пашенной дороге с Бирюсинского переезда или трубы и по болоту. Русские и чехи. Чехи в основном действовали с линии железной дороги, обстреливали из орудий, их дело — артиллерия. Пехотинцы все русские. Чешской пехоты не было, и в цепи они никогда сами не шли. Наблюдателя-корректировщика в первом бою снял Николай Чемоданов с сосны.

А серого коня под разведчиком убил из своей длинной винтовки вервельтье (итальянская, с мостового караула) (Черневский: «Андрей Патрин». — Е. С.), положив ее на поскотину как на упор. Разведчик был от него за километр и поэтому смог скрыться.

⁶ Федино — деревня Абанского района, основана в XVIII в. братьями Нефедом и Федором Рукосуевыми, по имени одного из них и названа. К моменту основания Абана эти места заселяли кочевые племена. Название «Абан» происходит из асанского языка и в переводе означает «медвежий угол». Основали Абан разночинцы из Тасеево, четыре брата Туровых: Афонасий, Оксен, Григорий и Яков. Единственный источник — переписная книга податного населения за 1762 год, указывающая, что в Тасеевском присуде Енисейского уезда во время третьей ревизии 1762—1763 года существовала «Абанская деревня» и в ней насчитывалось 55 жителей, в том числе 28 душ мужского пола, все носящие фамилию Туровых.

ГРИГОРИЙ ФЕДОРОВИЧ ГРИГОРЬЕВ

**Родился в 1898 году,
уроженец и житель села Байроновка,
бывший партизан из солдат восставшей 6-й роты.
Беседа состоялась в селе Байроновка 22 февраля 1964 года.**

Мой год подлежал призыву в 1919 году, но я был призван в начале 1917-го и направлен в Иркутск, где и застала весть о свержении царя. Меня направили на Западный фронт в Минск, там, через восемь месяцев службы, узнал о свершившейся Октябрьской революции. После голосования в Учредительное собрание — 12 номеров, демобилизовался и перед Рождеством приехал домой. «

Вскоре советская власть в Сибири пала. Стали призывать в Белую армию. Со мной были призваны Агапитов Павел Григорьевич (был потом партизаном, но, зайдя в свою Байроновку, пропал без вести, говорили, что его кто-то убил, трупа не нашли), Антонов Дмитрий Лукич, Абрамов Мирон Иннокентьевич — погиб в тайшетском бою.

Нас призвали в начале зимы 1918—1919 гг., месяца за три до Масленицы. Все мы попали в 3-ю роту 12-го Сибирского стрелкового полка, командиром которого был подьесаул Кузнецов.

Месяца через три решили бежать. Взяв увольнительные в город, мы, четверо байроновских и несколько алзамайских, а всего двенадцать человек, бежали. Из алзамайских помню троих: Кондратьев Иван, Кушков Гавриил, Михайлов Павел, их уже нет в живых.

Дома больной отец, сена и дров привезти некому. Надо было обратиться подалее, в Щетиновку к родне, но пришлось задержаться. Вот уж и коня наладил, в баньку сходил в субботу (Черневский: «По календарю это 1 марта, очевидно, не в субботу, а в четверг или в среду». — Е. С.). Иду из баньки, накинув полушубок, слышу: в деревне стрельба. Пляжу, с Николаевской дороги по зимнику в село влетает белогвардейский отряд.

В село к своим знакомым Сорокиным приезжал погостить на Маслену дезертир Ронжин из Серафимовки. Он собрался уезжать, уже запряг лошадь и ехал по деревне, как увидел ехавший наперерез с Николаевской дороги отряд, решил проскочить, ударил лошадь. В него начали стрелять и убили. Солдаты догнали, остановили коня, Ронжин был мертв.

Этот зимник имел два въезда в нашу деревню: у сельской и между Старой и Новой деревней, за мостом на горе. Вот у второго въезда это и было.

Солдаты рассыпались по селу выявлять дезертиров. И Белькович, и солдаты были из нашего полка и часть из нашей роты. Бежать было поздно. Я решил сдаться и поспешил сам навстречу солдатам. Узнаю своих. «А, дружок, Маслену справляешь?» «Какая Маслена, братцы, отец больной лежит». Зашли в избу, посмотрели. «Ну, пошли».

Ведут в дом Яковлева Павла, что на углу у моста. Оказывается, Белькович со штабом, т.е. со своими офицерами, остановился здесь. Там же и

прапорщик Высоцкий в очках, молодой, но рьяный, — выслуживался, издевался над крестьянами. «Вот, ваше благородие, Григорьева привели, сам шел к вам сдаваться». «С повинной, значит. Эт-то хорошо. Как же это ты, голубчик, из армии бежать решил, а?» — он был в благодушном настроении. «Ваше благородие, отец помирает, дров и сена привезти некому... Я только подсобить ему и обратно вернуться хотел». — «Иди. Утром к 9 часам явиться».

Отряд решил заночевать. Они привезли с собой много арестованных крестьян, но я знаю только алзамайских Кондратьева, Кушкова, Михалева и Голвина — отцов дезертиров.

Отряд — целая рота, человек семьдесят. Их привезли николаевские мужики, которых отпустили, а нарядили байроновских. Солдаты тащили лыжи, шинели, боеприпасы, но винтовок и ружей ни у кого не нашли.

Утром собрали меня, Антонова Луку Терентьевича (его как старосту еще и высекли в деревне), Абрамова Данилу Ивановича (за сына-дезертира Иннокентия), самогонщицу вдову Шкуратову (у нее нашли целый логушок¹ в три ведра самогона), Григорьева Харитона — дезертир, бежавший еще раньше меня, а также алзамайских и других арестованных, и всех повезли в Тайшет. Выехали в обед, а приехали в Тайшет под вечер, но в Новом Акульшете не останавливались.

Всех арестованных сдали в арестное помещение волостной земской управы. Это уже часов пять вечера. В тот же вечер привели первого арестованного в Тайшете, за красный флажок на дуге, крестьянина Афанасьева. Потом стали приводить много пьяных: была Маслена и люди гуляли, разъезжали по улицам. Каждому давали по 10—25 плетей, а на конце плети обшитые резиной две или три пяти-, трехкопеечные монеты. Раскладывали тут же на глазах у всех и пороли. Палачом был здоровенный детина Кошкарров.

Ночью приводили все новых и новых. Привели стрелочника Долматова, якобы за агитацию в стрелочной будке. Ему дали девяносто шомполов, забив до полусмерти. И много других.

Не помню точно, на следующий день, или еще через ночь, отряд, забрав всех арестованных, поездом отправился обратно в Нижнеудинск. Стариков наших байроновских всех отпустили: их сыновья явились в Тайшет с повинной. Меня, Абрамовых Иннокентия и Мирона, Антонова Дмитрия и других посадили в одну теплушку с Долматовым и туда же поставили лагушку с самогоном. Мы ее дорогой выпили и налили туда воды (вероятно, это было в ночь на 2 марта или утром 2 марта, не раньше.) В Нижнеудинске нас посадили на гауптвахту. Долматова там расстреляли. Вскоре всех дезертиров перевели в казарму в свой полк. (Кузнецов жил в военном гарнизоне.)

В казарме построили семьдесят дезертиров, я стою первым с правого фланга. «Григорьев, в дежурку!» Дверь в дежурку открыта, видать койку и па-

¹ Логушок — деревянная кадка (бочка цилиндрической формы, сделанная из деревянных клепок (дощечек) и обтянутая металлическими или деревянными обручами), различной емкости.

лача с плетью. «Десять плетей!» Я оделся поплотнее, не раздевали — вынес. «В строй!» Встал. «Антонов Дмитрий! Восемнадцать плетей! Мамаев Кузьма! Семьдесят пять плетей!» Чем ближе к левому флангу, тем больше плетей.

После порки Белькович берет четырех человек с правого фланга, в том числе меня, к себе в роту, в карательный отряд.

Через несколько дней к нему является ординарец с пакетом. Белькович командует: «Командиров взводов ко мне!» Потом построили роту. «В 6 часов вечера выступаем на марш. Получить новое оружие и приготовиться».

Выдали новенькие японские винтовки (японки пятизарядные) и девяносто патронов. На единственную подводку уложили восемь ящиков ручных ударных гранат и пешим строем под вечер двинулись по Чунскому тракту. В первой деревне — Коксад² переночевали.

Два взвода были из местных крестьян — тайшетцы, бирюсинцы, серафимовцы и др. Я был во 2-м взводе, командир — алзамайский Головкин, унтер-офицер³. Первый взвод — Юферова, унтер с нашего года. Он порол солдат, когда заставляли. Вторая полурота из чужих, не знаю. Прапорщик Высоцкий был отправлен из Баера с отобранным имуществом в сопровождении двух солдат за пулеметом.

В Костиной⁴ обедаем, узнаем как и что.

В каждой деревне мы ходим с обыском, забираем имущество, но вот в Одринной разошлись по домам и сидим, никто не обыскивает, ничего не несет. Белькович приказывает горнисту играть сбор. «Почему не производите обыск?».

Утром построили. Офицеры стоят в стороне и указывают, кому в какие сани садиться. Ни с места. Белякович взялся за револьвер, но Юферов в него выстрелил, и тот побежал. Кони врассыпную. Фельдфебель и Кошкаров тоже, Перфильева и еще одного высокого убили.

Белякович бросился к реке, где навозная свалка, и пропал. Нашли зарывшихся в навоз его и Кошкарова. Беляковича изрешетили пулями, стреляли все кому не лень. Кошкарова помиловали.

Срываем с себя погоны. Вся деревня усеяна ими, а ребяташки подбирают.

В Каменке (?) выбрали парламентаров к шиткинцам — Глушнева и Головкин, но до Бунбуя доехали вместе. С Бунбуя только выехали парламентары. Встретились на волоке с Костей Москвитиним и Евдокимом Кочергиним, и все четверо вернулись в Бунбуй.

Построились. Выпили. Ночуем вторую ночь в Бунбуе.

² Коксад, деревня в 14 км от Нижнеудинска на северо-восток, в составе Атагайского муниципального образования.

³ Нижние чины и категория младшего командного и начальствующего состава в вооруженных силах разных стран, условно соответствующая сержантско-старшинскому составу в советских, а затем и в российских вооруженных силах.

⁴ Ныне поселок, расположенный на левом берегу реки Уды, в 90 км на северо-восток от Нижнеудинска.

На следующий день едем в Шиткино. Там Бич, Ходя и человек двадцать партизан. В Шиткиной тоже заночевали. Потом по отрядам: одна полурота в Старый Акульшет, вторая, наша, — в Конторку и Бирюсу.

Из байроновских со мной в 6-ю роту попал только Захаров Николай Михайлович, он живет сейчас в Щетиновке.

После отступления ходил на Ангару в составе отряда Зверева. Вернулись в Мохначи, где я попал в отряд Федора Семеновича Кочергина, прикрывавший Неванский тракт, в конную разведку Николая Шалыгина из пятнадцати человек (всего в отряде Кочергина — Маевского было сорок человек). От этого отряда я был на съезде в деревне Бузыкановой. С этим же отрядом мне пришлось участвовать в разгроме белых на Чукше (Черневский: «Рассказчик здесь путается, но рассказ стоит зафиксировать». — *Е. С.*).

Чукшинская операция

Прибыв в небольшую деревушку Городище в три двора (не более пяти), узнаем, что сюда заходил белый обоз в шестьдесят лошадей, но прошел на Костино (Черневский: «На Мироново. На Костино — ерунда». — *Е. С.*). Едем в Костино (Черневский: «Чепуха!». — *Е. С.*), там узнаем, что белые ушли на Чукшу⁵. И мы туда. В Костиной мы еще захватили ихнего фельдфебеля (Черневский: «Это могло быть только в Мироновой!». — *Е. С.*).

Чукша состоит из двух деревушек, расположенных друг от друга в версте. Мы въехали в первую Чукшу в ночь, узнали, что белые ночуют во второй Чукше, и сами заночевали. На рассвете взяли проводника. Он на лыжах, а мы вершие. Провел нас через гору, и мы устроили засаду. Впереди белых ехал один верховой. Своих лошадей мы оставили с коноводом в лесу. Юферова с нами не было...

После разгрома белых пошли на соединение с Красной армией в Нижнеудинске.

⁵ Чукша — деревня, по данным на 1917 год, 16 хозяйств (4 старожильческих, 12 переселенческих), 101 житель (56 муж. и 45 жен. пола).

ИВАН ЕВЛАНТЬЕВИЧ СМОЛИН

**Родился в 1914 году в деревне Березовой на Чуне, Неванской волости.
Беседа состоялась 9 июня 1964 года,
детали уточнялись 19 ноября 1971 года.**

В 1919 году И. Е. Смолину было 5 лет, и поэтому он рассказывал только о бытовых сторонах жизни деревни Березовой.

В мое детство в нашей деревне было дворов 30—35 (по переписи 1917 г., 32 старожильческих и 5 переселенческих хозяйств). Из скота держали лошадей, коров и овец. Свиной мало: большинство жителей охотники и мяса хватало. Сеяли только для себя. Школы не было, отделения почты (?) тоже. Школа была в деревне Савиной (Выдриной) — 8—10 верст.

Самыми богатыми в деревне были купец Насонов Влас и Каверзин Архип. Лишь у трех крестьян были круглые дома: у Насонова Власа и расстрелянных Пепулом Каверзина Кирьяна и Бурмакина Гаврилы. Но кажется, что у Насонова в 1919 году был еще старый дом-изба. Вообще он не коренной житель Березовой, а откуда-то переселился, сродни кондратьевским купцам Носоновым.

По первенству фамилий в деревне шли:

- 1) Каверзины,
- 2) Смолины,
- 3) Бурмакины.

Деревня стояла на правом берегу Чуны, у самой реки, а все пашни и луга на левом берегу. Вот примерное расположение деревни, пашен (станов), переправ и дорог вокруг Березовой (схемы деревни, составленные Черневским, прилагаются к тексту воспоминаний, но в книгу не включены. — Е. С.).

Расположена деревня вдоль берега Чуны, которая в этом месте протекает в с востока на запад. Единственная улица — в два порядка домов, один их которых выходил задом к реке.

Наши березовские крестьяне-охотники уходили на промысел чаще в район рек Бирюса, Пойма, Кучетар (Кочетар?) — охотились на соболя и белку. Там промышляли обычно пять наших хозяйств, имели по две тысячи плашек¹.

Я еще захватил время, когда пахали рогальюхами, — это высокие деревянные плуги или сохи. Сабан — деревянная шебала (шабала)² и отвал с железным лемехом — был и то новинкой. Пока лемех прикрепляешь к деревянному отвалу, замучаешься. Кузнецы — и доброго кузнеца не было — положат на камень-валун лемех и оттягивают его.

¹ Плашка — приспособление для ловли соболя, белки и других пушных зверей.

² Шабала — деталь сохи, направляющей подрезанный пласт земли на одну сторону; отвал.

Посреди деревни на левой, т.е. на южной, береговой стороне улицы, стояла небольшая часовня. Но прихода мы Выдринского, где престольный праздник Троица. В Троицу из Петропавловки в Выдрину по тропе шел народ в праздничной одежде, неся в руках тяжелые иконы и хоругви³. В Березовой за рекой их выходили встречать наши, и все вместе шли дальше (Черневский: «Здесь рассказчик, очевидно, путает. По воспоминаниям петропавловских старожилов, все съезжались туда, где была самая красивая и большая церковь. Очевидно, народ шел не из Петропавловки в Выдрину, а наоборот». — *Е. С.*). Хорошо помню, что через Березовую проезжали белые (Черневский: «Не белые, а партизаны!»). — *Е. С.*)

От Березовой до Петропавловки летом была только пешая тропа тайгой по левому берегу. По ней можно было ехать и верхом. (Черневский: «В партизанские годы по ней ехали верхом на конях из Березовой на Петропавловку в конце июня или в начале июля Пимен Проскураков с тайшетским партизаном Григорием Миненко и новоакульшетцем Григорием Черешневым». — *Е. С.*)

Водный путь был трудней. Здесь много порогов, каких совсем нет от Неванки до Выдриной и Березовой. Первый от Березовой вниз по течению порог — Екунчетский, ниже устья реки Екунчет, там с веку была тайга петропавловских Смолиных. Второй порог — Хонягин. Третий — Орн. Правым берегом догори, и тропы не было.

Забыл сказать, что станы и станки у нас — маленькие избушки: низкий сруб, крыша из дранья двускатная. Во весь рост не встанешь, ходишь согнувшись.

Крестьяне четырех деревень — Выдриной, Березовой, Петропавловки и Кондратьевой — были тесно связаны между собой.

В изложении А. Ю. Черневского

О деревне Выдриной (Савиной)

Это большая деревня в 80 дворов — 63 старожильческих и 17 переселенческих. Здесь была школа, куда ходили учиться единицы из Березовой. Здесь же отделение почты. По словам рассказчика, церковь и приход (Троица — престольный праздник⁴). Но по переписи 1917 года значится не селом, а деревней, и церкви нет. Выяснить! Выяснено — не церковь, а часовня.

Здесь в партизанские годы состоялась встреча партизанского отряда Матвея Критинина (или Криволицкого) с отрядом Зверева — Москвитина и с тылом (госпиталь, старый штаб, хозчасть). Судя по документам, это 3 июля 1919 года (см. протоколы объединенного собрания отрядов в книжке Криволицкого П.Д. «Шиткинские партизаны»). Было 220 человек. Четвертого июля здесь проходило заседание объединенного штаба (см. протокол).

³ Хоругвь — знамя, стяг, стар. корогва, корогвь. Церковные хоругви, священное изображение, носимое при крестных ходах на древке.

Проскураков рассказывает, что знаменитое собрание, на котором предложили разойтись тем, кто не хочет бороться дальше, происходило за деревней, верстах в двух, подальше от людей. И ушли:

- 1) Батрагин Михайл,
- 2) Яковлев Панфил Самойлович (оба синякинские).
Золотухин говорит, что ушли:
- 3) Ознобихин Михаил (потом у Басурманина),
- 4) Критинин Дмитрий Емельянович (был в 30-й дивизии),
- 5) Турков Сергей,
- 6) Конюхов Михаил — тайшетский
- 7) Воробьев Фан.

Готов был уйти и Золотухин, но Бурловы удержали его.

Еще раньше, с Тракт-Ужета, ушел Федор Тимофеевич Неизвестных, конторский (дописано позже: «Бонларев». — Е. С.). Турков и Критинин с лугов все же вернулись, а потом в Березово, когда отправлялся отряд Бурлова, они не захотели идти на Ангару.

О самой деревне Савиной см. кн. 7, стр. 8 (Рукоуев — Каверзин Николай Корнилаевич).

В Савиной вязали плоты! (Жуков Макар.)

О деревне Березовой

Согласно документам здесь проходили собрания 2-го партизанского отряда — 8 июля, объединенное заседание штаба — 9 июля, собрание 1-го отряда — 10—11 июля. Здесь в амбаре сидел под арестом Машуков. Отсюда 11 или 12 июля отправился на Ангару отряд Бурлова (на деревенских конях с двумя-тремя проводниками, вершинами. (Кто подводчики?)

Достоверно березовские партизаны:

- Смолин Прокопий Сафонович,
- Каверзин Андрей Игнатьевич,
- Ефим Сергеевич (прозвище Сека).

Менее достоверно (пуганица в фамилиях, а имена точно):

- Рукоуев Федот Васильевич,
- Каверзин Егор Папертович,
- Смолин Егор Семенович,
- Каверзин Семен Сергеевич,

- Каверзин (Рукоуев) Николай Корнилаевич (он березовский, сын Каверзина Корнилая, но батрачил и жил в Выдриной, в партизанах назвался Рукоуевым да так и остался, участие его в партизанах достоверно, только считали ли его березовским Каверзиным или выдринским Рукоуевым?). Уроженец Кадареи!

О селе Петропавловском

Все в горах. Солнце из-за горы выходит чуть ли не к обеду. В середине июля!

12—15 июля 1919 года здесь проходил партизанский съезд, после которого сбежал Иван Смолин.

Крестьянин, самовольно расстрелянный не то Пепулом, не то Смолиным Иваном, был Васька Жуков. (Его расстрелял Иван Смолин.) Брат Васьки, Иван Гордеевич Жуков, был проводником у партизан, а он, Василий, не любил их, грубил, оскорблял, угрожал гибелью. В момент расстрела вел себя вызывающе.

Попом был отец Василий. 12 июля 1919 года престольный праздник — Петров день (день Петра и Павла).

О селе Петропавловском см. воспоминания Смолиной (урожденной Каверзиной) Евдокии Архиповны (кн. 6, стр. 25—26).

Здесь был похоронен Михаил Раев, умерший на плоту у Степана Петрова. Чепуха! — умер в 1921 году.

Ныне живущие пожилые старожилы — в Березовой: Каверзин Григорий Потапович, Смолин Сергей; в поселке Октябрьском Каверзин Петр Филиппович из Березово, бывший партизан. В Октябрьском его дом возле пекарни на самом берегу. Хороший рассказчик! Смолин — петропавловский, партизан, был в Акульшетском отряде и в Бирюсе. В поселке Полинчет живет Каверзин Александр Емельянович из Кондратьевой, человек с прекрасной памятью, хороший рассказчик; в поселке Суетиха (ул. Калинина, 50 или 58) Каверзин Тимон (Тимофей) Константинович.

Беседа 19 ноября 1971 года

Цель — уточнить некоторые бытовые мелочи. При повторной беседе рассказчик «перенес» бород в другое место: он, оказывается, где-то между озером Атыка (?), мостом из накатника и рекой. Так что если едешь с переправы в деревню, бород, как и озеро, слева, а кладбище справа, и его видать, а если из деревни к переправе — кладбище слева, а бород справа.

И. Е. Смолин: Была поскотина и ворота, переправ две, метров 200—300 одна от другой. А у Выдриной никаких переправ и никакого парома и в помине не было. Паром впервые появился в годы коллективизации. Переправа со стороны Выдриной обрывистая, а на нашем берегу отлогая. Лодки только долбленки. Лошадей плавили так: сам в лодке гребешь, а лошадь в поводу.

Солнце всходило из-за борка над Заатыкой (?), заходило за курьей⁴ (все на правой стороне).

Лошади мелкие, длиннохвостые и длинногривые, разномастные: большие карие, саврасые, пеганые, но были и белые — все типа монголов (в Червянке большие чалые, томской породы). Лошади спокойные, но не выложенные⁵ жеребята или с одним яйцом — злые как собаки.

Собак было много, по три-пять в каждом доме, сибирские лайки разномастные, но на чужих злые, бросаются. Соседские собаки грызутся, но в чужой двор не зайдут. На цепи не держали.

⁴ Курья — заводь, речной залив, особенно мелкий и длинный; в Сибири — старика, старое русло.

⁵ Кастрированные.

Престольный праздник у нас и у выдринцев один и тот же — Троица. Ходили друг к другу (мы в Выдрино, они к нам). Посредине улицы у часовенки раскладывали столы, тут же убирали березу, как теперь елку на Рождество, гуляли. И по всей деревне — березки у ворот. Ведь деревня-то Березовая.

Телег не было — двухколесные таратайки, но колеса не большие, а обыкновенные, деревянные. А вот борон с деревянными зубьями я не видел, может быть, это было раньше. А при мне — деревянные бороны, но с железными зубьями. Запрягали, даже пахали и борошили с дугой! А на постромках⁶ не пахали.

Седла деревянные в два крыла и на них дощечка для сидения. Сбиты гвоздями, редко сшиты ремешками. Передняя лука очень высокая, за нее держаться, а задняя низкая. Подпруги веревочные или из самотканых тряпок сшитые. Стремена из распиленной березы, подвязанные веревочкой, долбленные из корневища. Под седлом потник, но не из кошмы, которой в Березовой не было, а из самодельных подстилок — ряднушки, половики, подушки, т.п. Никакой обшивки — ни мехом, ни кошмой — не было, голые. Сёдел, обшитых мехом, я, выросший в деревне, на седле, в жизни в глаза не видел. Может быть, в Червянке такие седла были, а у нас нет.

В деревне всегда бродил скот — коровы, свиньи и конский молодняк. Но часть коров была в заречье, как и лошади. Выгоны были и по ту сторону деревни, вниз, и к Выдриной до поскотины.

От Березовой до Червянки как правило ехали с двумя ночевками — на реках Дешма и Березовой. И там и там были рубленые избушки, в которых никто не жил, с железными печками. Я ездил с детства по этому тракту и хорошо его знаю. Через реку Дешма хороший мост. Верст десять не доезжая до Червянки — большое болото, низкое место, мелколесье и речка, протекающая по заболоченному месту. И речка и болото называются Карканда. Здесь проложили большой мост.

А. Ю. Черневский: Карагайма?

И. Е. Смолин: Карканда называется, десять верст до Червянки осталось!

А. Ю. Черневский: Можно ли проехать от Березовой до Червянки за одну ночь, не ночуя?

И. Е. Смолин: Нет! Такого не бывало. Всегда ночевали на Дешме и Березовой. В самом крайнем случае, загнав лошадей, можно с одной ночевкой, если ехать два дня с утра до вечера.

Почва в Березовой почти черноземная, а не песчаная, как в Выдриной!

План деревни Березовой и ее окрестностей

И. Е. Смолин: Крестовые (круглые) дома: Бурмакина Гавриила (3), Носова Власа (15) (оба расстреляны как купцы) и старика Каверзина Кирияна (16).

⁶ Толстый ремень (или веревка), идущий от хомута к вальку у пристяжных или у запряженных в дышло (или иную упряжку) лошадей. Валёк экипажный — деревянная или железная принадлежность упряжки, прикрепляется к ваге, на него надеваются постромки. Вага — поперечный брусок, употребляемый при запряжке двух или нескольких животных для распределения между ними силы тяги.

Красным заштрихованы и обведены дома богатеев Бурмакина Гаврилы (3), Каверзина Архипа (9), не круглый дом, и Носова Власа Тимофеевича (15).

Дома в Березовой:

- 1) Каверзина Филиппа (выступает вперед так, что его надо объезжать),
- 2) Каверзина Романа,
- 3) Бурмакина Гавриила (крестовый дом, купец, расстрелян),
- 4) Каверзина (контора),
- 5) Бурмакина Потапа (старик),
- 6) Бурмакина Антипия,
- 7) Каверзина Тимофея,
- 8) Смолина Игната с сыном Ильей,
- 9) Каверзина Архипа (богатый крестьянин, но в простом доме),
- 10) Каверзина Корнилия,
- 11) Пустынских Тимофея (не был ли арестован?),
- 12) Смолина Гариила,
- 13) Каверзина Кузьмы,
- 14) Каверзиной, вдовы с тремя сыновьями (маленькая избушка),
- 15) Носова Власа Тимофеевича (купец, расстрелян, крестовый дом),
- 16) Каверзина Кирьяна, (крестовый дом, но сам рядовой крестьянин, старик),
- 17) Смолина Видиня,
- 18) Смолина Тараса,
- 19) Смолина Андриана,
- 20) Носова Нестора.

(Черневский: «Всего в деревне, по описи 1917 года, было 37 дворов, в т.ч. 5 переселенческих. Никто из переселенцев [в списке Смолина] не указан, как и остальные двенадцать крестьян: Смолин Сарафон, Смолин Евлантий, Смолин Нестор, Каверзин Ефим Сергеевич (Сека), Каверзин Егор Папертович, Рукоусев Федор Васильевич, Анс Пукки и др.». — Е. С.)

**Сведения, почерпнутые из бесед с разными людьми,
и личные наблюдения, почерпнутые во время поездки
с воспитанниками Бирюсинского детского дома
по следам исторических событий от Вирусю до Бузыканоно
4–7 июля 1964 года**

От Конторки до Коноваловой пашенной дорогой через заимки... Дорога «
упирается в ворота коноваловской поскотины. Деревня Коновалово — одна узкая улица. Село Нижняя Заимка: въезд из тайги под гору, и первой с тайшетского края у тракта показывается деревянная церковь. Престольный праздник здесь был Казанская (22 октября по старому стилю, 4 ноября по новому), как и в Шиткиной. Попом в 1919 году, по словам менее сведущих людей, был старый глухой отец Иннокентий, но местный житель Муксинов Калим Федотович, 1907 г.р., уверяет, что это не так, отца Иннокентия, старого и глухого уже не было, а был другой, здоровый, имени и фамилии которого он, однако, не помнит. По Куприянову, это был отец Александр Пономарев.

Названия улиц и краев: Деревня (центр), Бараба, Подгора, Песчаная, Зеленая.

Нижняя Заимка, 35 верст от Тайшета

Братская могила партизан, а также индивидуальные партизанские могилы, — так называемое партизанское кладбище находится на тайшетском краю, на лужке перед деревней, у дороги (нижняя дорога).

На братской могиле не сохранилось никаких знаков, только могильный холм.

Индивидуальные могилки партизан, погибших уже при советской власти:

- Криволуцкого Емельяна Меркураевича (1894—1958 гг.). Он был в отряде Степана Петрова в Бунбуе и участвовал в переходе по таежным тропам на Бузыканоно — Кемчено, в бою с белорумынами на Джогиинской (Змеиной) горе. Отсутствовал правый глаз, и поэтому его звали Емельян Кривой. На могильной тумбочке (столбик) в рамке под стеклом его портрет и надпись: «Здесь покоится прах Криволуцкого Е. М. 1894—1958. Партизан Шиткинско-го фронта».

- надпись на второй могилке: «Москвитин Александр Тихонович» (погиб в пьяной драке в наши годы).

Что касается Якова Москвитина — следов его могилки нет. Уверяют одни, что он похоронен на общем кладбище, другие — здесь. Братская могила фактически не одна. Сначала были похоронены партизаны, павшие в бою под Бирюсой в апрельском бою 18 апреля 1919 г.: Критинин Андрей Константинович, Слепокуров Антон, Медведев Тихон и др., всего одиннадцать человек. Затем — единственный! — Лобачев Егор Романович, павший в тайшетском бою 8 мая 1919 года. Затем группа партизан, погибших при майском налете белочехов (их забросали бомбами в окопах): Хоцин — черчетский, а по утверждению Куприянова, и сам Москвитин Я.М., Белоновгов Василий. Кро-

ме того, здесь похоронено... солдат из 6-й роты, но все ли они сразу погибли в каком-то одном из этих боев, или в разных боях, — неизвестно.

Таким образом, насчитывается уже семнадцать человек вместе с 6-й ротой, но, несомненно, были и другие, возможно, и многие из четырнадцати акульшетцев, а не один Андрей Бычков. (И Бычков — нет. Ни одного убитого в Тайшете не вывезли!)

Первый штаб недолго был в доме кулака Гурнеева Харитона в центре села (в Деревне) по правую сторону трактовой улицы, если ехать из Тайшета на Шиткино. Так уверяет Муксинов. А Горинский Лавро Викентьевич говорит, что первый штаб был в школе, это подтверждается и в книжке Криволуцкого на стр. 17. Пожалуй, более достоверно — школа, она находилась рядом с домом Гурнеева в центре села и по ту же сторону.

Вскоре штаб переместился в дом купца Кочергина Алексея Климентьевича (по-уличному Климентьевские и Тимофеевские — по отцу Климентию Тимофеевичу), заняв половину пятистенной избы, в другой половине жили штабисты, а у купца рядом был второй — высокий круглый дом. Купец был не вредный и даже помогал партизанам. Его сын Селиверст был замучен белорумынами за то, что вступился за казнимых Ефрема Болдовского, Федора Орлова и Дениса Лазунова — Симонцова.

Лавро Горинский говорит, что в последнее время штаб был в доме кулака-предателя Г.Г.И. — Савельевского, но это не подтверждается другими. Очевидно, он путает с Гуреевым Харитоном. Надо выяснить!

Вернее и точнее так: первый штаб действительно был в школе (круглый дом в центре села) — в дни продвижения отрядов к железной дороге после Шиткинского восстания. (В другой половине школы были устроены нары для партизан.) Но вскоре, когда отряды укрепились в Конторке и Бирюсе, а Гурнев, Горинский, Петров Михаил и другие были арестованы, штаб перебрался в дом Гурнеева, что стоял рядом со школой. А к Кочергину — Климентьевскому штаб переместился только осенью, когда отряды возвращались к линии железной дороги.

Итак: первый штаб (начало марта) — в школе; второй штаб (середина марта — май 1919 года) — в доме купца Гурнеева Харитона; третий штаб — в доме Алексея Климентьевича Кочергина.

Госпиталь был в винополке!

Все, кроме последнего, тайные собрания подпольщиков проходили на Песчаной улице в маленькой убогой избе батрака, происходившего из ссыльных татар, Тахватулина Василия. (Васька Тахватулин батрак нижнезаимского богатого крестьянина Николая Филимоновича Кочергина, жил у них за сына, а когда женился, ушел в свою избу.)

Последнее тайное собрание провели в доме кубанца-казака Балановского Тимофея Ивановича, что стоял через дом от избы Тахватулина. Дом Балановского тоже небольшой, но получше, высокий, с хорошей тесовой крышей, с большими воротами.

Дом братьев Москвитиных уцелел.

В Нижней Заимке записана беседа с бывшим партизаном Запасовым Федором Дементьевичем.

Тракт-Ужет (Тракторный Ужет), 15 верст от Нижней Заимки

[В партизанские времена] в деревне 10—15 домов крестьян, состоявших в родстве с основавшим деревню в конце прошлого века нижнезаимским крестьянином Кочергиным Иваном Васильевичем (Кутузовским, Кутузовым, Кутузякой). Одна улица, по которой проходит Шиткинский тракт (ныне левая от современного тракта улочка).

Вокруг переселенческие участки: Анютин (основан в 1914 году, в тайге между Тракт-Ужетом и Нижней Заимкой, в стороне от тракта, ближе к Нижней Заимке — 3 версты от нее и 8 от Тракт-Ужета), Волынка (1913 г.), Екунчет (1914 г., два хозяйства, 10 верст от Тракт-Ужета на северо-запад, 25 верст от Нижней Заимки, 60 верст от Тайшета). В Анютине и Волынке по одному хозяйству (1917 г.). Переселенческий участок Кондраши (2 версты от Тракт-Ужета вправо, на берегу протоки, на северо-восток от деревни, — хутор Дубровина). Сергеевский участок — Заречинск — строго напротив Семенова брода на том берегу. Чуть севернее — Кавказ (татарская деревня). А на левом берегу по тракту, напротив Сергеевского участка, — Семенов брод, заимка шиткинского крестьянина Семиона Антоновича Бурмакина и Акуентия Павловича Бурмакина, ставшая постоянной уже в 1917—1918 гг. Верстах в трех от Сергеевского участка в гору, восточнее, — хутор Завиро с конной мельницей и коженей.

Первый зимник шел с Тракт-Ужета на Кондраши — Сергеевский участок — Кавказ. Второй зимник — с Семенова брода по задам Сергеевского участка и через Кавказ.

Семенов брод (Антонова заимка)

Следующий по тракту после Тракт-Ужета населенный пункт, представлявший в прошлом заимку, о которой уже сказано. Здесь можно и летом в брод переправиться в Сергеевский участок и на Кавказ. В семи верстах южнее Тракт-Ужета, в стороне от тракта, у самой Бирюсы деревня Венгерка.

Следующий пункт — Елань. В прошлом это заимка трех шиткинских крестьян: Мутовина Якова Левитовича (Яковская или Левитовская изба), Привалихина Алексея Ермиловича (Ермиловского) — у этого была только юрта.

Шиткино (это село у меня достаточно описано и изучено ранее).

Яковская заимка.

Иванов мыс — Шемякино

Иванов мыс, или заимка Ивановская, стоит на тракте на левом, крутом берегу Бирюсы. Основана двумя переселенцами и принадлежала Бузыканоу-скому земельному обществу (около 10 верст, точнее, 8 верст не доезжая до Бузыканоу, примерно на полпути между Яковской заимкой и Бузыканоу).

Напротив Иванова мыса на том берегу, чуть южнее, — деревня Шемякина, основанная в 1907 году. Двадцать переселенческих хозяйств. В 85 верстах от Шелаевой, в 80 верстах от Тайшета. На полпути между Тайшетом и Шелаевой. Здесь, с южной стороны заимки и деревни, проходили в 1919—1920 гг. партизанские окопы. Окопы были прерывистые.

Деревня Бузыканово (бывшей Шелаевской волости)

В 1919 (1917) году — 58 старожильческих хозяйств. В деревню въезжаешь трактом из глухой тайги, она открывается сразу, внезапно. Состоит (и раньше состояла) из одной улицы, довольно широкой, в два порядка, идет почти перпендикулярно к берегу Бирюсы, а не вдоль берега, как большинство других сел и деревень по Бирюсе. В этом главное отличие Бузыкановой от других деревень. Второе отличие: деревня большая, а хороших, резных домов нет (и не было). Обычные пятистенные и удлиненные шестистенные избы, довольно низкие, напоминающие бараки-казармы. Третье отличие: обилие свиней, по переписи 1917 года, 175 голов, больше, чем в других старожильческих селах Шелаевской волости.

В октябре-ноябре 1919 года, когда отряды стояли в Бузыканово, а штаб и госпиталь оставались еще в Кондратьевой, полевой штаб, Машуков со своим секретарем Иваном Ст. Назаровым — Сазайкиным, адъютантом Никодимом... из Тропы, а также командир 2-го отряда Кривоуцкий со своим секретарем и помощником командира Бельницким (?), Михаил Жичкин, Матвей Критинин и кое-кто еще находились в доме зажиточного, можно сказать богатого, крестьянина Василия Поликарповича Кулакова (Поликарпова), что по левую руку, если въезжаешь в деревню со стороны Шиткиной. Сын Василия Поликарповича Кулакова, Василий Васильевич, 1900 г.р., рассказал, что его отца избили чехи за Егора. Уточнить — брат он или сын Василия Поликарповича, рассказчик называет братом. И Машуков тоже называет его Егором Васильевичем.

Этот дом состоял из трех комнат, а посередине был коридорчик, «середушка». Одну комнату занимал штаб, во второй располагался перевязочный пункт отрядного фельдшера Машукова — Позднина, в третьей жили хозяева, а в середине была столовая.

Дом был с балконом на улицу (а не с крыльцом). Хозяин был тестем Ивана Андреевича Кочергина, женатого на его дочери Матрене Васильевне. Но брат хозяина Егор Поликарпович был хорошим партизаном. (Очевидно, Егор Васильевич — не брат, а сын, уже женатый, но живший с отцом. Смотреть воспоминания Машукова.)

Госпиталь (лазарет) в зиму 1919—1920 гг. размещался в доме политссыльного Еремеева Дмитрия Федоровича — круглом, с шатровой крышей, еще совсем новым, построенном самим Еремеевым (где была Кривицкая). Машуков на своем Мухорте, коне, всегда заезжал в пригон хозяина этого дома, т.е. в эту ограду.

Декабрьский съезд 1919 года проходил в доме Василия Алексеевича Мухомина, длинном, как барак, девять окон с улицы.

Во время зимней стоянки отрядов и штаба в Бузыкановой в 1919—1920 гг. главным связным, нарочным и партизанским почтальоном был Гаврила Романович Неизвестный (конторский) на своей подводе (возок-сани с кошевой) и своим иноходце. Когда-то лошадиник, торговал лошадьми. Был высокого роста. Еще с осени (после казни Бича) жил на Калинниковом хуторе, в трех верстах от Шегашета, т.е. на хуторе шегашетского крестьянина-мельника Калины Федосеевича Заметина. Там, и вообще после отступления от Бирю-

сы-Конторки, он все время был с семьей — женой Марией Андреевной Бич и детьми... Точнее, хутор Калины Заметина находился в пяти верстах от Шегашета — первый по пути от Дзюгина или Бузыканоно в Шегашет по реке Поперечке.

Конные чехи-офицеры разместились в доме и во дворе Гаврилы Кулакова, двор был большой, зеленый.

Чехов и румын в Бузыканоно приводили нижнезаимские кулаки Петров и Гурнеев, и на Уловец (хутор-заимка Василия Алексеевича Мутовина) тоже. А Горенский — Савельевский тоже водил, но не в этот раз, сам наезжал и грабил. Румыны были в серых шапках!

В доме крестьянина Машукова Михайлы (жена и сын Григорий, 1895 г.р., еще не женатый, был у партизан немного по мобилизации) была пошивочная мастерская, где шили шубы и рукавицы специально мобилизованные хохлы-скорняжники¹, а белье шили в доме Еремеева Дмитрия Федотовича, там же, где был госпиталь.

В Бузыканоно на кладбище расстреляли тайшетского торговца Павла Каурова (кажется, Шкапин и Марк Москвитин) и цыгана Гришку.

Бич жил в Бузыканоно у Петра Кононовича Каверзина, но недолго перед партизанщиной (очевидно, когда работал в кооперации).

Расположение деревни (в тридцати верстах от Шиткиной) — схема прилагается.

Если плыть сверху вниз, на подступах к селу берега извилистые, отлогие. Справа ельник, а за ним гряда гор. Ниже на север также видна гряда гор.

¹ Скорняжник, скорняк — человек, который занимается выделкой шкур.

МАТВЕЙ НИКОЛАЕВИЧ КАВЕРЗИН

Родился в 1902 году, член КПСС.

Беседа состоялась в деревне Выдрино 18—19 августа 1964 года.

А. Ю. Черневский: В беседе приняли участие жена Матвея Николаевича Екатерина Серафимовна, урожденная Смолина, дочь березовского крестьянина Серафона Андриановича Смолина, родившаяся в деревне Березовой в 1919 году, женщина с прекрасной памятью и хорошая рассказчица, а также гостивший у них в день встречи родственник, уроженец села Петропавловское Каверзин Арсентий Егорович, 1903 года рождения.

Беседа охватила события в трех важных селах Чуны — Выдрино, Березово и Петропавловка.

В далекую деревню Выдрино на Чуне я прилетел самолетом Як-12 № 71457 в День авиации 18 августа 1964 года с молодым летчиком Ветлугиным Виктором Николаевичем, летающим девять лет. Вылетел с Октябрьского аэропорта в поисках участников и свидетелей интересующих меня исторических событий. От аэропорта до Выдрино 100 километров.

По переписи 1917 года, в Выдрино 80 хозяйств: 63 старожильческих, 17 переселенческих. Деревня в 150 верстах от железной дороги, в 45 верстах от волостного центра Неванки. Официально основание Выдрино, как и Кондратьево, относится к 1723 году, но среди старожиллов бытует иное представление: первоначально это была тунгусская деревня несколько ниже, на правом берегу, у устья притока Чуны реки Модышевой, у горы Имульда — в трех верстах от теперешней деревни, а лет 100—120 назад на месте нынешней деревни поселился русский поселенец Савин, от которого она получила название Савино, или Выдрино — по имени ближайшей горы Выдриной. Потом и тунгусы из своей деревни переселились сюда. Старейший житель деревни Выдрино Пустыньских Никифор Николаевич, умерший перед Отечественной войной в возрасте около ста лет, родился, как говорят, еще в старой, тунгусской деревне.

Матвей Николаевич Каверзин рассказывал, что родился в деревне Кондратьевой. Когда умерла мать, Матвею было три года, и отец отдал его в дети к своему брату Страшникову Филату Яковлевичу в деревню Выдрину. «Фактически я рос без отца и без матери батраком у своего дяди, который сам хозяйством почти не занимался, а таежничал (охотился)».

Пояснения к плану деревни Выдрино (Савино)

Река Модышева впадает в Чуну ниже Выдрино, в трех верстах от деревни. Исток ее почти сходится с истоком Ковы и Муры.

Место старой тунгусской деревни, когда деревни Выдрино (Савино) еще не было. Умерший в 1939-м или 1940 году Пустыньских Никифор Николаевич (отец русский, мать тунгуска) родился еще в той деревне и по его желанию был похоронен не на Выдринском кладбище, а там, где родился, у устья Мо-

дышевой на склоне горы Чевокан. Похоронил его зять из деревни Коноваловой под Червянкой Михаил Коновалов. У старика было много золота, т.к. он был приискателем в Бодайбо, очень скупой, его золото так никто и не нашел.

Солнце заходит над Еланью у горы Чеён (солнце опустилось на Чеён и свалилось в елань).

У парома, что в четырех верстах ниже деревни, была будка паромщика. Тракт на Червянку проходил в 7-8 верстах от Березовой, пересекал реку Дешму, проходил в 7 верстах от тунгусской деревни у речки Бродовой, притока Дешмы. Это была маленькая тунгусская деревня в пять-шесть дворов.

Сворот с тракта на Березовую на 16-й версте, от Савиной до Березовой через паром 22 версты, как и по реке (другие считают: 17 верст).

Большой круглый дом с крыльцом-балконом на улице, принадлежавший Виктору Миленьевичу Чекуленко. В нем была когда-то «волость» (волостная контора).

Волостным старшиной здесь, а затем в Неванке, был Виктор Миленьевич Смолин — старик-кулачок, сам не знавший ни одной буквы. Его дом наискосок от «волости», высокий, но одноэтажный, с балконом-мезонином на чердаке. Рядом с ним, напротив «волости», небольшой дом-скворечник с надстроенным вторым этажом ссыльного Павла Мишураева. Прекрасный плотник и столяр, мастер по дереву. Деревянный бог. У партизан не был.

Дом Поликарпа Миленьевича Чекуленко, в котором была пошивочная мастерская партизан. Здесь работал портным Филипп... партизан в красной рубахе, но трус.

Хозчасть размещалась в доме Филиппа Ивановича Чекуленко — кулачка, тоже где-то на горе. У него было до десяти лошадей. Жена Ф. И. Чекуленко Устинья Абакумовна (бывшая жена Привалихина Григория). Филипп Чекуленко по деду Кузьме взял фамилию Кузьминых.

Большой двухэтажный дом Никандра Смолина. Старик. С ним жили его сыновья Гаврила и Сарафон, оба уже семейные, но жили все вместе. По-уличному, Никандровичи.

Эти братья всем и правили. Имели свою лавку, но наемным трудом не пользовались, в семье было своих восемнадцать работников! Сына Гаврилы Никандровича, Василия, мобилизовали партизаны.

Вход в дом с проулка, узкая деревянная лестница ведет на второй этаж. На первом этаже была лавка. Четыре окна на улицу на каждом этаже.

Аян — слово тунгусское, в переводе с эвенкийского «старица, высохшее русло реки, протока, залив». Произошло, возможно, от «ая» — тоже эвенкийское слово, означающее «добрый, хороший, милый, приятный, красный, удобный, прелестный». Возможно, что в названии отразились все эти особенности долины.

У Варнатия (Варнашки) Рукосуева было три-четыре рысака и четыре-пять коров. У них батрачил Николай Корнилович Каверзин, принявший в партизанах фамилию Рукосув. У Варнатия был рысак, на котором ездили от Выдриной до Червянки 110 верст без кормления!

Деревня состояла из одной улицы, которая делилась на две части. Верхняя часть деревни (улицы), на горе, имела три названия: Гора, Бор и Тайшет.

Тайшетом ее называли потому, что именно там жили все богачи, или на середине, на угоре. Вторая часть нижняя — и по ландшафту, и по течению реки. Называлась она Голдоба, потому что здесь жила беднота, стояли небольшие простые избы.

Но была еще и Средина — между Голдобой и Тайшетом, это угор, на котором стояли дома богатых крестьян Варнатия Кузьмича Кулакова и его брата Федосия Кузьмича Кулакова (по другим данным, это не Кулаковы, а Рукосуевы!). Их дома были у самой горы, друг против друга: к реке — Федосия, а на северной стороне — Варнатия. Их отец Кузьма Захарович был в 1919 году еще жив, но всем верховодили сыновья, а старик рыбачил, хороший рыбак. Вообще же рыбачили, как правило, женщины — неводами.

У Варнатия были годовалые работники, и у Федосия тоже. Были еще годовалые работники у Чекуленко Филиппа Ивановича. У этих трех богачей были сельскохозяйственные машины: жнейки, косилки и молотилки.

Но самым богатым и крупным торговцем в Выдриной был Бурмакин Платон Яковлевич, но он умер еще до партизанского движения. В 1919 году в деревне уже никто не торговал, было общество потребителей.

Престольных праздников в Выдриной было два — Троица и Рождество, в Березовой — Никола, в Петропавловке — Петров день и Крещение. В Бунбуе была большая церковь с приходом от Баянды до Неванки (в Неванке была только часовня, как в Выдриной). От Неванки до деревни Малеевой был приход Петропавловской церкви.

О ссыльных

В Выдриной, как и в Березовой, было много ссыльных, главным образом большевиков, но были и эсеры. Здесь жил на Горе урядник Величко, в голубом мундире, с погонами и при шашке.

М. Н. Каверзин: Я помню Лесничего Павла, польского писателя Суховского, одну женщину, которые жили у нас, т.е. у моего дяди — приемного отца Филата Яковлевича Старшинова, а также Осипа Ротаевича, по прозвищу Неграмотный, Ковальского, Эдуарда и Людвига, живших в отдельной избе-особняке во дворе у вдовы Варвары (она сама с Чукши, но была замужем за местным мукомолом). Там у них, у Варвары, тайно собирались все ссыльные, играли для вида в карты в золу, где валет крестей всех старше.

Они пришли в ссылку в серых грубых шинелях-халатах, круглых серых шапках без козырьков, в котях¹, которые так и носили. Ссыльные пилили в лесу дрова для богачей по 25 копеек за кубометр (квадратная сажень), зарабатывали по 50 копеек в день. Там и жили неделями.

Ссыльный Суховской Степан писал что-то, пересылал в Америку, там его печатали и переводили гонорар. Он жил обеспеченно, помогал другим ссыльным.

¹ Коты, котики — женская обувь, род полусапожек, ботинок, башмаки с высокими передками, либо круглые, будто с отрезными голенищами, с алою суконною оторочкой; мужская верхняя обувь, калоши, кенги, обуваемые поверх сапог или бахил; обычно сшитая из единого куска войлока, кожи; арестантская обувь.

Помню, однажды на Рождество урядник Величко гнался с револьвером за Павлом Лесничим, т.к. тот где-то пел песни в этот праздник. Павел жил у нас, и у него было пистонное ружье с замком (дробовик). Он забежал в дом, схватил ружье и выбежал обратно. Урядник, увидев в его руках ружье, выстрелил вверх, а Лесничий бросился на него и так огрел, когда тот показал спину, что ружье сломалось.

В Березовой был ссыльный эсер Анс Пукке, которого ссыльные социал-демократы не любили, он сразу пошел в партизаны к Яну Пепулу.

Наезжал становой² из Канска возке-кибитке, обитой кошмой, коней менял в деревнях. Однажды зимой в войну, году в пятнадцатом, его ждали три дня в Выдриной из Червянки. Ехал на тройке цугом. С Выдриной ездовым на облучке его повез Смолин Потап Сидорович, а меня послали с ним гусевиком (так звали ездового верхом на передней лошади, ехавшего впереди гуська). Вперед на половину пути были высланы еще три коня для смены, т.к. до Неванки далеко, около пятидесяти верст.

По пути становой все время подгонял и покрикивал на Потапа Смолина: «Гони веселей!». Потап наконец не вытерпел и огрызнулся: «Что ж, ваше благородие, мне до смерти коней загнать?» — «Но, ты не хамя, чунарь!»

До половины пути, где ждала смена, ехали молча, оба, и становой и Потап, насупившись. На полпути нас сменил выдринский крестьянин Андрей Кононович, по прозвищу Беда.

Это прозвище пристало к нему после такого казуса: перед войной, в 1913 году, когда тракт уже вступил в эксплуатацию, старику довелось везти попа в Неванку. По дороге, не доезжая восемь верст до Неванки, святой отец захотел оправиться. Старику показалось, что поп уже сел, и он, не оглядываясь, погнал лошадей. Приезжает в Неванку, подъезжает к дому Ивана Папиловича (у нас называли его не Папилович, а Капилович, Капилавский) Рукосуева. «Батюшку привез». «Да где же батюшка-то?» — спросил купец. В возке-кибитке никого нет. «Вот беда!» — заохал Андрей Кононович. С тех пор его и прозвали Бедой.

С моим дядей тоже был интересный случай. Он как-то поехал в Туманшет к родственникам, и в то же время на пути из Тайшета в Туманшете произошло нападение на почту с ограблением и убийством. Подозрение пало на дядю. В деревню со стороны Неванки прискакали верхом на конях полковник, жандарм и три-четыре казака (кажется, жандармский полковник и четыре казака). Искали дядю, полагая, что он уже вернулся и прячется. Дома не нашли, стали делать обыск у отца, Страшникова Якова, тычут шашками по углам. Ускакали ни с чем, а потом дядю арестовали в Тайшете, но выпустили.

Еще до Февральской революции большинство ссыльных разбежалось. Помню, пробирались тайком целые группы их даже с Ангары.

Однажды я шел ельником недалеко от деревни за кладбищем. Это место называли у нас Култык. Вдруг меня окликают: «Мальчик!» Это были бежавшие

² Становой пристав — полицейское должностное лицо в Российской империи, возглавляющее стан. — полицейско-административный округ из нескольких волостей.

с Ангары ссыльные. Спросили, есть ли у нас ссыльные, много ли, кто и что, есть ли стражники. Когда я сказал, что здесь урядник Величко, они написали какую-то записку, и я ее передал ссыльным, которые жили у нас. Вот после этой записки все сосланные и убежали.

1919 год

В изложении А. Ю. Черневского

К беседе присоединились жена рассказчика Екатерина Серафимовна (урожденная Смолина), 1904 г.р., и уроженец Петропавловки Каверзин Арсентий Егорович, 1904 г.р.

В марте 1919-го, когда было еще совсем холодно, стояла зима (сразу после шиткинского восстания) на подводах (санях) в деревню Выдрину приехал летучий отряд Яна Пепула человек двадцать (по два-три человека на подводе, значит, подвод десять). Они ехали из Петропавловки через Березовую. В Петропавловке к отряду присоединились первые добровольцы, в том числе Богданов Алексей Гаврилович, из белорусов-переселенцев, фронтовик, унтер-офицер царской армии.

Сам Пепул ночевал в Петропавловке у дьячка Степана Флегонтовича (Леоновича), так как был женат на его дочери Елене. Мать ее дьячиху звали Аграфеной, или просто Агорчица.

В Березовой в отряд вступили бывший ссыльный эсер Анс Пукки, женатый на местной крестьянке Варваре Архиповне Каверзиной (детей у них не было, все умирали в раннем возрасте, «Ничево, Вара, деток у нас нет, пойду воевать за крестьянский люд»), его шурин Каверзин Константин Архипович, а также Каверзин Егор Папертович (после был на Перекопе).

В Березовой Пепул арестовал купца Власа Тимофеевича Носова, самого старшего из трех братьев-купцов Носовых. Екатерина Серафимовна рассказала, что Власа привели в дом ее отца Смолина Серафона Андриановича, но т.к. у них было очень много детей, его перевели в дом Смолина Нестора Веденеевича, а у них составили оружие и лыжи в задней избе и всю ее загрузили. Арестованного отряд привез с собой Выдрину.

Когда брали Власа, другой купчик-кулак Бурмакин Фома Гаврилович, который еще тогда торговал, бежал в окно и через хребет ушел на лыжах по льду рек Модышевой и Муре на Червянку, а затем на Ангару (вернулся в двадцатом году, когда все кончилось). Позже уже Иван Смолин арестовал его отца Гаврилу Бурмакина и расстрелял (см. здесь стр. 49 (63)).

Прибыв в Выдрину, отряд Пепула разместился на ночлег в доме свояка — Брюханова Афанасия Захаровича (его жена Анна и жена Пепула Елена — родные сестры). Здесь к отряду присоединились добровольцы: Смолин Антифий Кондратьевич (был потом на Перекопе) и Каверзин Николай Корнилович, принявший партизанскую фамилию Рукосуев. Он родом с Кадарей, жил в Березовой, где у них была большая бедная семья, сам с детства батрачил, женился на выдринской крестьянке, но бросил ее с двумя девочками. Сейчас живет в Шиткиной.

Тогда же в первый приезд Яна Пепула или позже в Выдриную был арестован и увезен в нижнезаимский штаб наш богатый купец-кулак Варнатий

Кузьмич Рукосуев (тот, что жил под бором в большом доме с узорчатой резьбой). Он никому никогда не делал зла, и общество вступилось за него, взяло на поруки, — отпустили. Он в дальнейшем все время жил при партизанах легально. То что его отпустили, расположило в дальнейшем выдринских крестьян к партизанской власти, т.е. никто из выдринских крестьян от партизан не пострадал.

(По документу от 9-18.X. 1919 г. видно, что Варнатия арестовали в зиму 1919—20 гг., т.к. Проскуряков в июле 1919 года ночевал у Варнатия, и об этом разговора не было.)

Березовского же купца-кулака Власа Тимофеевича Носова в Нижней Заимке или в другом месте партизаны расстреляли. Во всяком случае, он не вернулся.

Согласно документам от 4—5 августа и от 9—16 октября 1919 года Ян Пепул расстрелял, кроме Власа Носова, Агафона Богдановича Меликова, Пустынских, Бурмакина, о чем упомянуто в протоколе Березовского и Выдринского обществ, да еще на Ангаре Брюханова Абакума Игнатъевича, червянского.

После этого запомнился приход партизан большими отрядами в период летнего отступления после сожжения Бирюсы, Конторки и Акульшета (второй проход, уже на Ангаре, Яна Пепула, Ивана Смолина и К. Москвитина не запечатлелся, очевидно потому, что был молниеносным).

М. Н. Каверзин: Первыми летом 1919 года пришли отряды со стороны Неванки. Они ехали на подводах, вершие и пешие. Кто возглавлял их, конечно, я не знаю, а помню лишь некоторых.

Хорошо знаю, что штаб разместился в двухэтажном доме Смолина Никандра, и большинство партизан жило на горе, ближе к тракту, со стороны Неванки. Потом подошел отряд с Ангары, и мне хорошо запомнился Иван Смолин, которого у нас все почему-то называли Казаком. Это был среднего или ниже среднего роста мужчина лет тридцати (Черневский: «Евдоким Пегасович Смолин, 1888 г.р., утверждает, что Иван Смолин старше его года на два-три, значит, лет 33—35. А Проскуряков уверяет, что они одногодки, и ему было лет 24—25, жена Екатерина и девочка двух лет». — Е. С.).

Молодежь собиралась у нас на гулянки на полянках. Так и говорили — не на гульбище, не на игрище, не на улицу, не на вечеринку, а на полянку. Такая полянка была у реки за Голдобой. Иван Смолин был хороший плясун, так отплясывал, что все любовались. Но и бабник был хороший, все девки вздыхали по нему, он их окручивал, а парни-женихи боялись — убьет.

Смолин у нас был недолго, одну-две ночи, и больше не появлялся. Зимой — черный суконый пиджак и щегольские чесанки с отворотами, летом — рубаха. Танцевал не снимая маузера в деревянной колодке и клинка. Он был на большом коне томской породы, взятом им в Червянке, такие были только здесь. Конь тяжелый, но красивый — карий с белыми ногами-чулками.

В числе пришедших с Неванки помню Николая Бурлова. Он был чопорно одет и вел себя гордо и степенно. Но особенно запомнились партизаны из

кавалерийского отряда Степана Завязкина, прикрывавшие Неванский тракт, которые почти постоянно жили у нас в Выдриной. Помощник Завязкина Доська Парчуков (синякинский) жил у нас, т.е. в доме моего дяди Страшников-ва Филата Яковлевича, он был хороший жнец серпом и работяга. Жил вместе с своей ухажеркой, бирюсинской, медсестрой по имени Ольга и другой медсестрой, кажется, Марфой. Ольга была белой (русая), худенькая, сухощавая, но очень красивая. У нее был не то муж, не то первый ухажер — партизан Филипп, работавший в портновской мастерской и ходивший в красной рубахе.

Здесь, в Выдриной, Ольга родила мальчика, которого взяла в дети бездетная семья Смолина Потапа Сидоровича и дала ему свою фамилию. Этого мальчика в деревне так и звали Партизан, Валька-партизан. Смолин Валентин Потапович погиб в Отечественную войну офицером.

Ольга стала жить с Доськой, а Филипп все грозился его убить. Вообще же Филипп с умственным дефектом.

Вторая, Марфа, была толстая, здоровая, и ходили слухи, что она болеет сифилисом.

У Завязкина и Парчукова были английские наганы и короткие карабины.

У братьев Пляговевых Мисаила и Анатолия жил кавалерист этого отряда Гавриил Сухарев, молодой, но очень храбрый партизан (из 6-й роты). В отряде был и березовский партизан-доброволец Каверзин Егор Папертович.

В ноябре Сухарев, Парчуков, Хлебников, М. Москвитин, Шалыгин, Завязкин, Т. Тимофеев, а также Козлов Игнат уже не были на Неванском тракте!

(Черневский: «Согласно документам в этом отряде были также Николай Шалыгин, Марк Москвитин, Федор Семенович Кочергин (Маевский) — они поочередно сменяли друг друга на посту командира этого отряда, а также рядовые кавалеристы: Филат Хлебников, Володька Цицилин, Евдоким Смолин, Назар Федотович Мутовин, Т. Т. Тимофеев, Николай Лаврович Кочергин, Федор Метлухин, Блинок, Иван Якушев, Морозов Иван Никитич, Сафронов В., Григорьев Григорий Федорович, Козлов Игнат, Говорин, Александр Москвитин и другие. См. об этом протокол декабрьского съезда, стр. 23—24, и в книжке у Кривоуццкого П.Д.³, стр. 82—83 от 11 ноября 1919 года». — Е. С.)

Еще летом был такой случай. У крестьянина старика Гаврилы был гнелдой жеребец девяти лет, но еще не объезженный, все время степовал — никто не мог его обуздать. Однажды конь, спасаясь от гнуса, прибежал в деревню. Гаврила Сухарев сказал хозяину: «Отец, хочешь я обуздаю твоего гнедко?» «Ну-ну, испробуй, коли жить надоело». Сухарев обуздал, поймал его петлей и оседлал. Старик и вся деревня дивились. «Бери, паря, себе, твой будет. Вижу, кавалерист ты отменный». Так Гаврила Сухарев и стал ездить на том коне.

(Этот же эпизод воспоминаний, отредактированный Черневским: «Конь зашел во двор-пригон. Стоило партизану подойти к пригону, как конь бросался на него, как разъяренный зверь. Он взял стежок и смело вышел во двор — в

³ Кривоуццкий П.Д. Шиткинские партизаны.

одной руке стежок, в другой веревочная петля. Конь бросился на него с ощеренными зубами, но Гаврила стегнул его стежкой. Хотел лягнуть, но Гаврила увернулся и снова стал его хлестать, да так и загнал в угол и тут набросил петлю. Когда конь, задыхаясь, свалился на бок, Гаврила обуздал его, вскочил на круп и пулей вылетел со двора, пронесся по деревне в степь и вернулся победителем часа через два». — *Е. С.*)

С эти конем Сухарев и ушел из Выдриной, с охраны Невского тракта, на Шиткину. Но еще летом или осенью он как-то вместе с Егором Папертовичем Каверзиным поехал на конях в разведку в сторону Неванки — Шиткино. В Неванке белых нет, и они пошли до Шиткиной, и там спокойно. Возвращаясь, узнали, что в Неванке белые. Обошли село болотами, тайгой и горами и вышли на Выдринский тракт верстах в пятнадцать от Неванки. Тем временем командир отряда, обеспокоенный долгим отсутствием разведчиков, послал вторую разведку, т.к. дошел слух, что в Неванке белые. Вторая разведка, завидев издали двух конных, приняла своих за белых и ускакала в Выдрину. «Белая кавалерия идет на Савину!».

Весь отряд вершию по тропе на Петропавловку. С отступающими были и часть крестьян, Совет, а хозяйка пошла на Червянку. Но верст за пятнадцать от Березовой нагнал нарочный, и все вернулись. Нарочного послали сами разведчики Сухарев и Каверзин, узнав, что их приняли за белых. В ту же ночь отряд вошел в Неванку.

(Черневский: «Согласно документам, аналогичное событие произошло в конце ноября, зимой, и Сухарев не мог быть его участником, т.к. 11 ноября уже участвовал в кавалерийской разведке с Потапом Белкиным. См. воспоминания Сучковой, кн. 6; «Документы героической борьбы», 369—370 стр.; у Криволицкого 52—55 стр., 82—83 стр., 11 ноября 1919 г.». — *Е. С.*)

Зимой, когда в Савину привели пленного казака, на его коне приехал Доська Парчуков (конь был рыже-бурый, почти гнедой). Казак лет 25—30, с маленькими черными усиками, смотрел на нас со злобой. Его поместили в избу Лаврентия Егоровича Чекуленко, а потом увезли в Кондратьево, где и расстреляли (Черневский: «Об этом в документе № 162 на 369—370 стр. в красноярском сборнике и у Криволицкого 52-55 стр., а также в моих документах — протокол декабрьского съезда, 23—24 стр.). О том, что пленный казак был расстрелян, мне лично рассказал и мой отец Каверзин Николай, который при партизанах был в Кондратьевой старостой.

Забыл сказать: когда вернулись отряды с Ангары, К. Москвитин и Иван Смолин привезли с собой откуда-то какого-то арестованного еврейчика (Черневский: «Агафона Богдановича Меликова?» — *Е. С.*), а в Березовой арестовали отца того кулака-лавочника, который бежал от Пепула в марте 1919 года, Гаврилу Бурмакина. По пути в Петропавловку их расстреляли. Говорят, что это сделал Иван Смолин (Черневский: «П. Проскуряков уверяет, что расстрелял Басурманин». — *Е. С.*). Еврейчика расстреляли сразу на выезде из Березовой, на елани, на тропе, в восьми верстах от деревни, а Бурмакина Гаврилу — не доезжая пятнадцать верст до Петропавловки, на горе, у речки Екунчет, но по эту, березовскую, сторону. Его сын, хромой Егор Гаврилович Бурмакин,

поехал хоронить отца, но нашел только кисточки, — расстрелянного съели медведи, сделал затеску на месте, где убили отца, с надписью. Говорят, она и сейчас еще цела. (Черневский: «Проскураков уверяет, что оба были расстреляны в одном месте у Екунчета и обоих съели медведи. Он, Проскураков, проезжая по этой тропе, сам видел их кости, — там, на лужайке у Екунчета, конные обычно делали привал». — Е. С.).

У старика Гаврилы Бурмакина, кроме бежавшего Фомы и хромого Егора, еще третий сын — Василий Гаврилович Бурмакин.

Тогда же, не доезжая верст восемь до Петропавловки, не то косил сено, не то пахал пары петропавловский крестьянин Василий Гордеевич Жуков, который, встретив партизанских кавалеристов, сказал: «Вам не на конях, а на коровах ездить, варнаки. Крестьян только обираете. Вот посмотрим, как вы будете от колчаков удирать». Иван Смолин в Петропавловке самолично расстрелял его у кладбища, после чего и сбежал.

Не то он, не то Ян Пепул арестовал в Червянке также писаря Брюханова Абакума Игнатъевича. Так как штаб был в Нижней Заимке, его решили туда препроводить, но не доезжая Тракт-Ужета, у Семенова брода, в самой выемке убили. Николай Рукосуев говорил, что они его расстреляли за то, что он арестовал и заковал двух большевиков, которых они встретили под Червянкой.

Наш савинский Чекуленко Николай Иванович был в Канске крестьянским начальником, а ранее работал у нас учителем. При Колчаке он почему-то скрывался у нас, а потом вернулся в Канск, где его арестовали и в тюрьме отравили (???). Об этом хорошо знает Чекуленко Иннокентий Иванович, проживающий ныне в Минусинске, Коммунистическая, 50.

А. Е. Каверзин: Петропавловский съезд проходил в доме попа, но его тогда уже не было. Церковь сгорела в 1913-м, в том самом году, когда были построены и сданы в эксплуатацию все тракты: Шиткинский, Неванский, Чунский, Тайшет — Дворецкий, Шелаевский, Лапинский, Кондратьевский и Богучанский. Вскоре после этого, но еще до революции, поп уехал в Червянку. Его звали отец Василий, фамилии Киришов. Он был хорошим и трудолюбивым человеком, сам пахал и убирал хлеб, косил сено, любил копаться по хозяйству.

Расстрелянный Иваном Смолиным Василий Жуков тоже был небогатый крестьянин, а его брат Петр — проводником у партизан. Василия вывели за гумна и расстреляли, взяли из дома.

Помимо петропавловских добровольцев (Богданов А.Г.), у партизан было много мобилизованных, которые участвовали и даже погибли в тайшетском наступлении и под Бирюсой.

1. Каверзин Варфоломей (Верфола) Семенович, повешен в Тайшете будучи захвачен в плен в тайшетском бою.

2. Каверзин Андрей Осипович, тогда же расстрелян, а не повешен.

3. Каверзин Афанасий (Афоня) Аверьянович, тогда же попал в плен, но, несмотря на то что был с умственным дефектом, сумел убежать. В деревне его прозвали Колчаком. В партизанах больше не участвовал. Его взяли в Тайшете вместе с тем, которого расстреляли. (Черневский: «Не исключена возможность, что Афанасия просто отпустили как неполноценного психически». — Е. С.)

В 1919 году в марте, когда первый раз проходил отряд Я. Пепула через Выдрину, я как раз гостил у дяди своего Смолина Агафона Герасимовича и все видел. Кажется, в партизанах был еще один наш Петропавловский, по фамилии Смолин, который живет в Октябрьском.

Деревня Выдрино в 1919 году В изложении А. Ю. Черневского

Деревня выглядела примерно так же, как и теперь. Дома почти все сохранились. На деревенской часовне еще висит один малый колокол.

У хозяев, живущих по береговой стороне нижней улицы (Голдобы), места для огородов не было, т.к. зады у самого края крутого, высокого берега. На берегу были только бани, все по-черному⁴. Возле бань тут же стояли мялки для кудели⁵, которая сушилась в баньках (ее срезали на Ильин день⁶, 2 августа по новому стилю).

В 1919 году это была суббота, а 1 августа Ильинская пятница — большие праздники, нерабочие дни. Это время, когда кончается покос и подходит страда. Вот между покосом и страдой и срезают, потом стелют на землю, а затем сушат в баньках и мнут кудель (крестьянки Енисейской губернии мнут лен).

На этой береговой стороне были только небольшие огурешники, а огороды на поле.

Вокруг деревни была большая поскотина, тянувшаяся на шесть верст. Пастухов никогда не было, скот выпускали из ограды, и он сам шел пастись, а днем, в жару, лежал в деревне на улице.

Заплоты с улицы — колотые вдоль лесины или даже из круглого леса, а на огородах — прясла. Палисадников не было.

Улица не широкая и не слишком узкая, шире, чем в Нижней Заимке. Почва песчаная, сухая. К реке спускалось много переулков, по которым скот крутой косою тропой сходил к водопою, но больше шел вниз, за Голдобой, где проходил в брод на маленькие островки-мели.

Кладбище на северо-западной стороне деревни, скрыто от взоров. Недалеко от кладбища, по елани, полям и перелескам, в распадке между горами

⁴ Баня по-черному — баня, которая отапливается открытым очагом без дымохода, с камнями над топкой; дым выходит через маленькие окна, щели, коптит со временем стены до черноты, отсюда название — по-черному.

⁵ Кудель — очищенное от костры, одревесневших частей стебля прядильных растений, волокно льна, конопли или шерсть, приготовленные для прядения. Кудель получается после очистки волокнистых отходов (смеси перепутанных волокон и костры), которые образуются при переработке льняной и конопляной тресты на длинное волокно в трепальных машинах.

⁶ Ильин день — народно-православный праздник, который берет начало во времена, когда христианство еще не было столь широко распространено на территории Руси. Ильин день посвящен пророку Илье, который считался чудотворцем. Он предсказывал ненастье и молитвами вызывал дождь.

Лентако и Чеён протекает речка Тавлан, впадающая в Чуну чуть ниже деревни, но еще до парома.

Черемша растет от деревни далеко, верст двадцать по Червянскому тракту. Брусника тоже далеко на горах, близко мало. В дни соединения партизан в Выдриной ягоды еще никакой не было, огурцов тоже. Готовились к покосу.

По воспоминаниям Проскурякова, пахали пары в нижнем углу на полях, по которым проходил тракт к парому. Общество строго следило за севооборотом. Все поле за деревней, т.е. за северными задами и до горы, до парома, разгораживалось надвое. На одной половине пары, на другой посевы. На следующий год поля менялись, там, где были посевы, — пар.

Никаких религиозных праздников в июле нет, лишь 21 июля (по новому стилю) первая Казанская, 12 июля — Петров день.

Пригоны для лошадей были на задах, полуоткрытые, огороженные жердями, с навесом из жердей и соломы. Место, куда загоняли скот, — это обычно рубленый теплый, на мху, хлев со двором-стойкой — холодной пристройкой к хлеву. Иногда, кроме хлева и двора-стойки, отгораживается большая или малая совсем открытая площадь. Это тоже двор. Если не так жарко и нет дождя — скот лежит здесь, на этом открытом дворе, а не в дворе-стойке. Иногда во двор загоняются и кони, но чаще они бывают в своем пригоне на задах.

Распространены в Выдриной амбары с подвалами-погребями, где хранится капуста квашеная, огурцы и другие овощи. Такие амбары назывались кобрик.

Собрание отрядов, на котором решался вопрос о дальнейшем продвижении армии и роспуске тех, кто не хочет продолжать борьбу, проходило, по воспоминаниям П. Проскурякова, за деревней, в нижнем углу, на полянке за парами, в тайне от населения. Тогда и были назначены в продовольственную комиссию Андрей Ковалев (он тоже был с клинком) и савинский Николай Рукосуев.

Во время стоянки отрядов в Выдриной шло военное обучение, особенно осенью и зимой 1919 года, когда там стоял Совет и Неванский отряд.

Местные слова и выражения:

Впонись понесло! — понесло по течению.

Нынче, нонче — сейчас, уже, пора, теперь.

Греби нынче — греби теперь (это когда оттолкнут лодку, то седок по мели отталкивается веслом, а когда мель кончается, то можно уже грести).

Бодёт — бодает, будет бодать, забодает, бодается (не пускай мальчика, коро-ва его бодёт; не ходи, она бодёт).

Рушник — полотенце, как у украинцев. В Червянке — утерник, и так больше нигде не говорят.

О неванских купцах

М. Н. Каверзин: Самыми богатыми купцами в Неванке (Мохначах) были четыре брата Рукосуевых, по-деревенски, Емельяновские (по отцу).

Афанасий Емельянович Рукосуев торговал в Неванке (волостной старшина в 1918 году), занимался ремонтом сельскохозяйственных машин для крестьян. Был мобилизован к партизанам.

Александр Емельянович Рукоусев — самый младший, тоже торговал в Неванке. В 1919 году служил у Колчака по мобилизации.

Селиверст Емельянович Рукоусев — торговал в Балтурино. Самый постоянный купец из Рукоусевых.

Захар Емельянович Рукоусев — торговал в Неванке с отцом, Емельяном Никитичем Рукоусевым.

Все они имели приказчиков по другим деревням.

Сестра купцов Рукоусевых Мария была замужем за ссыльным (?) Андреем Ковалевым, который был у партизан вместе с нею. Его считали с умственным дефектом, он был какой-то странный, но имел важные поручения. (Черневский: «По мнению балтуринских крестьян и сына Ковалева, Александра Андреевича (1921 г.р.), Андрей Филиппович не был ссыльным, контужен при железнодорожной аварии». — Е. С.).

Отец купцов — Емельян Никитич Рукоусев.

Следующие за ними купцы — два брата Капиловские, Иван и Федор. Это тоже Рукоусевы, но все завали их по отцу Капилу, который в 1919 году был жив, — для отличия от Рукоусевых — Емельяновских. Правильное имя старика не Капил, а Папил, но Капил выговаривалось легче, и иначе никто не называл. (Черневский: «По данным Александра Павловича Рукоусева, в Бунбуйе торговал не сын Папила, а его брат Федор Никитич. Он уже не Емельяновский и не Капиловский, а Федоровский, по отцу — Никитовский». — Е. С.).

Иван Папилович Рукоусев жил и торговал с отцом в Неванке, Федор Папилович — в Бунбуйе. Это были безвредные, добрые люди, вышли из простых крестьян, с белыми не якшались, держали всегда сторону народа. Иван Папилович лично передал маузер Якову Москвитину, из которого он и застрелился, чтобы не сдать врагу (этот маузер перешел к Косте Москвитину).

В Неванке живет старый почтальон, женатый на сестре Папила, Попов Иван Степанович, человек культурный, развитый, много видевший и могущий рассказать много интересного о купцах и обо всех событиях не только Неванской волости.

(Черневский: «См. документ от 7 августа 1919 года о конфликте И. П. Рукоусева со священником Александром Падюкиным». — Е. С.)

О других событиях много знают и могут рассказать петропаловский Брюханов Михаил Константинович (г. Красноярск, д. Емельяново, зверосовхоз), Еремкевич Прохор, активист тех лет, Бунбуй...

В Выдриной на восходе солнца, часов в 7 утра, солнце ослепительно яркое, над рекой и в заречье стелится летний туман (это 19 августа).

А. Ю. Черневский: Некоторые добавления и замечания, сделанные через семь лет после встречи с Матвеем Николаевичем Каверзиным, на основании беседы и писем Рукоусева Александра Павловича, 1910 г.р., и его супруги Харитины Абакумовны (1913 г.р.), родившейся в Неванке на Чуне (ныне проживают по адресу г. Рига, 12, ул. Ленина, 170, кв. 3). Беседа с четой Рукоусевых состоялась 15 июня 1971 года в моей квартире в г. Бирюсинск (ул. Крупской, 49, кв. 4).

По их словам, Рукоусевы — Емельяновские были не «пиявки» и эксплуататоры, а уважаемые в деревне люди, вполне человеческие:

- 1) Афанасий Емельянович, примерно 1882 г.р., старший, жена Юлия,
- 2) сестра Екатерина,
- 3) Мария (за Андреем Ковалевским),
- 4) Селиверст Емельянович,
- 5) Ольга,
- 6) Захар Емельянович, 1888 г.р.,
- 7) Александр Емельянович, 1895 г.р.,

и два брата: Папил Никитич (Папиловские) и Федор Никитич (Федоровские).

Но Папил жил своей семьей, и даже его сын Иван Папилович имел уже свою семью, хотя и жил с отцом.

Был жив в 1919 году и Емельян Никитич, который находился в Тайшете. Таким образом, были живы родоначальник — дед Емельян Никитич, его семейные дети Афанасий, Селиверст и Захар. Александр (1895 г.р.) не известно, был ли женат, но служил в то время у Колчака.

Захар Емельянович Рукоусев — Емельяновский в беседе со мной в Тайшете (Комсомольская, 64) в 1969 году в июле сказал, что Папил — это брат Емельяна Никитича, Папил Никитич! Это более вероятно. И Папил Никитич в 1919 году был жив, как и его брат Емельян Никитич.

Он же, Захар Емельянович, утверждает, что престольный праздник в Неванке не Троица, а Покров и Рождество (два праздника). О брате Афанасии говорит, что тот никогда не был председателем «волости», а только казначеем.

Году в 1908-м братья Рукоусевы — Никитовские Емельян, Папил и Федор Никитовичи жили уже раздельно и носили не общую деревенскую фамилию Никитовских, а всяк свою. Так, семью Емельяна и всех его семейных детей называли Емельяновские; семью Папила — Папиловские, или Капиловские; а Федора — Федоровские.

Тогда же Емельян Никитич Рукоусев (Никитовский — Емельяновский) стал ставить в Неванке большой крестовый дом с железной крышей для одного из своих сыновей. Одна из угловых комнат — магазин товаров, с полками и прилавком, вход с улицы, крылечко в три ската (Черневский: «Об этом подробнее в моей переписке с Рукоусевым Александром Павловичем, листки-выписки». — *Е. С.*). Когда этот одноэтажный крестовый дом на главной улице стоял еще под краской, Папил Никитич Рукоусев стал строить на берегу у реки двухэтажный дом для сына Ивана с лавкой на нижнем этаже (Черневский: «Подробнее об этом см. там же, в переписке с Рукоусевым Александром Павловичем». — *Е. С.*).

Но возможно и так: три брата Рукоусевы — Никитовские Емельян, Папил, Федор первый крестовый дом на главной улице Неванки (который рубил ссыльный Федор Исаевич Чуев) поставили для Емельяна с его сыновьями, второй, двухэтажный, на берегу реки — для Папила, а третий, чуть позже, в селе Бунбуй, — для Федора. Вот тогда-то и пошел к братьям Рукоусевым — Никитовским поток пушнины, отбитой у наезжих китайских скупщиков, тогда-то и заимел каждый из трех братьев свою деревенскую фамилию, свою родовую: Емельяновские (Емельян Никитич и его сыновья Афанасий, Селиверст, Захар, Александр), Папиловские, или Капиловские (Папил Никитич и его сын Иван Папилович), Федоровские (Федор Никитич и его потомки).

Емельян Никитич Рукоусев вместе с сыновьями Афанасием, Захаром, Александром торговал в Неванке в своем доме, где была лавка, и жили все вместе (в годы революции и Гражданской войны) — семнадцать человек! А сын Селиверст в Балтуриной. Федор Никитич Рукоусев торговал и жил в Бунбуе.

Дочь Папила Нина Папиловна жила отдельно там же, в Неванке, будучи замужем за выдринским или червянским Поповым Иваном Степановичем — почтальоном. Другая дочь, Софья Папиловна, была замужем за бузыккановским Кочергиным Данилом Ильичем и жила в Бузыккановой.

Документ №

В главный штаб Шиткинского фронта, 1 сентября 1919 года

В этом отношении председатель Районного Совета И. И. Куприянов сообщает о результатах разбора дела гр-на д. Неванской Рукоусева Емельяна Никитича, которое заключается в следующем. На объединенном заседании представителей разных частей, расположенных в д. Савиной, решено было просить Главный штаб командировать лиц для конфискации имущества Рукоусева Е.Н. на основании того, что он, Рукоусев, вместе с своим сыном Селиверстом Емельяновичем Рукоусевым все время служат проводниками неприятельских отрядов и способствуют конфискации имущества членов военно-революционной организации, причем эта конфискация производится не по третям, как это сделано у Рукоусева, а полностью, что только имеется. Речь идет о конфискации всего остального имущества Рукоусевых, оставшегося от конфискации одной трети, проведенной в первый раз. Подлежащее конфискации имущество находится в д. Неванской и в д. Балтуриной. Материальные интересы их при первой конфискации мало пострадали, в то время как все семьи большевиков разорены неприятелем, почему благоденствие предателей не вяжется с общим положением дел и не должно быть допущено (и недопустимо). Куприянов поддерживает это решение и просит штаб о последующем по сему делу распоряжении уведомить Районный Совет. На собрании присутствовали Павел Кочергин, С. Бурлов, М. Туровников, Ф. Маевский, Е. Криволицкий, А. Парчуков.

1/9.-1919 г. № 386

А. Ю. Черневский: К этому следует добавить, что старший сын Рукоусева Емельяна Никитовича, Рукоусев Афанасий Емельянович, в 1918 году был волостным старшиной и председателем Неванской волостной земской управы! Проводил в августе 1918 года первую мобилизацию в Белую армию.

ВАСИЛИЙ ГАВРИЛОВИЧ СМОЛИН

**Родился в 1896 году, По-уличному Никоновский.
мобилизованный партизан из деревни Выдриной (Савиной).
Беседа состоялась 18 августа в деревне Выдриной.**

Василий Гаврилович громадный, высокого роста черный старик, с добрым лицом, открытыми глазами. Курит махорку¹.

» Меня мобилизовали партизаны в конце 1919 года. Вместе со мной мобилизовали наших выдринских: Смолина Федора Прокопьевича (заболел и остался в Нижней Заимке), Пустынского Кузьму Андреевича (тоже заболел, и его вернули), Смолина Поликарпа Гавриловича (мой брат, Никоновский), Чекуленко Филиппа Ивановича (кулак), Чекуленко Данила Лаврентьевича.

Еще раньше меня, чуть ли не с Яном Пепулом, пошел добровольцем, или мобилизованным, бежавший от Колчака Смолин Егор Семенович, но он заболел и умер в Нижней Заимке, где и похоронен (Черневский: «По данным других, погиб под Акульшетом». — Е. С.).

Кажется, был у партизан и другой наш выдринский, Василий Гаврилович Смолин, по-уличному Китоевский (по деду Китую). Чтобы нас не путать, его в деревне звали Василием Маленьким (он был небольшого роста), а меня Василием Большим.

Вместе с нами взяли и из других деревень: Коновалов Федор Ефимович (березовский), Рукосуев Михаил Николаевич (неванский, живет и сейчас в Неванке) и второй неванский Михаил Веденевиц (фамилию не помню). Были бунбуйские и другие.

Часть попали в Гоголевский и Акульшетский отряды, а я в Бирюсу. В Бирюсинский отряд со мной попали: мой брат Поликарп, Данила Лаврентьевич Чекуленко, березовский Федор Ефимович Коновалов, неванский Михаил Веденевиц и Михаил Николаевич Рукосуев.

Мы прибыли в Бирюсу в субботу 3 мая на смену тем, кого отпустили в отпуск. Сразу же направили в окопы и на другую караульную службу. Вскоре было наступление на Тайшет, но оно прошло без участия Бирюсинского и Конторского отрядов. В день налета на Бирюсу в окопах были Рукосуев Михаил Николаевич (неванский), один партизан из Ирбы, Червянской волости, по имени Сергей Семенович (этот погиб в окопах). В окопы ставили всего шестнадцать человек. Погибло тогда девять человек. Кажется, там было много богучанских.

Знаю, что в партизанах много погибло червянских, а именно:

- Андрей Иванович... (его отец Иван Ильич и мать ездили хоронить, говорят, погиб в Акульшетском отряде разведки: укрылся за листовницей, а белые прострочили его из пулемета),

¹ Махорка — вид травянистых растений, подрод «деревенский табак» рода «табак» семейства пасленовые.

- Сергей Семенович (погиб в бирюсинских окопах), из Ирбы,
- Евлан Прокопьевич, сын Прокопа Логиновича,
- Кондрат Осипович... надуйский²,
- один ирбинский хромой,
- один даже из Бедеи и много других.

В ночь на день налета, т.е. под Ниолу, со среды на четверг, с 21 на 22 мая, я с братом Поликарпом, Михаилом Веденевым и Федором Коноваловым — четверо несли службу у штаба Бирюсинского отряда, где ночевали Яков Москвитин и Матвей Критинин. Ночь холодная. Перед рассветом зашевелилась стряпка в штабе. Захожу узнать время — пост был только ночью, до 9 утра. Стряпка угостила меня блином. Вышел, скоро и время бросать пост. Вышел Яков Москвитин: «Идите, братцы».

Пришли в дом, где жила наша группа караульных. Ребята разуваются сушить обувь, а я нет — обувь сухая. Ребята легли кто на лавку, кто на пол, и сразу захрапели. А я лежу, и что-то мне не спится. Вроде как муторно на сердце. Дремлю. И не пойму, то ли во сне, то ли наяву — стреляют. Очнулся, поднял голову. Строчат с пулемета. Толкнул Федора и других, кричу: «Стреляют с пулемета!». Мимо окна бегут люди. Яков Москвитин, наш командир, кричит в окошко: «В ружье, к окопам!».

Я был одет, схватил ружье и побежал. Бегу вслед за Яковым, рядом со мной парнишка бирюсинский Белоногов Васька. Не добегая до первого мостка, упал Яков, пулемет срезал Белоногова. Я бросился в канаву, там еще была вода, и по канаве, по воде, на зады за школу, к нашей партизанской кухне и к парому. Еще шла шуга. Там паника, на паром все не умещаются. Кто на лодках, кто на плотках. И наши тут: Федор, Поликарп, Михаил Веденев и еще каких-то двое, всего шесть человек. Бежим по берегу ниже парома, стоит полуразбитая лодка. Подвязываем под нее опоясками две жерди — и поплыли через три протоки-острова. Выплыли за Белым камнем на какую-то заимку. Хозяин затопил нам баню: «Оставайтесь, а я схожу в Конторку, узнаю, как там».

Мы распилили на дрова лесину, вычистили назем из хлевушка. К вечеру он вернулся, а утром мы ушли в Конторку. А через два дня началось отступление, но нам еще раньше сказали, что мобилизованных отпускают, и мы разошлись по домам до отступления еще.

Больше я в партизанах не был. Летом, когда в Выдрину пришли отряды, в нашем двухэтажном доме был штаб, там жили Москвитины Костя и Марк и Критинин Матвей.

На речушке Товаян была сделана юрта, где осенью базировалась разведка Сухарева Гаврилы и других.

Из наших выдринских четверо бежали из белогвардейской армии. Их раз хотели поймать, но они убежали в рожь (?).

Запомню: из березовских были еще мобилизованные братья Смолины Илья и Константин Нестеровичи и Бурмакин Яков Нестерович.

² Деревня Надуи, в 1917 г. здесь 52 хозяйства (43 старожильческих и 9 переселенческих), 249 жителей (124 муж. и 125 жен. пола).

Именной указатель упомянутых в беседе с М. Н. Каверзиным и В. Г. Смолиным (Никоновским)

- Беда Андрей Кононович — стр.43 (57, 58) (старая и новая нумерация в амбарных книгах А. Ю. Черневского. — Е. С.)
- Богданов Алексей Гаврилович, партизан — 45, 50 (59, 64)
- Брюханова Анна, свояченица Пепула — 45 (59)
- Брюханов Абакум Игнатъевич, писарь — 49 (63)
- »- Афанасий Захарович, свояк Пепула — 45 (57)
- »- Михаил Константинович — 54 (68)
- Бурлов Николай — 47 (61)
- Бурлов Сергей — 54 (68)
- Бурмакин Яков Нестерович, партизан — 57 (73)
- »- Платон Яковлевич — 44 (58)
- »- Гаврила, купец — 45, 49 (59, 63)
- »- Фома Гаврилович, его сын — 45 (59)
- »- Егор Гаврилович, то же — 49 (63)
- »- Василий Гаврилович, то же — 49 (63)
- Белоногов Василий, партизан — 56 (72)
- Веденеев Михаил, невананский, партизан — 55—56 (71—72)
- Величко, урядник — 42—44 (56—58)
- Ветлугин Виктор Николаевич — 40 (54)
- Емельяновские — Рукосуевы, купцы — 53 (67)
- Еремкевич Прохор — 54 (68)
- Жуков Василий Гордеевич, петропавловский — 50 (64)
- Жуков Петр, его брат — 50 (64)
- Завязкин Степан, партизан — 47 (61)
- Капиловские — Рукосуевы, купцы — 44, 53, 54 а, б (58, 67, 69—70)
- Кочергин Данил Ильич — 54 а (69)
- »- Павел Ильич — 54 а (69)
- »- (М. Туровников) Евдоким Григорьевич — 54 б (70)
- Кочергин (Маевский) Федор Семенович — 54 б (70)
- Китоевские (Смолины) — Киришов Василий, священник — 50 (64)
- Каверзин Арсентий Егорович — 40, 45, 50 (53, 59, 64)
- Каверзин Варфаламей Семенович, партизан — 50 (64)
- »- Андрей Осипович — 50 (64)
- »- Андрей Игнатъевич — 61 (78)
- »- Егор Папертович, партизан — 45, 48, 61 (62, 59, 78)
- »- Константин Архипович, партизан — 45 (59)
- »- Афанасий Аверьянович (прозвище Колчак) — 50 (64)
- »- Николай (отец рассказчика) — 49 (60)
- »- (Рукосуев) Николай Корнилович — 41, 45, 52 (54, 59, 66)
- »- Ефим Сергеевич (прозвище Сека, выдринский) — 61 (78)
- Каверзина (Смолина) Екатерина Серафимовна
- »- (Пукки) Варвара Архиповна — 45 (59)

- Смолин Прокопий Серафимович — 61 (78)
Ковалева — Рукосуева (Емельяновская), его жена — 53 (67)
Ковальский, ссыльный — 43 (55)
Коновалов Федор Ефимович, партизан — 55—56 (71—72)
Кузьмин (Кузьминских, Кузьминские), он же Чекуленко
Кривоуццкий Емельян — 54 б (70)
Критинин Матвей — 56—57 (72—73)
Лесничий Павел, ссыльный — 43 (57)
Мишураев Павел, ссыльный — 41 (54)
Москвитин Яков — 46, 53, 56 (60, 67, 72)
Москвитин Константин — 46, 49, 53, 57 (60, 63, 67, 73)
Москвитин Марк (ниже их ростом) — 46, 47, 57 (60, 61, 73)
Маевский (Кочергин) Федор Семенович — 54 б (70)
Никоновские — Никандровские (Смолины) — 41 (54)
Носов Влас Тимофеевич, купец — 45—46 (59—60)
Ольга, медсестра партизанская — 47 (61)
Попиловские (Капиловские) (см. Рукосуевы) — 44, 53, 54 а, б (57, 67, 69—70)
Парчуков Александр — 54 б (70)
Парчуков Донька, партизан — 47, 48 (61—62)
Пепул Ян Юрьевич, командир отряда — 43, 45, 46, 49 (55, 57, 58, 61)
Пепул Елена, его жена — 45 (57)
Попов Иван Степанович, невананский почтальон — 53, 54б (67, 69)
Попова — Рукосуева (Капиловская), его жена — 53, 54б (67, 69)
Пукке Анс Францевич, ссыльный, партизан — 43 45 (57, 59)
Пукки (Каверзина) Варвара Архиповна, его жена, дочь Архипа Елизаровича Каверзина — 45 (59)
Пустынский Кузьма Андреевич — 55 (71)
Пустынский Никифор Николаевич — 41 (54)
Ротаевич Осип, ссыльный — 43 (57)
Рукосуева (Папиловская) Софья Папиловна — 54 а (69)
Рукосуев (Каверзин) Николай Корнилович — 41, 45, 52 (54, 59, 66)
-> Михаил Николаевич, партизан — 55 (71)
-> Капил (Папил) Никитич, купец — 53, 54 а, б (67, 69—70)
-> (Капиловский) Иван Папилович — 44, 53, 54 а, б (58, 67, 69—70)
-> Федор Папилович — 53 (67)
(Рукосуева — Капиловская) Попова Нина Папиловна — 53, 54а (67, 69)
Рукосуев Федор Никитич (купец) — 54, 54 а (68, 69)
Рукосуев Емельян Никитович, купец — 53, 54 а, б (67, 69—70)
-> (Емельяновский) Александр Емельянович — 53, 54, 54 а, б (67, 68, 69, 70)
-> Афанасий Емельянович — 53, 54, 54 а, б (67, 68, 69, 70)
-> Захар Емельянович — 53, 54, 54 а, б (67, 68, 69, 70)
-> Селиверст Емельянович — 53, 54, 54 а, б (67, 68, 69, 70)
-> Александр Павлович — 54 (68)
Рукосуева (Емельяновская) Ковалева Мария — 53, 54 (67—68)
-> Екатерина — 54 (68)
-> Ольга — 54 (68)

- Рукоусев Кузьма Захарович — 42 (56)
-»- Варнатий Кузьмич — 41, 42, 46 (54, 56, 60)
-»- Федосий Кузьмич — 41, 42 (54—56)
-»- Федот Васильевич — 61 (78)
Савин — 40 (53)
(Рукоусева — Папиловская) Кочергина Софья Папиловна — 54а (69)
Смолин Агафон Герасимович — 50 (64)
-»- (Никоновский) Василий Гаврилович (Василий Большой) — 41, 55 (54, 71)
-»- (Китоевский) Василий Гаврилович (Василий Маленький) — 55 (71)
-»- (Никоновский) Поликарп Гаврилович — 55—56 (71—72)
-»- (Никновский) Гаврила Никандрович — 41 (54)
-»- (Никоновский) Сарафан Никандрович — 41 (54)
-»- Китой — 55 (71)
Смолин Никандр — 41, 46 (54, 58)
Смолин Серафим Андрианович — 40, 45 (53, 59)
-»- Виктор Милентьевич — 41 (54)
-»- Нестер Веденеевич — 45 (59)
-»- Антифий Кондратьевич, партизан — 45 (59)
-»- Потап Сидорович — 47, 43 (61, 57)
-»- Валентин Потапович (кличка Партизан) — 47 (61)
-»- Федор Прокопьевич — 55(71)
-»- Егор Секменович — 55, 61 (71, 78)
-»- Илья Нестерович, партизан — 57 (73)
-»- Конст.Нестерович, партизан — 57 (73)
-»- Прокопий Серафонович — 61 (78)
Смолин Иван, командир летучего отряда — 45, 46, 49, 50 (59, 60, 67, 64)
Смолина Екатерина, жена командира отряда — 46 (60)
-»- (Каверзина) Екатерина Серафимовна — 40, 45 (53, 59)
Старшинов Яков, дед М. Н. Каверзина — 44 (58)
-»- Филат Яковлевич — 42—44, 47 (56—58, 61)
Сухарев Гаврила, партизан — 47, 48, 57 (61, 62, 73)
Суховский Степан, ссыльный — 43—44 (57—58)
Туровников М. (Кочергин Евдоким Григорьевич) — 54 б (70)
Чекуленко (Кузьмины) Филипп Иванович — 41—42, 55 (54—56, 71)
-»- Николай Иванович — 49 (67)
-»- Иннокентий Иванович — 49 (67)
-»- Данил Лаврентьевич — 55 (71)
-»- Лаврентий Егорович — 49 (67)
-»- Виктор Милентьевич — 41 б (55)
-»- Поликарп Милентьевич — 41 б (55)
-»- Иван Кузьмич (отец Кузьминых) — 41—42 (54—56)
-»- Кузьма (их дед) — 41—42 (54—56)
Всего 109 фамилий и имен.

Бесфамильные:

- Агафена (Агорчица), петропавловская дьячиха, теща Яна Пепула — 45 (59)
Дьячок, тесть Пепула — 45 (59)
Варвара, выдринская вдова, у которой собирались и жили ссыльные — 43 (57)
Гаврила, выдринский крестьянин — 47 (61)
Эдуард, ссыльный — 43 (57)
Людвиг, ссыльный — 43 (57)
Ольга, медсестра партизанская — 47 (61)
Марфа, медсестра — 47 (61)
Филипп, портной, партизан, муж Ольги — 47 (61)
Андрей Иванович, погибший червянский партизан — 56 (72)
Иван Ильич, его отец — 56 (72)
Сергей Семенович, погибший из Ирбы, партизан — 55 (71)
Евлан Прокопьевич, то же — 56 (72)
Прокоп Логинович, его отец — 56 (72)
Кондрат Осипович, партизан из Надуя, погиб — 56 (72)
Ирбейский хромой партизан — 56 (72)
партизан из Бедеи — 56 (72)
Неванский отряд, группа — 47—48 (61—62).

Добавить к березовским партизанам:

- 1) Рукосуев Федота Васильевич,
- 2) Смолин Прокопий Сарафанович,
- 3) Каверзин Андрей Игнатьевич,
- 4) Каверзин Ефим Сергеевич (Сека).

Добавить к выдринским партизанам Смолина Михаила Архиповича (пока еще как сомнительного). Да, был в Акульшетском отряде какой-то Михаил Смолин выдринский, средний брат Смолина Василия Пантелевича. Об этом рассказали кондратьевские (см. именной указатель, составленный после беседы в Кондратьевой) и частично подтвердила Каверзина Екатерина Серфимовна.

Остаются сомнительными:

березовские: Смолин Константин Нестерович, Смолин Тимофей Васильевич, Смолин Михаил Сарафанович, Каверзин Иван Корнилович (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.);
выдринский Смолин Михаил Архипович.

Список березовских партизан, составленный в Кондратьевой:

- 1) Рукосуев Федот Васильевич,
- 2) Смолины: Константин Нестерович, Прокопий Сарафанович, Тимофей Васильевич, Михаил Сарафанович,
- 3) Каверзины: Андрей Игнатьевич, Иван Корнилович, Ефим Сергеевич (Сека), Егор Папертович.

Кроме того, названы новые выдринские партизаны-добровольцы:

1) Смолин Михаил Архипович,

2) Каверзин Егор Сменович (зачеркнуто. — Е. С.) Смолин Егор Семенович

Письмо А. Ю. Черневскому: «Уважаемый тов. Извините, что не знаю, как звонить. Получила ваше письмо, сообщаю, что мой муж Матвей Николаевич скончался 11 января 1965 года. На вашу просьбу могу сообщить следующее. Перечисленные товарищи были добровольцами: Федот Васильевич, Егор Патартович (?), Ефим Сергеевич (Сека), Смолин Прокопий Сарафонович, Андрей Игнатъевич, Семен Сергеевич, про остальных не знаю. С приветом, Екатерина».

ЕГОР ФЕДОТОВИЧ КАВЕРЗИН

Родился в 1897 году,
старожил, партизан-доброволец из деревни Кондратьевой
Неванской волости на реке Чуна.

Беседа состоялась в деревне Кондратьевой 30 августа 1964 ода.
В ней участвовали также жена Егора Федотовича, уроженка деревни
Березовой, и старожил Каверзин Тимофей Николаевич, 1898 г.р.

Е. Ф. Каверзин: Жили мы в береговом ряду передней улицы, недалеко от верхнего, петропавловского края, дома через три от прокопа. Деревня была большая, дворов сто (Черневский: «По переписи 1917 года, — 67, по рассказу Каверзина Тимона Константиновича, — 90». — Е. С.). При царе в армию чунарей и мурашей, т.е. жителей берегов рек Чуна и Мура, не брали, а при Временном белогвардейском буржуазном правительстве стали брать.

В августе 1918 года от неванского волостного старшины Рукосуева Афанасия Емельяновича (купца Емельяновского) пришла бумага, с которой нашему старосте Каверзину Семиону Марковичу (очень хорошему человеку, рядовому крестьянину-средняку) предписывалось направить в Мохначи (Неванку) парней 1898-го и 1899 годов рождения. Мы жили в темноте и безвестности, советская власть, по существу, до нас еще не дошла, и никто толком не знал, какая власть существует, с кем воевать придется, и никто не сопротивлялся. Но я был 1897 года рождения и сказал об этом старосте. «Поезжай, паря, в Мохначи, там утшомкаешь (выяснишь, уладишь)», — ответил он.

На подводах доехали до Петропавловки, оттуда до Выдриной, с Выдриной приехали в Неванку. Обращаюсь к волостному старшине Рукосуеву Афанасию Емельяновичу. «Коль занесли в список новобранцев, стало быть, все правильно. Ишь ты, метрическую выпись ему подавай».

Доехали на подводах до Тайшета через Шиткину, а оттуда поездом в Канск к военному начальнику, где и оформлялся призыв.

Тогда были мобилизованы:

- 1) я,
- 2) Каверзин Тимофей Николаевич, 1898 г.р., в Канске освободили подчистую,
- 3) Каверзин Трофим Осипович, не бежал и служил до конца у Колчака,
- 4) Каверзин Яков Егорович, в Канске освободили на год,
- 5) Каверзин Филипп Абрамович — Б,
- 6) Смолин Александр Григорьевич — Б,
- 7) Брюханов Девонис Мамонтович — Б,

а также кадарейские Каверзин Захар Петрович (Б) и Каверзин Никита Варламович (Б) (последний сбежал вместе с другими, но отец заставил вернуться, выдав его милиционеру).

В Канске двоих освободили: Каверзина Тимофея Николаевича и Каверзина Якова Егоровича — первого подчистую, а второго на год. Я болел

ревматизмом, стал жаловаться, и меня оставили на переосвидетельствование. Остальных, кроме нас троих, направили в Иркутск на станцию Иннокентьевскую. Все они, кроме Каверзина Трофима Осиповича (Черневский: «Почему?». — Е. С.), пять человек, в Тайшете бежали (Черневский: «Бежавшие помечены буквой Б». — Е. С.). Кадарейского Никиту Каверзина позже отец заставил вернуться с повинной.

Я после переосвидетельствования был направлен в Нижнеудинск в 135-й пехотный стрелковый полк, 14-я рота, 2-й батальон, 3-й взвод. Со мной в одном отделении служил староакульшетский Василий Бычков. В этот же полк и батальон, но в 13-ю роту, попали с Муры (мураши) Рукосуев Ананий Кириллович из деревни Кондратьевой Червянской волости и Рукосуев Егор Иванович — из деревни Бузыккановой.

У одного моего однополчанина родственник по имени Архип ездил кондуктором от Нижнеудинска до Омска, очевидно, большевик, потому что он передал через какую-то прокламацию из Клюквенной (вполне возможно, что это была прокламация Канского объединенного Совета от 9 июня 1918 года, написанная в Клюквенной (Черневский: «См. «Документы героической борьбы», стр. 52, № 15 или документ на стр. 73 № 23 от 6 сентября 1918 года. Да, он!». — Е. С.).

14 сентября 1918 года я и мураши договорились во время обеда, а вечером бежали и пробирались пешком по Чунскому тракту 100 верст до деревни Костиной (Нижнеудинский уезд). Там купили лодку и доплыли втроем до Выдриной, где и разошлись: они пошли по Червянскому тракту, а я на Березовую и оттуда тропой в Петропавловку, а оттуда в Кондратьеву (Черневский: «От Петропавловки до Кондратьевой была проезжая проселочная дорога, а не пешая тропа». — Е. С.). 26 сентября я уже был дома, пробирался двенадцать дней!

Вскоре пришел розыск, приезжал милиционер из волости, велел старосте Семиону Марковичу доставить нас в волость, а он сказал: «Берите и доставляйте сами. Их нет в деревне». — «Надо поймать и доставить». — «Пымай, спробуй. Ишь ты, прыткий какой!»

Милиционер уехал ни с чем. Но в октябре или ноябре снова кто-то приехал из Неванки. Собрали сходку. Зачитывают приказ Колчака о мобилизации и возвращении всех дезертиров. В нем говорилось, что дезертиры, вернувшиеся в свои части, будут подвергнуты только дисциплинарному наказанию. Богатенькие и те, кого мобилизация не касалась, стали кричать, что надо идти. «Сами и идите!» — отвечаем мы.

Я уехал в Кадарею к Захару Петровичу Каверзину. В феврале 1919 года мы с ним поехали в Федину (Черневский: «Зачем?». — Е. С.). Туда приехал летучий отряд с Апанского фронта, человек двадцать. Собрали сходку, объяснили, что крестьяне Тасеевской волости и всего Канского уезда поднялись на борьбу с Колчаком, предложили выступить в отряд или организовать свой отряд (Черневский: «Нет, еще раньше, это было в тот момент, когда малеевцы были в Богучанах, а Ян Пепул еще не подошел». — Е. С.). После этого я вернулся в Кондратьеву, а вскоре, в марте, к нам в деревню со стороны Кадареи прибыл летучий отряд Яна Пепула, человек десять — пятнадцать на подво-

дах. Помните, был разговор, что этот отряд прошел по Бирюсе до Хандальской¹ и оттуда на Кадарею — Кондратьево. Помощником у Яна Пепула был тогда глинский² Петр Новиков, крестьянин-переселенец, у которого жил М. П. Богданович. Новиков очень развит был, он лучше Пепула говорил и чаще, чем он, выступал. Пепул был скромный, тихий, слабохарактерный, но очень порядочный, честный. Себе ничего не брал, одет был просто. Вежливый.

С Пепулом и Новиковым были:

- Мусихин Михаил Иванович, лет семнадцати,
- Казик, покатеевский, мародер,
- Степаненко Никифор, глинский, но не Корней,
- Роберт, молодой, не то племянник, не то сродный брат Яна Пепула,
- Каверзин Захар Петрович, тот, что дезертировал из Белой армии,
- Безруких Трофим Фомич — эти оба из Кадареи.

Других не помню. (Черневский: «Мусихин добавляет: Денисов Яков Васильевич, Бондарев Семен из Шелаева, брат Яна Пепула Август Юрьевич, какие-то Лаврентий и Алексей. — Е. С.)

Отряд прибыл ночью, вооруженный. Людей разместили в доме Каверзина Николая Степановича, недалеко от школы, на петропавловском краю. Дело в том, что в этом доме квартировал дорожный техник-десятник Абрам Абрамович Пирогов, с которым Пепул был хорошо знаком и дружен. Сам Пепул с Новиковым ночевал у Каверзина Николая Кузьмича — в центре, у лапинской дороги. Деревню сразу оцепили.

На утро собрание в доме Осипа Каверзина — в центре деревни. «Ну, что? Отдохнуть будем или пойдем бить Колчака? Кто хочет в добровольцы?» — спрашивает Новиков. Ян Пепул не выступал.

Добровольцами в отряд сразу записались:

- 1) я,
- 2) Каверзин Флипп Абрамович,
- 3) Смолин Александр Григорьевич — эти двое дезертиры, парни лет двадцати — двадцати двух,
- 4) Брюханов Девонис Мамонтович,
5. Каверзин Кузьма Карпович,
6. Каверзин Прокопий Васильевич, сводный брат Кузьмы, погиб в тайшетском бою.

Купцов Носовых, мужчин, никого не было: Дермидонта Тимофеевича убили апанцы³, а Иван Тимофеевич был в это время волостным старшиной в Неванке (вместо Емельяновского).

Коней и мужиков с Кадареи отпустили, поехали в Петропавловку на кондратьевских подводах, и все время, от деревни к деревне, передвигались на «обывательских» подводах.

¹ Деревня Хандальская Шелаевской волости. По данным на 1917 г., 34 хозяйства (22 старожильческих и 12 переселенческих), 194 жителя (105 муж. и 89 жен. пола).

² Деревня Глинка, или участок Глинный.

³ Партизаны отряда Апанской волости.

Ян Пепул ночевал в Петропавловке у переселенца Богданова Алексея Гавриловича. Он сам с какого-то участка, новосел, вошел в дом к Критинье Моисеевне Каверзиной. Пепул был женат на дочери петропавловского дьячка-псаломщика Степана Леонтьевича (Флегонтовича) Елене Степановне, но тестя и тещи в Петропавловке уже не было.

Здесь к отряду присоединились новые добровольцы:

- 1) Богданов Алексей Гаврилович,
- 2) Каверзин Андрей Осипович,
- 3) Брюханов Сергей Захарович.

Этих я помню хорошо и точно знаю, что они тогда же сразу вступили добровольцами в отряд Пепула — Новикова. Но пропустить кое-кого могу. Не помню, с нами или нет пошли Смолин Сергей Тихонович, а также Смолин Егор Лупович, Каверзин Алексей Осипович и Каверзин Пантелеймон Егорович. Возможно даже, что трое последних были по мобилизации, но они были в отряде.

(Черневский: «Каверзин Арсентий Егорович в своих воспоминаниях (стр. 50 (64 новой нумерации) этой книги) называет Каверзина Андрея Осиповича в числе мобилизованных, совсем не упоминает Каверзина Пантелеймона Егоровича, Брюханова и Смолиных, но указывает в числе мобилизованных еще двоих Каверзиных — Варфоломея Семеновича (пленен в тайшетском бою и повешен) и Афанасия Аверьяновича, который был пленен тогда же, но бежал». — Е. С.).

Я. Казик и Сашка Смолин (Александр Григорьевич, пьяница и картежник) подгуляли в Петропавловке и нагнали отряд в Березовой ночью, когда он там отдыхал.

В Березовой присоединились добровольцы:

- 1) Рукосуев Федот Васильевич,
- 2) Смолин Прокопий Сарафонович (дезертировал от Колчака),
- 3) Смолин Константин Нестерович,
- 4) Смолин Тимофей Васильевич,
- 5) Смолин Михаил Сарафонович,
- 6) Каверзин Андрей Игнатьевич,
- 7) Каверзин Иван Корнилович,
- 8) Каверзин Ефим Сергеевич (прозвище Сека),
- 9) Пукки Анс,
- 10) Бурмакин Калистрат Игнатьевич.

Березово дало больше всех добровольцев. (Черневский: «Каверзин Матвей Николаевич в своих воспоминаниях (стр. 45 (59 в новой нумерации) этой книги) в числе первых березовских добровольцев называет только троих: Пукки Анса, его шурина Каверзина Константина Архиповича и Каверзина Егора Папертовича. Таким образом, отряд уже вырос до 30—35 человек. Десять плюс шестеро кондратьевских плюс трое петропавловских плюс десять березовских — всего 29». — Е. С.).

В Выдриной дневали и ночевали. Здесь добровольцами записались:

- 1) Смолин Михаил Архипович,
- 2) Смолин (Китоевский) Василий Гаврилович,
- 3) Смолин Егор Семенович.

(Черневский: «Каверзин М.Н. на стр. 45 (59) называет совершенно других и только двоих — Смолина Антифия Кондратьевича и Каверзина (Рукоусева) Николая Корниловича». — Е. С.).

А. Ю. Черневский: А Каверзин Николай Корнилович?

Е. Ф. Каверзин: Он присоединился позже, а на этот раз сказал, что ему не в чем идти — на нем была короткая старая шинелка.

У кулака Варнатия взяли рысака в подводы и арестовали самого. Помню, его провожала и причитала мать Устинья. Старика отца Михайлы Рукоусева (Черневский: «А не Кузьмы?». — Е. С.) в живых тогда не было.

К Неванке наш отряд подходил уже на двадцати подводах и насчитал около сорока человек!

Хорошо помню, что я, петропавловский Брюханов Сергей Захарович и березовский Рукоусев Федот Васильевич, ехали на одной подводе. Совсем не помню, как мы везли и куда направили кулаков Носова Власа и Рукоусева Варнатия.

Отряд Пепула в Неванке

Подъезжая к Неванке получили команду оцепить деревню. Из нашей подводы Федот пошел на лыжах в оцепление (оцепили выходы в три конца — на Выдрину, на Шиткину и на Бунбуй), а мы двое и другие — на «волость», вместе с Пепулом и Новиковым. Это было в полдень, часа в 3-4 дня.

Пепул и Новиков вошли в «волость». Туда привели арестованных — старика Рукоусева Капила Никитовича, главу купеческой семьи Рукоусевых — Капиловских, с его самым младшим сыном Дорофеем.

Здесь надо сделать отступление. Когда нас везли еще в августе 1918 года по призыву в Белую армию, старик Капил Рукоусев, хоть и купец, сказал нам в «волости»: «А вы, детушки, кады что, по домам уходите». Это был добродушный старик, пользовавшийся уважением у окрестных крестьян. Из тех, кому он это говорил, нас теперь в этом отряде было пятеро: я, Каверзин Филипп, Смолин Сашка, Брюханов Девонис и кадарейский Захар Каверзин. Мы сказали об этом Пепулу и Новикову, вступились за них. И их отпустили. Что делалось еще, кого брали, не помню.

Купцы Капиловские сдали полный воз товаров: три ящика табака и столько же спичек, раскурочную бумагу⁴, двух коней — саврасого⁵ и солового⁶ мерин⁷. На савраску и погрузили весь товар.

⁴ Раскурочная бумага — не содержащая тряпичного волокна, по качеству ниже курительной, грубее ее, вес 35 г/м², состоит наполовину из древесной белой массы и наполовину из сульфитной небеленой целлюлозы. Применяется для ручного скручивания папирос из махорки (самокруток). Бумага курительная и раскурочная употребляется также для снятия копий на пишущей машинке.

⁵ Саврасый конь — светло-гнедой с черными гривой и хвостом.

⁶ Соловая масть — корпус, голова и конечности имеют равномерный песочный цвет различных оттенков. Грива и хвост того же цвета или светлее, вплоть до белого, возможна незначительная примесь темных волос.

⁷ Мерин — кастрированный жеребец.

В Мохначах переночевали, а на утро разбились на два отряда: один, во главе с Новиковым, пошел на Червянку, а другой, во главе с Пепулом, остался в Неванке (в каждом по двадцать человек). О дальнейших действиях отряда Яна Пепула я ничего не знаю, т.к. попал в отряд Новикова.

В составе отряда Петра Новикова помню хорошо следующих:

- Новиков Петр,
- Богданов Алексей Гаврилович,
- Пукки Анс,
- Мусихин Михаил Иванович,
- Каверзин Филипп Абрамович, наш, кондратьевский,
- Степаненко Никифор Петрович, глинский,
- Казик,
- Рукоусев — Каверзин Николай Корнилович

и еще несколько человек, которых я не помню, но, кажется, наш отряд был все же меньше оставшегося в Неванке, человек десять — пятнадцать.

Опять ехали на подводах.

Первый поход на Червянку

Доехали по зимнику до Березовой, а оттуда выехали на тракт на Червянку. За Дешмой, на речке Березовой, у тракта, в тридцати верстах от Червянки, жил дорожный сторож волока Иван Мазарок, хромой. В 1919 году у него был сын, лет десяти — пятнадцати.

Еще когда мы общим отрядом ехали с Кондратьевой на Неванку, он нам встретился между Выдриной и Неванкой, о чем-то поговорил с командирами, показал им наган, но у него его не отобрали. Оказалось, он ехал из Тайшета и там достал наган. Стало ясно, что Мазарок человек свой. Теперь, когда мы ехали по Червянскому волоку и заехали к нему, он показал нам пару ножных кандалов — 8-фунтовые и 12-фунтовые, и сказал, что у него их спрятано много. Откуда? А вот откуда: в Червянке свирепствовал колчаковский милиционер, фамилию его я не знаю. Он всех дезертиров заковывал в кандалы и направлял по волоку в Неванку — Тайшет — Канск с ямщиками без охраны. Иван Мазарок, встречая у своего зимовья, расковывал их, а оковы прятал. Многие из раскованных разбежались. Мазарок пошел с нами, и мы захватили с собой кандалы.

В первую деревню на Муре — Коновалову, мы не заходили, она стояла далеко от волока вправо, верстах в пятнадцати — двадцати (Черневский: «Нет, первая деревня — Надуй, тоже в стороне от тракта». — Е. С.).

Перед Надуем развилка. Отряд снова разделился: Новиков возглавил группу, свернувшую в Надуй, а Анс Пукке с группой поехал в Червянку. Я опять остался с Новиковым, а еще Мусихин и др.

Я и Мусихин Михаил стали на пост у дороги, ведущей в Коновалово, другие заняли выходы на волок. Потом провели собрание. «Записывайтесь в добровольцы, несите оружие». Принесли две боевые винтовки, одна из них австрийская. Старик бондарь лет 75-ти Семен Подателев сдал маузер и две обоймы патронов. Когда хотели ему выдать расписку, он сказал: «Не надо, я из рода революционеров-декабристов».

Но, насколько я помню, в Надуе записался только один доброволец, батрак, сам с Ангары — Федор Корнауких (Черневский: «А деревня была дворов шестьдесят, по описи 1917 года, — 52». — Е. С.).

Приехали в Червянку. Там в «волости» (волостной избе) уже сидят арестованные и закованные в кандалы милиционер и волостной писарь — в те самые кандалы, которыми они заковывали людей, не хотевших служить Колчаку. Мне помнится, фамилия писаря похожа на Богданов (Черневский: «Быть может, это и есть Меликов Агафон Богданович, упоминаемый в документе от 4—5 августа 1919 года, а милиционер и есть Пустынский Тит?». — Е. С.).

В Червянке простояли все вместе еще сутки. Здесь вступили несколько добровольцев, но я запомнил только двух: Кошкаров Андрей (или Аверьян) Иванович, дезертировавший от Колчака, Карклин Карл Карлович, ссыльный латыш.

Поехали дальше, в Бидею, это еще верст пятьдесят от Червянки вниз по Муре. Поехали почти все: Новиков, я, Пукке, Богданов, Оберт и др., а в Червянке остались охранять арестованных Казик, Степаненко (он был корявый), Филипп Каверзин и др. Затем побывали в Ирбе и Бузыкановой. Везде провели собрания, но были ли там добровольцы или нет, не помню.

Вернулись в Червянку, забрали арестованных и пошли на Березово. Еще в Червянке я простыл и заболел, и Новиков из Березовой направил меня домой. С тех пор я Новикова не встречал и о дальнейших действиях его отряда не знаю. Но уже недели через две я оправился от болезни и снова направился в Шиткину. На этот раз вместе со мной добровольцем пошел Каверзин Яков Егорович, тот, что получил годовую отлучку при призыве в Канске.

В Выдриной нам снова встретился возвращающийся с верховьев отряд Яна Пепула, но Новикова там не было. Оберт, Анс Пукки, Михаил Мусихин опять были с ним, да еще березовский Каверзин Константин Архипович. Казика не помню.

Отряд Пепула шел на Ангару. Это было уже в середине апреля. Хорошо помню, что в Нижней Заимке меня принял секретарь штаба Федоров и направил в Акульшетский отряд (у него были длинные острые усики).

23 апреля — Егорьев день и мой день рождения, я отмечал его уже в Акульшете! (Черневский: «В это время как раз прибыли мобилизованные!». — Е. С.) «Ты пошто нас пужашь? Колчак чай не первый день сидит, а чой-то мы помещиков евоных не видели?» «Правильно, пока не видели. Колчак ведь тоже не дурак. Спешить ему с помещиками нельзя, пока Красную армию не одолеет».

В конце апреля была мобилизация в партизанскую армию. В Кондратьево под мобилизацию попали:

1) Каверзин Тимофей Николаевич, 1898 г.р., тот, что был освобожден в Канске подчистую, в Нижней Заимке его тоже вернули домой.

2) Каверзин Виктор Герасимович (этот березовский?),

3) Каверзин Алексей Владимирович,

4) Каверзин Афанасий Владимирович,

5) Рукосуев Егор Федотович,

6) Смолин Михаил Иннокентьевич.

Но никого из них в Акульшете я не видел, и никто из них в тайшетском бою не участвовал. Очевидно, они прибыли поздно, позже Неванки —

Выдриной и Червянки. Хорошо помню, что в Акульшетском отряде были наши кондратьевские добровольцы, кроме меня, следующие: Каверзин Кузьма Карпович, Каверзин Прокопий Васильевич (средний брат Кузьмы, погиб в тайшетском бою), Смолин Александр Григорьевич, Брюханов Девонис Мамонтович.

Акульшетский отряд. Тайшетское наступление

Командир отряда Андрей Бычков, а начальник штаба или писарь Дерюшкин Дмитрий Степанович. Воронин был у нас командир роты, командир взвода — Николай Лебедев, командиры отделений — Кузьма Дорошенко (тайшетский) и Николай Пахоруков.

В тайшетское наступление шли добровольно, мало кто оставался. Из наших кондратьевских не пошли: Смолин Александр и Брюханов Девонис. Из выдринских остались Смолин Михаил Архипович и Смолин — Китоевский Василий Гаврилович

Были в наступлении: я, Каверзин Кузьма Карпович и его средний брат Каверзин Прокопий Васильевич, который и погиб в бою. Это кондратьевские! Петропавловские: Каверзин Варфоломей Семенович (взят в плен и повешен, он хотя и петропавловский, но тогда жил уже в Шиткиной) и Каверзин Андрей Осипович (расстрелян) (Черневский: «О них и еще о Каверзине Афанасии Аверьяновиче см. стр. 50 (64 в новой нумерации) и 64 (80)». — Е. С.).

Впереди пошла кавалерийская разведка: Николай Шальгин, Биркульский Егор, Белкин Потап Фомич, Шишкин (тайшетский) и др. Остальные пешие, за ними шел обоз.

Наш отряд должен был занять водокачку, вокзал и депо. Подошли к покотине. Рядом небольшая полоска поля, правее березняк. Остановились в березняке. Воронин посылает меня на связь с Бирюсинско-Конторским отрядом — узнать, где они, и сообщить, чтобы наступали по сигналу ракетой. Примерно в том месте, где сейчас мясокомбинат, встречаю связного из Бирюсинского отряда, им был тайшетский Филимонов Владимир Павлович. Обменялись паролем и отзывом (что-то вроде «патрона», «затвора», «муфты» и «ракеты»). У обоих на рукавах красные повязки. «Отряды у Тайшетки, к выступлению готовы». — «Сигналом к выступлению будет ракета». И разошлись.

Но ракета не сработала, и отряд акульшетцев пошел в наступление. Уже рассвело. На связь с Гоголевским отрядом послали Кузьму Дорошенко, его долго не было, тогда направили меня. Я еще не дошел до отряда, как послышалась стрельба. Вскоре мне встретился Дорошенко, и мы пошли по направлению к Тайшету.

Гоголевским отрядом командовал трус Январь Кондратьев. В их отряде многих перебили почти без ответа с их стороны. Я в боях не участвовал. Началось отступление.

У Андрея Бычкова были братья Николай и Василий — оба рядовые партизаны. Андрей и Василий погибли, Николай был ранен. Он рассказывал, что, отступая, наткнулся на трупы своих братьев, снял с них оружие. А Кирмасов Александр забрался в амбар: чехи ищут, а работник хозяина нарочно поставил у лаза колоду с овсом для лошадей, а потом он же его и увез.

В числе командиров Москвитина Костю и Кочергина Евдокима я не видел. После смерти Андрея Бычкова командование принял Воронин. Вскоре началось общее отступление от линии железной дороги. Белочехи наступали на Старый Акульшет не со стороны Тайшета, а с Байроновки! Они шли обходной дорогой, оставив справа Гоголевку. С этой стороны у нас охраны не было, а только небольшой пост. Когда узнали, что идут белые, всех бросили в окопы по тракту (Черневский: «Но как узнали?». — Е. С.), а когда началась стрельба с другой стороны, т.е. с байроновской дороги, все разбежались. Мы, шесть человек, услышав стрельбу сзади и поняв, что отрезаны, стали протираться на Верхнюю Гоголевку (Черневский: «А не на Нижнегоголевский участок?». — Е. С.).

Со мной были:

- Рукосуев Егор Филатович, кондратьевский,
- Каверзин Виктор Герасимович, березовский,
- Каверзин Алексей Владимирович,
- Каверзин Афанасий Владимирович,
- Каверзин Ефим Сергеевич (Сека),
- Рукосуев Федот Васильевич.

Двое последних — березовские добровольцы.

Там был Кондратьев. Он в панике кричит: «Куда хотите, туда и идите!» Но все же повел остатки на Кавказ заречной стороной.

В Кавказе нас уже человек пятьдесят. С тракта послышалась стрельба. «Отступайте!» — в страхе кричит Кондратьев, сбросив плащ и накинув на руку.

Пробирались тайгой на Неванский тракт, вышли на Шухаревой горе. Никого нет. Пришли в Неванку — и там никого нет, стали плотить плоты, а мы, чунские, купили лодку за 60 рублей и приплыли в Выдрину. Там уже отряд, командует Дерюшкин, выдает всем увольнительные за своей подписью. И мы ушли домой по тропам.

Деревня Кондратьево в конце июня 1919 года

В деревне Кондратьевой, когда я вернулся домой с товарищами (Черневский: «С кем именно, с одним Рукосуевым Егором?». — Е. С.), а это было уже в середине июня 1919 года, никаких отрядов не было.

Первыми приплыли на плотях сверху Эрнст Бертин, Елизар Киселев, Алексей Пестерев, Александр Горбатко — из-под Канска и Иван Кольцов, барабинский. Плот причалил к низкому пологому берегу у протоки. Я всех их пригласил к себе, т.к. многих знал. Бертин вскоре уехал в Шелаево, а потом оттуда прибыл Коротков. Потом стали прибывать отряды и сверху и снизу, с Лапинского тракта.

Со мной произошел казус. У нас на квартире в одной половине жили Виктор Шкапин (он еще в Нижней Заимке самочинно расстрелял Каурова), Александр Горбатко и Иван Кольцов. Они питались у нас, но требовали яиц, сметаны. Однажды Горбатко в сенях стал кромсать ножом стол. Я заметил, что если они так будут себя вести, не уважать крестьянское добро, то и им от крестьян нечего ждать добра. Отец мой Федот, зная их резкость, позвал меня: «Егор, не вяжись ты с ними, иди суда [сюда], пошли в баньку».

Когда помылись мы, я предложил сходить в баньку им, но они отказались. Я насыпал орехов: «Щелкайте». — «Жри сам, не нужны нам твои орехи». Я забрал орехи.

А ночью слышу топот в сенях, кто-то вошел в их половину, а потом в нашу. Это был Камойликов с людьми. Сперва велели одеваться отцу, а потом и мне. Увели нас в тюрьму, в ту, что была самая первая, на половине дома Амеляна Афанасьевича Каверзина, что на прокопском краю, наискосок от нас. Стали водить на допрос к Камойликову — он допрашивал нас в доме Дорофея Константиновича Каверзина, что на нижнем кадарейском краю передней улицы. Участвовали в допросах Лачин и Насонов. Оказалось, что меня оклеветали Шкапин и его дружки. Продержали месяц, потом приехал суд во главе с Ансом Кепулом, который хорошо меня знал. «Это тебя-то судить!?» — и выпустил меня и отца. (Черневский: «Дело обстояло не совсем так, см. доклад военно-революционного трибунала на декабрьском съезде». — Е. С.)

Вскоре после этого арестовали Шкапина и Громова. Их расстреляли в разное время (Черневский: «Нет, в одно и тоже! И с ними Некрасова». — Е. С.)

Казнь Громова и Шкапина

Громов конфисковал у лапинского зажиточного крестьянина Мутовина Ивана Степановича лучшего его коня Буланку: черная кудрявая грива и черный хвост — первый конь на деревне. А у крестьянина Рукосуева Романа Ильича, который имел трех коней, была лучшая сбруя, в том числе наборная узда, убранная польским серебром. Он жил середово, т.е. средне, но очень любил сбрую и купил эту узду в Канске.

Громов, как местный житель, все это знал. Раз достал хорошего коня, значит, нужна хорошая сбруя. Подъезжает к ограде Романа Ильича: «У тебя игренькина сбруя жива?» — «Продал». — «А ну тащи ключи!» Открыл сарай. Узда висит. Взял ее Громов, а свою снял, да уздой серебряной как начал возить старика по спине (ему было лет семьдесят). Чуть живого оставил, месяц старик пролежал, а рубцы страшные остались надолго.

Кроме того, он был замешан в других грабежах, присвоениях и насилии над женщинами, не говоря уже о мелком вымогательстве яиц, сметаны и т.п. Вместе со Шкапиным организовали бойкот арестованным в тюрьме.

Громова судили дважды (Черневский: «Первый раз отложили, это было 16—20 ноября 1919 года — см. рапорт Пятаева, а второй раз приговорили к расстрелу». — Е. С.). Его расстреляли вместе с Некрасовым Степаном, но когда, не помню. (Черневский: «Очевидно, после суда за бойкот. Документов нет, но по косвенным свидетельствам Громов и Шкапин расстреляны в декабре и, пожалуй, одновременно. А судил их военно-полевой суд, избранный на объединенном собрании 1-го и 2-го отрядов 6 декабря 1919 года в составе: Бельницкий, Кепул, Дмитрий Толмачев, Тарас Яковлев и Петр Сучков, под председательством Кепула (или Бельницкого). Этот документ у Криволицкого есть на стр. 218—219». — Е. С.)

Когда расстреливали Громова, он плакал, просил пощады, умолял, клялся искупить вину кровью, а потом бросился бежать, но Алексей Пестерев выстрелил. Громов упал, прикинувшись мертвым, в надежде, что его оставят и

он сможет убежать. Но Пестерев подошел, шевельнул штыком, и он закрыл лицо руками — живой, только ранен в правое плечо. Пестерев выстрелил в упор в голову из своей четырехлинейки, и череп развалился. «Собаке собачья смерть», — вздохнули крестьяне.

(Черневский: «О Громове см. документы у Криволуцкого в книге «Шиткинские партизаны» (стр. 59, 124—129, 130), а также рапорт Пятаева от 16—20 ноября». — Е. С.).

Громов жил одно время у Каверзина Тимона Константиновича на отшибе задней улицы.

Шкапин Виктор Михайлович, лет тридцати пяти, небольшого роста, рыжеватый, близорукий, всегда в очках или пенсне. На левой руке не было одного пальца, говорил, что это результат его участия в революции 1905 года. Начитанный, грамотный. Когда его вели на расстрел, нервничал, курил папироску за папироской. Он тоже просил пощады, но не хныкал, а сказал: «Ну, что ж. Я расстрелял тридцать двух, стреляйте теперь вы в меня». — И сам скомандовал: «Пли!».

Я хорошо запомнил этот день. Это было зимой под осеннего Николу, 19 декабря, а Шкапина расстреляли 18 декабря.

Еще до Громова и Шкапина рано утром, уже по снегу, расстреляли сразу троих: глинского Герасима Фокина, треминского Николая Гурьяновича Кулакова и мироновского старосту Александра Каверзина, но последнего зря, по ошибке (Черневский: «Это было 17 декабря в 8 часов утра, как свидетельствует рапорт Пятаева». — Е. С.).

• Выдринский Михаил Архипович Смолин был страшным пьяницей и картежником. Накануне наступления белых на Акульшет он проигрался и отдал мне сапоги за мои бродни, причем я дал ему 10 рублей придачи. Но и бродни он кому-то сбыл, по тревоге пришлось бежать босому.

МИХАИЛ ИННОКЕНТЬЕВИЧ СМОЛИН

**Родился в 1895 году, старожил, мобилизованный в партизаны.
Беседа состоялась 31 августа 1964 года в деревне Кондратьево.
В ней участвовали также старожилы Иван Тарасович Каверзин, 1894 г.р.,
и Тимофей Николаевич Каверзин, 1898 г.р.**

М. И. Смолин рассказал, что еще до Яна Пепула в Кондратьево приехала группа вооруженных крестьян с низовий Чуны — с Кадареи, Хаи¹, Чунояр, Малеевой² с вестью о Тасеевском восстании и с предложением вооружиться, но они не вызвали доверия и уехали ни с чем, а вскоре вслед за ними, в марте 1919-го, приехал отряд Казика — Пепула, в котором были некоторые из чунских крестьян, приезжавших раньше. (Черневский: «См. в этой книге стр. 102 (130 в новой нумерации)». — Е. С.).

Михаила Иннокентьевича мобилизовали в апреле, но, по его словам, когда они приехали в Шиткино, «все уже утомкались», и их отпустили. Ни в каких отрядах и боях ни он, ни другие мобилизованные кондратьевские не участвовали.

После отступления первыми пришли группы партизан с Лапинского тракта, когда уже шел покос.

М. И. Смолин: Потом, когда пришло много отрядов и учреждения штаба, они разместились по дворам. У нас, в доме моего отца Смолина Иннокентия Ивановича, разместился конный обоз. Старшим, или заведующим, конным обозом был Бекарев Ефим. До отступления из Бирюсы он в отрядах не был, а работал пастухом у тайшетских крестьян. Когда отряды отступали, его забрали вместе со стадом коров, и он стал работать у партизан. Помню еще двух рабочих конного обоза Карася и Кузичкина, которые тоже жили у нас, и заведующего хозяйственным обозом Николая Федосеева. Карась, или Карасев, — старик, взятый вместе с Бекаревым, он из Конторки, где оставалась семья — старуха и девки.

По нашему краю дома располагались так: первый крайний дом от прокопа — школа, где был госпиталь. За школой в том же ряду первый дом Рукосуева Михаила Антипьевича, в его доме теперь кузня. Второй — дом из двух половин со связью (сенки, середушка между двумя жилыми помещениями дома) Каверзина Емельяна Афанасьевича. В той половине, что к дому Рукосуева, была первая, и главная, тюрьма. В середушке стоял караул. Следующий, третий дом, где стоял конный обоз, — наш. За нами дом Каверзина Петра

¹ Деревня Хая. По данным на 1926 г., 32 хозяйства, 179 жителей (89 муж. и 90 жен. пола).

² Деревня Малеева. По данным на в 1926 г., 48 хозяйств, 282 жителя (138 муж. и 144 жен. пола).

Платоновича. Здесь стояла хозчасть и жил завхозчастью Михаил Патрин, а также Николай Шевелев. Хозяина звали Петька Малый.

С Михаилом Патриным летом 1919 года приключилась забавная история, вернее не с ним, а из-за него. (Черневский: «Весело и оживленно рассказывают втроем». — *Е. С.*) Жили крестьяне забито, ничего не видели. Большинство и на железной дороге не бывали. И вот однажды Патрин на велосипеде поехал в Кадарею, где жила его семья. Вообще, многие семьи партизан жили в Кадарее — Дерюшкина Д.С., Короткова Н.Ф., Никитина М.П. и др. А велосипедишка, привезенный с Ангары, был у Патрина в хозчасти. В деревне как увидели — что-то катится на колесах, в страхе разбежались. Дети с криками и плачем, старухи, крестясь и читая молитвы. «Варнак! Черт катится! Батюшки, царица небесная, светопреставление!». Старуха лет семидесяти Анисья Матвеевна Каверзина бросилась в раскрытые ворота, зацепилась о подворотню да растянулась, лоб разбила. А тот едет себе по улице, в толк не возьмет, что такое. Только когда остановился у своей ограды, стали люди выходить да дивиться. Анисья Матвеевна тоже подошла, рассказывает: «Споткнулась о подворотню и хлобысть...»

Дерюшкин Дмитрий Степанович, здоровый, крепкий, широкоплечий («ладный в крыльцах мужик»), жил у Каверзина Герасима Тимоновича, а один из двух его сыновей, Дерюшкин Александр (Голдин), женился на кадарейской Арише Брюхановой и жил в доме ее отца Прокопия Сидоровича Брюханова.

Женились у нас тут многие. Стасик Губкин взял Дарью Антоновну Каверзину — дочь Антона Сидоровича Каверзина (Черневский: «А не Егора и не Федота Каверзиных, как у меня было записано ранее». — *Е. С.*).

Размещение других учреждений и отдельных партизан. Вторая тюрьма была в доме со связью, в нашем же ряду, но ближе к центру деревни, Каверзина Евдокима Лукича. Это чрез три дома от нас. Помню хорошо, как там был убит при попытке к бегству пленный казак. Я тогда гумно поливал, слышу выстрел, побежал, гляжу — казак лежит убитый. Он попросился оправиться и, когда вышел в ограду, пытался схватить винтовку часового, но тот был парень не промах, отбил. Казак бежать, и часовой его пристрелил.

Была еще и третья тюрьма, не долго, временно — в доме отца Каверзина Тараса Аверьяновича, в том же ряду, еще ближе к центру, почти напротив часовни.

Ревтрибунал постоянно размещался в доме Каверзина Николая Лаврентьевича. Здесь же судили. Это по береговой стороне передней улицы, на нижнем краю, супротив дома Носовых, где был штаб. Дом Каверзина Н.Л. в четыре окна на улицу.

Где жил Камойликов, никто не помнит. Возможно, в этом же доме или у Каверзина Дорофея Константиновича, где тоже иногда велись допросы. (Черневский: «Каверзин Тимон Константинович говорит, что Камойликов и Ганька Ильин жили у его отца Каверзина Константина Никитовича. Но где этот дом? Не тот ли самый — Дорофея Константиновича? Возможно, что Дорофей Константинович — это сын Константина Никитовича, и он жил вместе с отцом. Выяснить!». — *Е. С.*) У Каверзина Тимона Константиновича, на отшибе задней улицы, жили партизаны Никита Холявин, Иван Козлов с женой

Мотей и Василий Громов, но не одновременно. У Каверзина Федора Емельяновича — в нашем ряду жил Игнатий Козлов.

- Тестя Яна Пепула, петропавловского дьячка-псаломщика, звали действительно Степаном Флегонтовичем, но фамилию я не помню. А поп отец Василий удрал в Червянку.

- Мы все хорошо знаем, что лазарет эвакуировался в Кадарею. До этого Никитин Михаил Павлович жил у Власа Николаевича Каверзина.

- Николай Шалыгин был очень отчаянный, ухарь. У нас всегда был хлебный квас, и он с Дерюшкиным часто забегал к нам выпить.

План деревни Кондратьевой

В изложении А. Ю. Черневского

(Схема-план начерчен Черневским. — Е. С.).

Описание деревни. Дома только одноэтажные. Больше простых изб, без резьбы, с маленькими оконцами. Крыты дранкой, фронтоны на улицу и вдоль улицы. Чердачные фронтоны чаще всего не обшиты, зияют пустотами.

В меньшем количестве пятистенные дома.

Принято рубить дома со связью (сенями, середушкой, середюхой). Происхождение ее таково: ставят избу, когда вырастает и отделяется сын, к ней прирубают связь — сени, а к сеням еще избу. Получается один ход со двора в сени (середушку), а из них двери в обе избы. Постепенно сложился обычай сразу строить большие дома со связью.

Двери везде низкие, лоб разобьешь. Пороги высокие, массивные. Но дома, как правило, высокие, на сваях, с крыльцом. Окна высокие, но есть и низкие, хотя мало.

Внутренняя отделка. Полы из широких плах, которые получены путем раскола лесины пополам. Расколотую сторону обтесывали умело топором, а горбылем клали вниз. Такие плахи-горбыли толстые, стоят веками. Многим уже по сотне и больше лет.

Под полом — подполье из нескольких ям, соединенных между собой связью. Лаз в них обычно не посередине избы, а за печью в кутке. А посередине избы вырубается топором небольшое квадратное отверстие со стороной в ширину топора, через которое ссыпают картошку, привезенную с поля. После отверстие закладывают дощечкой из дранья, закрашивают, и все это скрыто под половиком. Такое отверстие называется расколотка.

Печи глинобитные, под из кирпича. Под печью — подшесток, где зимой живут куры. Спать на печи — любимое дело!

От печи идет заборка — дощатая стенка с дверью, завешанной ситцем. Иногда эта штора-завеска закрывает большой проем, и лишь у самой печи заборка. Там, за заборкой или шторой, — кухня. Такие дощатые заборки принято было раскрашивать цветами — добротной краской. Я видел заборки, раскрашенные еще дедами современников, не потерявшие цвета.

Ворота в ограду как правило одностворчатые.

Бани и хлева рубятся низкие — в рост не встанешь. Хлев без пола. В бане пол есть, потолки накатные из бревен, без крыш, но иногда односкатные на-

весы из дранья. Бани все по-черному, у самого пола крохотные оконца, лаз в баню маленький, как в собачью конуру. Предбанников нет, как правило, лишь навес накатный и скамейка у двери. Больше всего таких бань по берегу реки, в огурешниках или за огурешниками.

Скот по ограде не ходит. Для этого есть двор с хлевом. Амбары обычные, на сваях, с крыльцом, с двускатной крышей.

Вообще, во всем видать, что люди жили как-то сжавшись и согнувшись, как в гробу.

Первый ряд домов — на самом берегу, на крутояре, для огородов уже нет места, только небольшие огурешники и капустники. Во втором ряду огороды побольше, но, как правило, картошку около дома не сажали — в поле. Второй ряд мог бы селиться подальше, но он так прижимался к первому ряду, что улица получалась узкой, а дома высокие.

Множество узких проулков, связывающих переднюю двухстороннюю улицу с задней, односторонней.

В деревне немало круглых, крестовых домов с шатровыми крышами: Носовых, Смолина Марка Григорьевича (фотографии схем прилагаются).

Чунские выражения

Живи смелей — скорей повесят!

Когда все ушомкалось — когда все кончилось, успокоилось, уладилось.

Когда еще ничего не проворачивалось — когда еще не начиналось, не было признаков, не намечалось.

«Тожно» в Кондратьевой, а на Бирюсе — «тажно» — тогда (Черневский: «Я уловил его, когда рассказчик на мой вопрос «Был ли такой же дом тогда, в 1919 году» ответил: «Тожно? Был». — Е. С.).

Варнак — любимое ругательство

Я тебя отшварту крапивой! — отлуплю.

Мы с ём пошли.

Всякого зверя ставят — о собаке, которая умеет остановить, посадить любого зверя.

Расколотка — отверстие в полу для ссыпки картошки.

Мураши — жители реки Мура.

Прокоп — искусственный ручей, отвод воды из болота в реку.

Стрихня — стрихнин в порошке, обычно в пузырьках, использовался звероловами в охоте на лисиц. Опалят поросенка или гуся, чтобы пахло, заморозят. В рот маленькой щучки под жабры вкладывают закатанную в воск стрихню. Такую щучку вставляют хвостом в рот приманки (в клюв). Лиса непременно приманится и съест. Уйдет метров на сто и сдохнет.

Отдельные эпизоды и замечания

- От Чунояр на Карабулу³ был волок.

³ Деревня Карабула на реке Карабула — по данным на 1926 год, 76 хозяйств, 431 житель (213 муж. и 218 жен. пола).

• В Кондратьевой еще живет старик с хорошей памятью, 1877—1878 г.р., Рукосуев Григорий Амбросимович.

• Женщины на Чуне рыбачили неводами только возле деревни, а мужики уплывали двести верст вниз по реке на стоплесье добывать красную рыбу (осетр, стерлядь) в конце августа — начале сентября. Но больше охотились в Карабульской тайге.

• Соболь очень хитрый. Белка поймается в плашку (ставят плашник — сто, а то и полторы сотни плашек), а соболь ее унесет. Обойдет все ловушки, особенно железные капканы — чует железо!

• Лучшая рыбалка между Петропавловкой и Березовой. В Николин день (Весенний Никола 22 мая по новому стилю) хорошо ловится елец, он в этот день мечет икру (бьет икру) и идет табуном, косяками. Но некоторые говорят, что икробой ельца начинается 17 мая.

• В Кондратьевой в 1919 году не было ни единой телеги, кроме одного ходка почтового, который стоял на левом берегу Чуны у переправы. Его посылали навстречу партизанам, идущим по волоку из Лапино.

• От Кадареи до Тайшета ехали на лошадях зимой неделю.

**Именной указатель
упомянутых партизанами
и крестьянами деревни Кондратьево
при встрече 30–31 августа 1964 года (61–81 (77–98)
и Егором Федотовичем, Тимофеем Николаевичем,
Иваном Тарасовичем Каверзиными,
Михаилом Иннокентьевичем Смолиным
(именной указатель на 58–60 (74–76 стр.)**

- Архип, нижеудинский железнодорожный кондуктор, — стр. 62 (78)
- Бекарев Ефим, тайшетский пастух, — 75 (92)
- Белкин Потап Фомич — 69 (86)
- Бельницкий — 72 (89)
- Безруких Трофим Фомич, кадарейский, — 63 (79)
- Бертин Эрнст — 71 (88)
- Бирикульский Егор — 69 (86)
- Богданов (Меликов Агафон Богданович?) — 67 (84)
- Богданов Алексей Гаврилович — 64, 66 (80, 83)
- Богданович Михаил Петрович — 63 (79)
- Бычков Николай — 70 (87)
- Бычков Василий — 62, 70 (78, 870)
- Бычков Андрей — 69—70 (86—87)
- Брюханов Прокопий Сидорович (отец Арины) — 76 (93)
- »- Девонис Мамонтович — 61, 63, 65, 68, 69 (77, 79, 82, 85, 86)
- »- Сергей Захарович, петропавловский, — 64—65 (81—82)
- Брюханова (Голдина, Дерюшкина) Арина — 76 (93)
- Воронин — 69—70 (86—87)
- Голдин (Дерюшкин) Александр — 76 (93)
- Голдина (Дерюшкина, Брюханова) Арина Прокопьевна — 76 (93)
- Горбатько Александр — 71 (88)
- Громов Василий — 71—73, 77 (88—90, 94)
- Губкин Станислав — 76 (93)
- Губкина (Каверзина) Дарья Антоновна — 76 (93)
- Дерюшкин (Голдин) Александр — 76 (93)
- Дерюшкин Дмитрий Степанович — 69, 76—77 (86, 93—94)
- Дорошенко Кузьма, тайшетский, — 69—70 (86—87)
- Дьячок-псаломщик, петропавловский, Степан Флегонтович — 77 (94)
- Дьячкова Елена Степановна, дочь псаломщика и жена Пепула, — 64, 77 (80, 94)
- Ильин Ганька — 76 (93)
- Казик, покатеевский, мародер, — 63—67, 75 (70—84, 92)
- Карась — 75 (92)
- Кепул Анс — 71—72 (88—89)
- Киселев Елизар — 71 (88)
- Кирмасов Александр — 70 (87)

- Ковалев (Яковлев) Тарас Ефимович — 72 (89)
- Козлов Иван Моисеевич — 77 (94)
- Козлов Игнатий — 77 (94)
- Козлова (Костецкая, Непомнящая) Матрена Константиновна — 77 (94)
- Кольцов Иван — 71 (88)
- Кондратьев Январь — 70 (87)
- Комайликов — 71—76 (88—93)
- Коротков Николай Федорович — 71—76 (88—93)
- Кочергин Евдоким — 70 (87)
- Кривоуцкий — 72 (89)
- Кузичкин Николай — 75 (92)
- Кулаков Николай Гурьянович — 73 (90)
- Карнаузов Федор — 67 (84)
- Карклин Карл Карлович, ссыльный из Червянки, — 67 (84)
- Кошкарлов Андрей (или Аверьян) — 67 (84)
- Каверзин Константин Архипович, Березовский, — 64, 68 (80, 85)
- »- Егор Семен (факт. это Смолин, выдринский) — 65 (82)
- »- (Рукосуев) Николай Корнилович — 65—66 (82—83)
- »- Виктор Герасимович, березовский, мобилизованный, — 68, 70 (85, 87)
- »- Алексей Владимирович — 68, 70 (85, 87)
- »- Афанасий Владимирович — 68, 70 (85, 87)
- »- Варфоломей Семенович — 64, 69 (80, 86)
- »- Андрей Осипович — 64, 69 (80, 86)
- »- Афанасий Аверьянович — 64, 69 (80, 86)
- »- Федот (отец рассказчика) — 71, 76 (88, 93)
- »- Амелян Афанасьевич — 71, 75 (88, 92)
- »- Дорофей Константинович — 71, 76, 77 (88, 93, 94)
- »- Тимон Константинович — 72, 76, 77 (89, 93, 94)
- »- Константин Никитович — 76—77 (93—94)
- »- Александр (расстрелянный мироновский староста) — 73 (90)
- »- Матвей Николаевич и связанные с ним по Березовой — 64—65 (80—82)
- »- Егор Федотович — 61, 76 (77, 93)
- »- Егор Папертович — 61 (77)
- »- Тимофей Николаевич — 61, 62, 68, 75 (77, 78, 85, 92)
- »- Пантелеймон Егорович — 64 (80)
- »- Семион Маркович — 61—62 (77—78)
- »- Петр Платонович (Петька Малый) — 75 (92)
- »- Трофим Осипович — 61—62 (77—78)
- »- Герасим Тимонович — 76 (93)
- »- Яков Егорович — 61—62, 67 (77—78, 84)
- »- Филипп Абрамович — 61, 63, 65—67 (77, 79, 82—84)
- »- Захар Петрович — 61, 63, 65 (77, 79, 82)
- »- Никита Варламович, кадарейский, — 61 (77)
- »- Николай Степанович — 63 (79)
- »- Николай Кузьмич — 63 (79)
- »- Алексей Осипович — 64 (80)

- »- Осип Кузьмич — 63 (79)
- ..»- Кузьма Карпович — 63, 68, 69 (79, 85, 86)
- »- Прокопий Васильевич, погиб в Тайшете, — 63, 68, 69 (79,85,86)
- »- Федор Емельянович — 77 (94)
- »- Арсений Егорович и связанные с ним по Петропавловке — 64, 50 (80, 64)
- »- Андрей Игнатьевич — 64 (80)
- »- Николай Корнилович — 64 (80)
- »- Ефим Сергеевич (Сека) — 64, 70 (80, 87)
- Каверзина Христинья Моисеевна — 64 (80)
- Каверзина (Губкина) Дарья Антоновна — 76 (93)
- Лачин Максим — 71 (88)
- Лебедев Николай — 69 (86)
- Мазарак Иван — 66 (83)
- Меликов Агафон Богданович (Богданов) — 67 (86)
- Москвитин Костя — 70 (87)
- Мусихин Михаил Иванович — 63, 66—68 (79, 83—85)
- Мутовин Иван Степанович — 72 (89)
- Носонов Ермил Поликарпович — 71 (88)
- Некрасов Степан — 72 (89)
- Носовы — 20—23, 45—46, 58; кн. 7 (70—79), 65, 76, 88 (82, 93, 108)
- Никитин Михаил Павлович — 76—77 (93—94)
- Новиков Петр Григорьевич — 63, 65—67 (79, 82—84)
- Николай Тимофеевич — выдринский доброволец, фамилия забыта
- Оберт (Роберт) — 63, 67,68 (79, 84, 85)
- Патрин Михаил Захарович — 75-76 (92—93)
- Пепул Ян Юрьевич — 63—68, 75, 77 (70—85, 92, 93)
- Пепул Елена Степановна, его жена, дочь петропавловского дьячка, — 64, 77 (80, 94)
- Пестерев Алексей — 71—72 (88—89)
- Пирогов Абрам Абрамович — 63 (79)
- Подателев Семен — 67 (84)
- Пукки Анс — 64, 66—68 (80, 83—85)
- Пустынских Тимофей, милиционер с Муры, — 67 (84)
- Пятаев Михаил Ильич — 72—73 (89—90)
- Пахоруков Николай — 69 (86)
- Рукусуев Ананий Кириллович с Муры 62 (78)
- »- Егор Иванович, д. Бузыканоно на Муре, — 62, 71 (78, 88)
- »- Афанасий Емельянович (Емельяновский) — 61 (77)
- »- Федот Васильевич, березовский, — 64, 65, 70 (80, 81, 87)
- »- Николай Корнилович (Каверзин) — 65—66 (82—83)
- »- Варнатий, выдринский, — 65 (82)
- »- Михайло или Кузьма, его отец, — 65 (82)
- »- Егор Федотович — 68, 70 (85, 87)
- »- Роман Ильич — 72 (89)
- »- Михаил Антипьевич — 75 (92)
- »- Григорий Амбросимович — 81 (98)
- »- Капил Никитович — глава неванской купеческой фамилии Рукосуевых —

Капиловских (Папиловских) — 65, 66 (82, 83)
 -»- Илья Давыдович — 81 (98)
 -»- Дорофей Капилович, младший сын Капила, — 65 (82)
 Рукоусева Устинья, мать Варнатия, — 65 (82)
 Степаненко Никифор Петрович, глинский, — 63, 66—67, 84 (79, 83—84, 105)
 Сучков Петр — 72 (89)
 Степан Флегонтович, петропавловский дьячок, — 77 (94)
 Толмачев Дмитрий — 72 (89)
 Федосеев Николай Флиппович — 75 (92)
 Федоров Вячеслав Максимович — 68 (85)
 Филимонов Владимир Павлович, тайшетский, — 69 (86)
 Фокин Герасим Тимофеевич — 73, 85 (90, 106)
 Холявин Никита — 77 (94)
 Шалыгин Николай — 69—77 (86—94)
 Шевелев Николай — 75 (92)
 Шкапин Виктор — 71—73 (88—90)
 Яковлев (Ковалев) Тарас Ефимович — 72 (89)

Дополнение:

Емельяновские и Капиловские (Рукоусевы) — 61, 65, 66 (77, 82, 83)
 Сека (Каверзин Ефим Сергеевич) — 64, 70 (80, 87)
 Непомнящая (Козлова, Костецкая) Мотя — 77 (94)
 Китаевский (Смолин) Василий Гаврилович — 65, 69 (82, 86)
 Смолин Александр Григорьевич — 61-65, 68—69 (77—82, 85—86)
 -»- Сергей Тихонович — 64 (80)
 -»- Егор Лупович — 64 (80)
 -»- Прокопий Сарафонович — 64 (80)
 -»- Михаил Сарафонович — 64 (80)
 -»- Константин Несторович — 64 (80)
 -»- Тимофей Васильевич — 64 (80)
 -»- Михаил Архипович — 65, 69, 73 (81, 86, 90)
 -»- (Китаевский) Василий Гаврилович — 65, 69 (82, 86)
 -»- Егор Семенович, выдринский, ошибочно фигурирует под фамилией Каверзин — 65 (82)
 -»- Михаил Иннокентьевич — 68, 75 (85, 92)
 -»- Иннокентий Иванович (отец) — 75 (92)
 -»- Марк Григорьевич — 80 (97)
 Всего около 160 фамилий и кличек.

Каверзин Иван Тарасович — 75 (92)
 -»- Антон Сидорович — 76 (93)
 -»- Евдоким Лукич — 76 (93)
 -»- Тарас Аверьянович — 76 (93)
 -»- Николай Лаврентьевич (ВР-Тр) — 76 (93)
 -»- Влас Николаевич — 77 (94)
 Каверзина Анисья Матвеевна, кадарейская, — 76 (93)

ЕМЕЛЬЯН АЛЕКСЕЕВИЧ МЯДЕЛЕЦ

**Родился в 1895 году,
бывший крестьянин деревни Глинной, Шелаевской волости,
был мобилизован партизанами.
Ныне пенсионер, житель села Бирюса, Тайшетского района.
Беседа состоялась 26 ноября 1964 года в деревне Бирюса**

Мы переехали в Глинный из Белоруссии, из Минской губернии, пять семей — пять братьев нашего отца. Называю их в порядке старшинства. «

1. Мяделец Филипп Афанасьевич с семьей.

2. Мяделец Адам Афанасьевич с семьей.

3. Мяделец Алексей Афанасьевич, мой отец, мать — Афросинья Петровна.

Отец сочувствовал большевикам. В его доме первое время по прибытии в Глинный поселились сразу шесть политссыльных: Коссиор, Богданович, Чугреев, Брусов, Малиновский, Коганович. Брусов и Шебашвили были главными большевиками в глинском подполье. Говорили, что Шебашвили родственник Сталину.

Однажды они провели в нашем доме подпольное собрание, на которое съехались политссыльные из Шелаева, Пакотея, Хандальской и др., но это уже после того, как шестеро политссыльных расселились в других домах. Мать Афросинья Петровна: «Чего задарма кормить, нехай гроши платят». (Кормили целый месяц бесплатно.) «Нечем им». Но потом они получили от родных первые переводы по 5 рублей. «Обживутся, заплатят», — говорил отец.

5. Мяделец Иван Афанасьевич — холостяк. Он очень увлекался науками, книгами, хотел стать ученым. Много учился, окончил семинарию, хотел поступить учиться дальше, но из-за мужицкого происхождения не приняли. Это его расстроило очень, он стал задумываться, продолжал заниматься самообразованием и немного тронулся умом. По этой причине его не взяли в солдаты.

Когда стали строить Богучанский тракт, он был подрядчиком у начальника строительства всего тракта еврея Орлика, но только по участку Лапино — Кондратьево в 1910 году, а когда этот волок сдали, он стал подрядчиком на постройке черенгачетской церкви. Подрядчик Мягкий из Долгого Моста, о котором вам говорил Бокановский Захар Васильевич.

6. Мяделец Николай Афанасьевич с семьей.

В 1905 году, когда мы приехали в Глинный, было лишь два хозяйства старожилов, а переселенцы — мы первые. Старожил Мутовин Александр жил очень богато, заседал пятьдесят десятин земли (на его полях и был нарезан участок), имел пятнадцать запряженных коней да табун гулевых, своих пастухов. Вскоре, когда стали прибывать другие переселенцы, он уехал в Тайшет. Помню, у него был сын Григорий. Второй хозяин — Каверзин с сыновьями Андронимом и Григорием, жил просто, бедно, был кожевником. Он уехал в Пойму.

В 1911 году в Глинный прибыло человек 12—15 ссыльных: Коссиор Иосиф, Богданович Михаил Петрович, Каганович, Чюгреев (баянист), Антонович (жил у Лазаря Матвеева), кавказец Виктор Шебашвили, три поляка — Малиновский, Вольский, Брусов, которых мы звали панами, украинец Дубовик Иван, Куранков Яков.

Коссиор вскоре бежал (он жил у Крылова Адама Степановича). У Коссиора — писклявый голос, а у Богдановича «крупный»: «О, хлопцы!».

Богданович жил в доме Петра Григорьевича Новикова, переселенца из Рогачевского уезда. Сам Петр был в солдатах (не на фронте, в ополчении), и Михаил Петрович — это все знают — жил с его женой Евой Семеновной (шегашетской, родная сестра Анисима и Егора Семеновичей Горлачевых). (У Новиковых было двое детей: Егор Петрович Новиков (сейчас живет в Красноярске) и дочь Настасья, или Анастасия.)

Когда вернулся Петр, ему, конечно, обо всем рассказали, но он не верил, и все продолжали жить вместе.

После победы советской власти, когда Богданович был где-то на западе, он вызвал к себе семью Новиковых и с ними уехал на Сахалин. В 1940 году все они еще были там. Я не слышал, чтобы Богданович был репрессирован.

Петр, в конце концов, понял, что Ева живет с Богдановичем, но он к тому времени ослеп, и деваться было некуда, так и умер у них. А сын Егор, узнав о связи матери с Михаилом Петровичем, уехал, только дочь осталась, совместных детей у них не было.

Каганович жил у ...Ефимовны Бобковой, вдовы, у нее муж помер до германской войны, потом она жила с Тербовым (?) Яковом. У нее от Кагановича родился сын, которого потом отец затребовал в Москву и устроил на хорошую работу. Она и сейчас живет в Тайшете, по Осипенко, 3.

Чюгреев Михаил Федотович жил у Сергея Лазаревича Матвеева. Хозяин женился уже при Чюгрееве, и тот играл у него на свадьбе на баяне (говорят, что раньше играл у царя в Москве или Питере). Чюгреев среднего роста, светло-русый. (Черневский: «Он и рассказчика учил играть на баяне». — Е. С.)

Шебашвили Виктор Иосифович, грузин, уже пожилой и слабый, поэтому и не был в партизанах, хотя главный большевик. Умер по пути домой, на Кавказ, после колчаковщины, в 1920 году.

Твардовский жил в Глинном тоже!

Был еще один грузин ссыльный, не большевик, хороший охотник, с дрессированной собакой.

Все ссыльные вели политическую работу, учили взрослых и детей. Богданович и Коссиор очень любили охоту, но ружья им иметь запрещалось и они ходили на охоту с нами. Я часто водил их тайгу, но староста Грибанов (белорус) был вредный, предупредил нас, чтобы мы не давали ссыльным оружие.

К 1919 году из ссыльных в Глинном остался только Богданович. Накануне восстания у нас — именно у нас, в доме нашего отца — бывало, собирались Бич, Пепул, Бусурманин (очень большой). Указанных моим братом Никанором ссыльных Гопкало, Абрамсона и Тараса я вообще не знаю, а также Оберта, указанного вами в Кондратьевой, и Марковича.

В партизаны добровольцами пошли:

1) Богданович Михаил Петрович.

2) Степаненко Никифор Петрович (насколько мне известно, он был в Абанском /Апанском?/ отряде).

3) Шульгин Роман Петрович (в Бирюсинском отряде, это брат моей матери, был одинокий и в году 1917-м приехал с фронта к нам, он взял у Мяделеца привезенную с фронта трехлинейную винтовку, а у Мяделеца Евдокима Филипповича наган).

4) Куранков Яков, из ссыльных, погиб в бирюсинских окопах в мае,

5) Новиков Петр Григорьевич.

Был в партизанах еще наш глинский Крылов Адам Степанович, брат моей жены, но он был под Новосибирском. Как туда попал? Потом был на врангелевском фронте, как и Богданович.

Что касается Новикова Петра и Стасенко Виктора Моисеевича, то они с оружием в руках в отрядах не были, а только помогали. Вообще Новиков Петр был уже пожилкой, лет 40—45, но умный и хороший человек. Был твердо за советскую власть! Помнится, он куда-то ездил. Возможно, и был с первым отрядом Яна Пепула на Чуне и Ангаре, но что-то эта роль его сомнительная (Черневский: «Удивляется и жена рассказчика, урожденная Крылова». — Е. С.). Если и был где-то в начале, то после в течение всего периода партизанского движения сидел дома, это абсолютно точно.

Стасенко Виктор — наш глинский, не ссыльный, был еще молод, нигде не выступал и в отрядах не был, но после победы, верно, стал очень активный и боевой. Он из Могилевской губернии.

Старший брат Петра Григорьевича Новикова, Филипп Григорьевич Новиков, иногда выступал против советской власти, большевиков и партизан. А младший брат Минка — безобидный, ни вашим и ни нашим, нейтралитет.

В 1916 году я был ранен под Варшавой и три месяца лежал в госпитале в Царицине, вернулся домой. В добровольцы не пошел, но в апреле, перед маем, меня мобилизовали вместе с другими глискими крестьянами.

Мобилизованные:

1) я,

2) Мяделец Николай Адамович, мой сродный брат,

3) Фокин Егор Герасимович, сын расстрелянного потом предателя Г.Т.Ф.,

4) Фокин Яков Федорович (его отец Федор Фокин в период подготовки выступал против, как и Герасим Тимофеевич, а в 1930 году был в банде, а их Минка Федорович Фокин сейчас в партии),

5) Бабков Кирилл,

6) Шиленок Пиран, в 1930 году был в банде,

7) Степаненко Василий Васильевич, судили 16—20 ноября.

8) Тербов Василий (по-уличному, Кербалов)

Но в... оставили только двух первых, т.е. меня и моего среднего брата Николая Адамовича Мяделеца, а остальных отсеяли, главным образом по причине неблагонадежности. (Черневский: «Кто проводил мобилизацию?» — Е. С.).

О Мусихине Иване Евстигнеевиче. Политссыльный. В 1919 году ему 46 лет. Часто приезжал в Глиный, а жил в Шелаево, и всегда один — ни жены, ни детей. Роста выше среднего, почти высокий, но суховат и худощав.

Темно-русый, небольшая бородка с проседью. Особой грамотностью не отличался, «не имел», как сам говорил, но в политике развит и стоял на большевистских позициях. Одевался просто — и зимой в пиджаке, правда, теплом, шапка-ушанка. Не вооружен.

Человек исключительно вежливый, уравновешенный, с мягким характером, умелым подходом к людям, все растолкует, «а не как коршун», в душу умел войти. Страшно не любил, когда мы ссыльных поляков называли «пан Вольский», «пан Малиновский», «пан Брусов». Велел называть их товарищами (Черневский: «Ну, а они сами?». — Е. С.).

Работавший с Мусихиным писарем или секретарем ссыльный Кононов Андрей Иванович тоже очень высокий, но уже не то — сухой и грубоват. Он все время был в разъездах по волости. Заместитель — Рукоусев, из местных шелаевских, старожил. Трынкина не знаю, но работал с Мусихиным еще один ссыльный латыш из Шелаево — Латс Иван Петрович, плохой человек. Казик — тоже шелаевский ссыльный, но я его плохо знаю. Куда они подевались после победы?..

О предателях

Ф.Г.Т., когда приезжали чехи, всех выдавал и указывал. Расстрелян по приговору суда военно-революционного трибунала 17 ноября 1919 года в 8 часов утра в деревне Кондратьевой. Суд, сессия которого проходила с 16 по 20 ноября, состоял, кроме президиума военно-революционного трибунала, из представителей отрядов, районного Совета и штаба. От штаба Швайдецкий Вл. Ив. от Совета Лачин Максим Трофимович, от 2-го отряда Толмачев Дмитрий, от 2-го кавалерийского отряда Никулин Григорий, от 1-го отряда Петр Ильич Пятаев, от 3-го отряда Тимофей Тимофеев, от тыловых частей фронта Загородний Данил. Дело слушалось по порядку 24-м. Приговор гласил: «Г.Ф. за выдачу чехам наших товарищей, как врага организации, предать смерти через расстрел» (из дневника Пятаева).

О моем участии в партизанском движении

В Бирюсинском отряде нас глинских было трое: я, мой сродный брат Николай Адамович Мяделец (оба мобилизованные), доброволец из ссыльных Яков Куранков.

Все мы были в обороне в день налета на Бирюсу в мае 1919 года. С нами были и чунари. Мы со своими ребятами были по правую сторону тракта, у могилки, а чунари — по левую. Впереди — дозор, секрет из двух человек. Чехи подкрались лесом с пашенной дороги с двумя пулеметами. Сразу убило одного в секрете, второго — Григория Марченко — ранило тяжело. Убило нескольких чунарей. Мы с Яковом Куранковым остались двое в окопе, Николай убежал сразу.

Вползли и мы, мою шинель изрешетило, а Якова, что полез сзади меня, убило. Внизу, перебежав мост, я свернул направо — и в ельник, тогда по деревенскому берегу он был густой. Оттуда мы видели, как ранило Якова Москвитина, не добежавшего до караульного помещения, и как он выстрелил себе в правый висок, лежа на левом боку. Мы еще хотели взять наган, но раздумали.

Пробрались задами к парому по лывам, вода была большая — в канавах по шею, а паром не ходил. Переправились все — кто на лодках, кто на бревнах. Переправой руководил Бич, прибывший из Конторки. Меня и еще десять человек он послал вывезти Якова Москвитина, что мы и сделали. Кто со мной был, не помню. Мы вывезли, кого нашли, всего пять человек, в том числе Якова Москвитина, Якова Куренкова (Яков из пятнадцати патронов десять израсходовал). Третьего убитого взяли в секрете, этот партизан был послан туда с Григорием Марченко. Двух убитых подобрали ближе к протоке у еврейского кладбища (???).

Из Конторки переправили коня, а подводу нашли в Бирюсе. Все это ночью. Когда привезли трупы, коня бросили в Бирюсе, а их положили на лодке у парома. На том берегу ждал Бич с подводами — и повезли. Сразу отправили в Нижнюю Заимку. Это было в ту же ночь! А еще через день, или на другой день, Бич направил меня и еще двадцать человек через Синякино на трех подводах с документами в Нижнюю Заимку, уже готовились к эвакуации, и мы их благополучно доставили. (Черневский: «Вывезли убитых Якова Москвитина, Якова Куренкова, Василия Белоногова, Коночку — Дорожку (?) и...». — Е. С.)

Когда уже были выкопаны окопы на Ивановом мысу, я ездил собирать посуду, продовольствие. Был в Джогино. Чуваши плохо относились, а два брата Толкачевы — минские, жили рядом в отдельных домах — хорошо отнеслись и дали все, что надо было (не потому что одного судили на октябрьской сессии суда по подозрению в шпионстве).

Беседа с Е. Я. Мядялецем 19 марта 1967 года

А. Ю. Черневский: Е. Я. Мяделец сказал неоднократно, что джогинцы очень хорошо относились и давали все, что надо: «Я вернусь в Шемякино, а за мной уже обоз с продовольствием идет». Где же правда?

Рассказчик уверяет, что в день налета 22 мая 1919 года «шла несметная сила» по краю оврага и пашенной дороге.

Мяделец считает первыми добровольцами группы Бича:

- шелаевского Каверзина Ивана,
- пойминского Журавлева Василия,
- черчетских Чемоданова Николая, Чемоданова Афиногена, Марченко

Григория, Басурманина,

- черенгачетцев Равковского Александра,
- глинских Новикова Петра, Романа Шульгатова (Шульгина), Степаненко

Никифора, Богдановича.

- шегашетских Горлачева Ивана, Трофима Силина, Мусихина Ивана.

Новиков Петр, Шульгин Роман, Степаненко Никифор действительно ходили из Лапиной в Кондратьево. Нет, через Федино — Хаю.

Эмма, сестра Яна Пепула, жила на хуторе одна. Ян уже там не жил. Она была здоровая баба, хотя и пятьдесят лет. Мужик столько не подымет. Хорошая рыбачка, однажды залучила острой тайменя на 56 килограммов, как бревно, на телегу не умещался.

ПАВЕЛ (ПАВЛИН) АНДРЕЕВИЧ ЕРМАКОВ

**Родился в 1899 году, уроженец деревни Бирюса, бывший партизан.
Ныне пенсионер, живет в поселке Суетиха (ул. Жданова, 29).
Беседа состоялась 26—28 февраля 1965 года.**

П. А. Ермаков: В первой империалистической войне я не участвовал. В августе 1918 года был призван в Белую армию Временного правительства и попал в Нижнеудинск, в учебную команду 11-го кадрового Сибирского полка (Нижнеудинского). В зиму 1918—1919 года, примерно в ноябре-декабре, когда в Красноярске уже началось восстание, нашу команду человек сто пятьдесят, около роты, четыре взвода, погрузили в эшелон и повезли на запад. На блок-посту между Тайшетом и Суетихой я и мой товарищ Войтин Константин (бывший кондуктор из Тулуна, мобилизованный, как и я) бежали в деревню Бирюса. Вскоре он уехал домой, а я остался в Бирюсе, вернее, прятался.

При мне у Сергея Бурлова стали собираться односельчане и тайком поговаривать о ненавистном правительстве Колчака. У него бывали, кроме меня, Троезубов Максим Никифорович, Москвитин Исак Корнеевич, Михаил... (его брат — телеграфист станции Тайшет, впоследствии нелепо погибший), Яковлев (Ковалев) Тарас Ефимович, Кулаков Константин — матрос (он заболел в момент соединения с Красной армией тифом, остался дома и умер в 1920 году).

А. Ю. Черневский: Был ли тогда Петрунин Михаил?

П. А. Ермаков: Нет, никогда. Да и в партизанах он не был.

У Мамаева Александра Семеновича (1998 г.р., впоследствии погибшего) в Шиткиной были родственники Бурмакины. Он решил идти туда, и я с ним. Сын Бурмакиных Федор как раз в это время женился, и мы гуляли на свадьбе.

Мамаева родня оставила у себя, а меня нет. Тогда Свенский сказал, чтобы я жил у него, а пока буду ухаживать за его лошадьми.

Я выдавал себя за Оглоблина, а Мамаев — за Верстакова.

Всеми подпольщиками в Шиткино руководил Свенский. Бича я видел мало. Свенский умел говорить, на конференции председательствовал. Тийса я не видел. Кажется, и Бича тогда не было. Вообще же Бич был популярен, хороший оратор и организатор, но в военном деле не ориентируется. Кепул писал протокол. Я и Мамаев стояли на посту у дома, где проходила конференция, иногда попеременно входили обогреться.

Басурманин был на конференции, а Чайковский (эсер) и вообще нижнезаимцы — нет.

После конференции Свенский провел в Шиткиной — в каком-то доме, не помню — собрание местных крестьян. Один богатый крестьянин говорит: «Тут одни коммунисты, для нас это не подходит». «Я не коммунист, не дорос еще. Коммунистом быть надо еще заслужить. Самый большой коммунист — Ленин», — ответил ему Свенский.

В Шиткино, я видел, у Свенского бывали Богданович, Швайдецкий, Басурманин, Воронин, Бурульбаш, Чемоданов Николай, Ходя (чернявый) и Бич (мимолетно и редко!). Вскоре эти же люди, но, кажется, без Бича, поехали на съезд на Сергиевский участок, а меня и Мамаева А.С. взяли как охранников. На съезде, кроме перечисленных, был Кепул Анс (я знаю его потому, что после видел в штабе и на съезде, где он всегда писал). Вскоре после съезда произошло восстание. Я хорошо помню, что это было в воскресенье на Масляну.

В Шиткино были Свенский, Воронин, Николай Чемоданов, Ходя, шегашетцы, кое-кто из заречинцев. Но ни Кепула, ни Тийса там не было. Был я и Александр Семенович Мамаев — нас двое бирюсят.

Собрания в тот день в Шиткино не было, а было несколько раньше, после съезда. Свенский послал в своей кошеве на своем Савраске (саврасом бегунке) в разведку заречинского Митрофана Кочеткова, который встретил белых в Тракт-Ужете и привел их за собой со стороны острова. Митрофан ехал быстро — стоя в кошеве!

Вообще же у Свенского было две лошади.

Пожилой крестьянин, кажется Попов Дмитрий, батрак Поликартпа Николаевича Рукосуева, поддержал Свенского и примкнул, и еще брат Макара Жукова, дезертир. А в день восстания никакого собрания не было. Свенский расставил нас по дворам и только.

Запись 31 января 1967 года

Черневский А.Ю.: Я посетил Павла Андреевича Ермакова, чтобы прояснить сказанное во вчерашней беседе Жуковым Макаром: якобы в Шиткино вскоре после прихода Бича явился Евдоким Кочергин, и он командовал отходом на Шемякино.

П. А. Ермаков: «Не Кочергин, а братья Москвитины со старостой приехали, и командовал Яков Миронович, он был очень речистый. Но на Шемякино, я не помню, чтобы мы отходили, а пошли сразу в Нижнюю Заимку и там стояли очень долго». Рассказчик явно ошибается — в Шемякину отходили, а то что был не Кочергин, а Яков Москвитин, это пожалуй, да!

«Кочергин, по-моему, оказался в Н-Заимке», — говорит Павел Андреевич. «Это вряд ли, — сомневаюсь я, — скорее все же, он пришел в Шиткину, когда вернулись из Шемякино». «Не уверен, возможно, забыл. Тем более что очень долго пришлось стоять в Шемякиной осенью. Возможно, все перепуталось». Да, возможно — 45 лет прошло!

Дом Свенского был с сениями (с середушкой).

В Нижней Заимке в штабе был случай, когда на столе лежали гранаты, а Евдоким Кочергин взял одну, держал в руке, и неожиданно сорвалось кольцо, — он выбросил гранату на середину улицы в окно, там она взорвалась (в окно — значит, дело было летом).

П. А. Ермаков вместе с Мамаевым ходил в Шиткину из Нижней Заимки за переправу встречать 6-ю роту, но что там делали и кто был из командиров, не помнит, а помнит, как встречали 6-ю роту в Нижней Заимке. Выступал Яков.

Во время тайшетского наступления к Половинкину вышел и что-то сообщил тайшетский житель Дьяченко Иван Иванович. «Я осенью ходил к нему

на связь с Акульшетского отряда на Зуеву заимку», — рассказывает Павел Андреевич.

Флора Андреевна была убежденная революционерка, владела оружием.

Ефим Смолин тогда в этом доме жил. Махотка — боевой старик! Был в Акульшетском отряде, сам он тайшетский, и, возможно, ходил с заданием в Тайшет.

П. А. Ермаков: С красной армией я дошел только до Нижнеудинска. Там осели Тришкин, Прокопий Кривоуцкий, Николай Шевелев. Н. Шевелев был командиром Нижнеудинского караульного батальона, Кривоуцкий — политрук, Тришкин — уездный военный комиссар, я остался солдатом в их батальоне.

Я и Мамаев А.С. попали в Акульшетский отряд Воронина, т.к. Бирюсинского отряда еще не было, а отряд Бича, Конторский, был набран из своих черчетских и других ребят.

Начальником штаба Акульшетского отряда был анархист Дерюшкин.

Мамаев вскоре ушел в Бирюсинский отряд, а я был до конца в Акульшете, и мы ходили чаще всего на диверсии в район деревни и станции Байроновка. Не ломали, а расширяли рельсы, вынуд два костыля. С нами был байроновский Прокопий (кажется, Романовский), женатый на бирюсинской Феклушке.

Я участвовал в тайшетском (глупом) наступлении, которым руководили Константин Москвитин и Андрей Бычков. (Костя был старше меня года на два.) Шли пешие и на подводах, которые оставили у тайшетской посотины, а потом бежали к ним. Если бы преследовали нас, всех бы перебили, хотя и так полегло достаточно, а чехи напугались все-таки и не стали преследовать.

В депо стоял броневик «Орлик» с двумя башнями (настоящий), и если бы мы его взяли — было бы дело! Но у нас не было специалиста.

Перед восстанием все съезжались-собирались у Михайлова Федота, у Свенского не ночевал, негде.

После отступления мы шли Неванским трактом. Кто командовал, не помню. В кавалерии ехали Исак Карпович Москвитин, Макс Троезубов, его братья, Федор Кузьмич Москвитин, Сергей Бурлов, Осип Кочергин (один из руководителей отступления?). В Бунбуй не заходили, а сразу пошли на Выдрино — Березово. В Березово встретились с ангарчанами и назад не возвращались. Долго стояли в Петропавловке, а потом пошли на 33-й километр, не останавливаясь в Кондратьевой. Лазарет и хозчасть из Шиткиной эвакуировал на плотках Иннокентий Романович Неизвестных, очень энергичный человек.

• Евдоким Кочергин в Березовой дал мне бродни. Он был очень хорошим командиром.

• К. Москвитин убил в Канске, в управлении ГПУ не Галошина, а Тетеркина — он вел дело Матвея Критина. Это точно.

• Галошин лично знал Свенского, он его и схватил.

• У мостового караула были винтовки вервельтье (ватерло) — очень длинные, с плоскими и длинными, как сабля, штыками. Я знал многих из мостового отряда. Все они до конца были хорошими партизанами. И все говорили,

что переход был подготовлен. Помню фамилии: Шелехин Константин, Щипанов, Бардусов.

- Отступление я помню с лагеря в бору между Тракт-Ужетом и Шиткино. Переправились на пароме у Кавказа, вышли на большую гору и группами стали пробираться к Неванскому тракту. Это так называемый отряд Кривоуццкого. Он появился именно где-то тут в лагере, но заворачивал всем тракт-ужетский Кочергин Осип. Пробирались без тропы, группами, не организованно. Нас шло человек пять — семь: я, Куренков (или Курников, или Куранков) Яков, Шелехин Костя...

Мы вышли последними на Неванский тракт недалеко от Шиткиной, захотели узнать, что там, подошли к парому, а нас оттуда из пулемета. Скорее обратно. Откуда ни возьмись верхом едет Сергей Бурлов, бросил нам булку хлеба и поскакал обратно. Мы так и шли замыкающими, не доходя до Бунбуйского моста увидели: едут навстречу подводы — кто-то выслал. Догнали своих в Неванке, но стояли там недолго — и на плотках в Савину. Там ли, в Неванке ли встретились с Кочергиным, не помню, но он дал мне свои бродни. На плотках — в Петропавловку, где стояли очень долго.

- Мамаев Александр Семенович погиб при попытке взорвать броневик с двумя бронированными башнями. Тянул за веревку, но заряд был мал, бронепоезд не взорвался. Александр хотел посмотреть, в чем дело, выглянул, и ему снесло череп. А Яковлев Тарас снял высунувшегося из башни беляка из винчестера.

- Когда выходили к Красной армии (Нижняя Заимка — Коновалово — Тайшет через Старый Акульшет), был один единственный командир — Евдоким Кочергин, комполка. А Костю Москвитина я не видел.

- Богдановича взяли в политотдел дивизии, Евдоким Кочергин в Иркутске был в штабе.

- Мексиканские винтовки и японские карабины были у 6-й роты. Шелехин (Костя?) был, кажется, из мостового караула. Он откуда-то из-под Канска.

Запись 28 февраля 1966 года

П. А. Ермаков: Белые шли цепью на берег, некоторые на подводах, и в объезд. Был с нами какой-то тасеевец, который первым убил белогвардейца. Кроме него из участников восстания я точно помню Свенского, Воронина, Чемоданова Николая (Афиногена не было, да и вообще он мало участвовал, а потом и вовсе спрятался), Ходю — Силина, Володьку Дункана (Жазакевича), Мамаева Александра Семеновича, а всего человек одиннадцать — это верно. Не семь и не двадцать! У меня была русская трехлинейка, а у Мамаева немецкий карабин. С ним мы и на посту в Сергиевском участке стояли.

В другой половине дома Свенского жил Ополченский, который никакого участия в делах не принимал, а занимался перепродажей самогона. Ему привозили с низов его целыми бочками, а он переправлял в Тайшет. Но с ним жил другой ссыльный, поляк Степан, который был активным (?).

НЕСТОР МЕРКУЛАЕВИЧ РУКОСУЕВ

**Родился в 1892 году,
бывший житель деревни Малеево на реке Чуна,
партизан Апанского отряда,
ныне проживает в деревне Тремино.
Беседа состоялась 17 июня 1965 года.**

» В 1919 году прибывший в Богучаны отряд в семьдесят казаков стал по деревням Пинчугской волости насильно набирать «добровольцев» в свой отряд, а также отправлял в армию Колчака. (Черневский: «Деревня Малеева, по переписи 1917 году, — 44 хозяйства, от Пинчугского — 147 верст; по словам рассказчика, в 1919 году — 60 дворов, как и в Чуноярах (деревня Ярковская)». — Е. С.)

В конце февраля к нам в Малееву приехал представитель Тасеевского фронта бывший ссыльный из деревни Фединой Пойст и некто Строганов, ссыльный Фома Иванович и тесть Пойста Рукоусев Иван Игнатьевич. Они организовали у нас отряд, вернее говоря, пополнили свой небольшой отряд нашими добровольцами для борьбы с белогвардейцами.

Из Малеевой пошли: я, Смолин Акакий Григорьевич (погиб в Отечественную войну), Рукоусев Егор Яковлевич, мой родной дядя, Рукоусев Григорий Сергеевич, Колпаков Василий, Рукоусев Егор Дмитриевич, Рукоусев Андриян и др.

Пошли в Богучаны через Карабулу, чтобы дать бой казакам. В Чунояре к нам присоединились человек десять, в т.ч. Брюханов Егор Ильич, Хрусталев Антон Лукич, Павел Белый (хохол ссыльный), Павел Красный, настоящая фамилия Шестопалов (ссыльный, мародер, вернулся с нами и остался в Чуноярах, в Апанский отряд мы его не взяли), Рукоусев Николай Иванович, Рукоусев Егор Матвеевич, Рукоусев Иван Матвеевич, Рукоусев Константин Матвеевич (Черневский: «Нет, не был». — Е. С.), Рукоусев Егор Егорович (Черневский: «Этот не был». — Е. С.), Рукоусев Софрон Егорович, Рукоусев Иван Иванович по прозвищу Мельник.

В деревне Хае присоединились Брюханов (прозвище Марачек), Безруких Мирон Захарович, Попов Федор, Попов Филипп Архипович, Попов Михаил Ильич, Попов Василий Ильич — это два брата, сыновья Ильи Леонтьевича. Всего человек семь или восемь.

В Карабуле присоединились...

Вот тут к нам подоспел Пойст с Фомой Ивановичем из Фединой, были с ним и еще люди.

Фамилия богучанского писаря Молчанов, он был пожилой, самостоятельный. Его позже казнили в Тасеевой.

В Богучаны пришло нас уже человек сто. Оказалось, что казаки уже ушли на Кежму, крестьянского начальника не было, а пристав убежал. Остался только главный, старший писарь. Он прикинулся сочувствующим: «Я признаю народную власть», а сам тайком писал и посылал казакам доносы. Мы его арестовали, увезли в Апан, а оттуда его направили в Тасееву и там расстреляли.

В Богучанах стояли двое суток (два дня), взяли на складе семьдесят ящиков боевых винтовочных патронов и пять винтовок, и все это повезли с собой обратно через Карабулу — Чунояр — Хаю. Дело в том, что старинный волок проходил с Фединой на Хаю — Чунояры — Карабулу — Богучаны, а не Хаю — Карабулу. Так что ни с Федино — Хаи на Карабулу — Богучаны, ни с Богучан — Карабулы на Хаю — Федино не минуешь Чунояры.

На обратном пути многие у нас отсыпались, т.е. остались в своих деревнях — Карабуле (все местные), Чуноярах (Пашка Красный — мародер и др.), Хае. И в Федино мы пришли 1 (14) марта уже человек...

Когда мы пришли из Богучан в Федино, на Зимнике, между Фединой и Апаном, произошел бой с белыми. Зимник — это название маленькой деревни-участка, где стояла группа тасеевских партизан, образовавшая так называемый Апанский фронт. Белая дружина из Апана в двести человек (не все, конечно) наступала на них, разбила и сожгла Зимник.

Выше Фединой, в Почете встретились с шиткинским отрядом Яна Пепула, который направлялся по тылам для чистки буржуев. Я хорошо помню, что встреча с Пепулом в Почете произошла 1 марта по старому стилю (14 марта по новому), Почет от Фединой в 30 верстах. Впрочем, возможно, что 1 марта мы еще были в Фединой (двое суток дожидались формирования и сбора фельдшера).

Пепула я хорошо знал. Он и раньше бывал у нас в Малеевой, останавливался в нашем доме — ездил по Чуне с мелкой торговлей, барышничал — это точно. Он был женат на дочери петропавловского дьячка Степана Флегонтовича. Поэтому я эту встречу хорошо запомнил. С ним было человек пять, но я никого не знаю. И ехали они не открыто, как отряд, а вроде как в гости — разведывали тылы. Встретившись с нами и узнав положение дел (особенно много беседовал с Пашкой Белым, с Пойстом и со мной), выдал свои планы и стал действовать.

Отдельные факты и эпизоды

- В Малеевой жил ссыльный Мазурин Николай Владимирович, глава маленькой ссылки, очень умный, учил нас на дому. В 1916 году он уехал в Красноярск, там в революции стал большим начальником, но был убит белыми (Черневский: «Член исполкома Красноярского Совета и Енисейского губернского Совета, член Енисейского губернского Народного комиссариата, председатель Красноярской чрезвычайной комиссии по ликвидации старого аппарата на железной дороге. См. «За власть Советов» стр. 313, 240, 355». — Е. С.)

- И вот к нам в Малееву приехал их представитель [колчаковцев], некто Ткаченко, сволочь добрая, чей и откуда, не знаю. В гражданской одежде, без оружия. Остановился у Рукосуева Сергея Николаевича, зятя чуноярского мужика Петра Афанасьевича Рукосуева, который и привез в кошеве Ткаченко. Вызывает к нему парней восьми возрастов — с 1892-го по 1899 год. Мой год последний, 27 сентября 1899 года родился, мне двадцать восьмой год пошел.

«Не пойду. Все не пойдём». — «А куда пойдете?» — «С народом». Он прикинулся, сказал, что и он согласен, но ответ должен сообщить, и уехал.

«Нечего нам идти к Колчаку!» Мы разослали гонцов в Федину, Хаю, Чунояр, чтоб собраться в Чуноярах в такой-то день. Тем временем в Малееву прибыл обоз — пятнадцать подвод с пятью кондратьевскими и березовскими мужиками, которые везли из садков свежемороженую красную рыбу — стерлядь и осетра Колчаку от купцов Григория Андреевича Каверзина и Носова Дермидонта Тимофеевича. Обоз остановился у моего среднего дяди Смолина Акакия Григорьевича. Сами купцы проехали раньше, вперед в Федину.

Мы, восставшие, везти добро Колчаку не разрешили, конфисковали, убрали по амбарам для будущего фронта. Кто тащил ящиками с саней, а я целые сани с ящиками и бочками руками отвез к себе в амбар. Мужики уехали обратно к себе домой, а мы — в Чунояр на съезд (сход). Туда приехали с Хаи, а фединские не приехали.

Откуда они взялись? А вот откуда. Когда купцы Носов Дермидонт Тимофеевич и Каверзин Григорий Андреевич прибыли в Федину, они стали интересоваться, спокойно ли на пути в Канск, но то ли узнав, что не спокойно, решили не вести обоз, то ли заждавшись своих мужиков, то ли слух дошел до них, что обоз конфисковали, но они вернулись обратно. Федино-апанские партизаны, узнав, что купцы интересовались обстановкой, посчитали, что это шпионы, и поехали им вдогонку. Они настигли их в Чуноярах или в Хае!

«Если вы не шпионы, идите с нами за народ служить!» Богучанский купец Григорий Андреевич Каверзин им отвечает и показывает рукой по колену: «Нет, по колено в крови пройду, но с бандитами не пойду и вам, гадам, не дамся!» Дермидонт молчал. Их обоих увезли в Федино, оттуда в Тасеево, но по дороге закололи штыками: «Вы хотели по колено в крови пройти, так вам вот кровь!».

А Пойст с группой фединских партизан, узнав, что хайские, чуноярские и малеевские партизаны пошли на Богучаны, поехал дальше из Хаи в Чунояры и на Карабулу догонять нас. Вместе с нами в Карабуле было уже шестьдесят человек, каждый на отдельной подводе. В Карабуле к нам присоединилось еще сорок человек и подводы. Переночевав, мы все поехали в Богучаны.

Стали действовать открыто по расчистке тыла. Мы разъехались: Пойст поехал в Федино, а мы с Почета на Апан. Когда мы приехали в деревню Зимник, там был еще пожар. Партизаны — которые погибли, которые разбежались, но с нашим прибытием стали снова собираться. Я остался в Апанском отряде у Апановича. Он сам из деревни Байкин (участок, двенадцать верст от Апана), среднего роста, не большой, широкоплечий, коренастый, рыжеватый, лет двадцати пяти. Ротным командиром у Апановича был немец Адам, а писарем или секретарем штаба тунгус Евлоха, или Евлантий Спиридонович.

• Летом 1919 года я болел малярией и был дома в Малеевой. Приехали пять верховых во главе с Машуковым. Он остановился у меня и рассказал, что приехал на связь к шиткинским партизанам от тасеевцев, послал его сам Буда! Машуков происходит из местных крестьян дедервни Щекотурово, что в десяти верстах от Тасеевой. Он дал мне хины (хинин), а я им три сетки-накомарника.

• Легенда о происхождении чунских сел и деревень. 350 лет назад из Донбасса сослали трех братьев Рукоусевых — Федьку, Герасима и Малюя, и поселили их в тайге в разных местах. Там где Федька — Федино; там, где Герасим, возле горы и яра, — Яркинская, которая позже стала зваться Чунояры, то есть яр на Чуне; а там, где Малюя, — Малеево. От малеевского потомства пошли Филькино, Одрино, Ганькино, Неванка и др. Потомок Малюя Дмитрий имел трех жен и от каждой по десять детей, и после десятого все жены поми- рали. А тридцать детей Рукоусевых расселились вверх по Чуне. Все деревни, где много Рукоусевых, — малеевской родовой. А Кадарея, Кондратьево, Петропавловка, Березово и Выдрино — это тунгусские, помесь.

• В Бузыканоной живет Кулаков Иван, у него есть интересная старая книжка, доставшаяся ему от умершего лет десять — пятнадцать назад ссыльного безногого латыша Петра Михайловича Метельсона (а Фриц Метельсон — это другой).

• Строгонова я узнал уже в Апанском фронте. А тесть Пойста Рукоусев Иван Игнатъевич был уже стар, лет семьдесят, но помогал партизанам возить продовольствие и т.п.

• Ткаченко позже сам превратился в мародера, — действуя от имени партизан, арестовал двух богатых занедеевских купцов, конфисковал у них деньги и повез якобы в Апан. Ночевали в Карабуле, а выехал за Карабулу, верст семь, убил их и бросил под мосток. Их жены днем позже выехали следом и, приехав в Чунояры, узнали, что никаких купцов не провозили. Так и раскрыли дело. Ткаченко партизаны арестовали, доставили в Тасеево и там расстреляли.

• Убитый богучанский купец Григорий Андреевич Каверзин был сыном Андрея Ивановича Каверзина. Это был средний из трех братьев Каверзиных — Федор Иванович (старший), Андрей Иванович и Егор Иванович. Когда мы приехали в Богучаны, Егор Иванович, хорошо знавший меня, сказал: «А тебе-то что надо, чего ввязался в банду?». В Богучаны я пришел с шомполкой, а в Апане добыл двустволку-централку.

• Наша семья была самая большая в Малеевой — более двадцати человек. Шесть братьев моего отца — шесть дядьев жили одной семьей. Мой отец седьмой. У нас было двадцать коров дойных, пятнадцать запряженных лошадей да молодняк. Станешь на луга гнать — целый табун. Но от двадцати коров мы надаивали в день только три ведра молока — кормили одним сеном. Зимой день стоят на холоде, а на ночь загоняли в холодный двор, грязь. А богучанский Егор Иванович вел хозяйство культурно и от двух коров надаивал четыре ведра молока в день!

Отец мой умер рано — в 1905 году, тридцати пяти лет отроду. Я женился в 1912 году. Я был самым сильным не только в деревне, но и окрест. Поднимал тридцать пудов — в шесть раз более своего веса, а весом был почти шесть пудов, да и роста доброго.

• Первым рыбаком и охотником был в Малеевой Василий Иванович Зверков, один их трех сыновей сосланного к нам в давние времена из Томской губернии вора и разбойника Ивана Зверкова. Когда старик умирал, призвал трех сыновей, покался, что он загубил сорок душ, а сынам наказал жить

честно, дать зарок. И верно, все три сына были хорошими людьми, ни один из них «за иголку не запнулся». Было у Ивана еще три дочери — тем он об этом не говорил, не призывал к себе, и все они были вороватые.

Василий Зверков убивал белку за полверсты, и сам дивился. Считали, что слово какое-то знает или обладает гипнозом. На уток знал, как и откуда зайти с первого разу, бил только в лёт. Его соперником в деревне был мой дядя Акакий Григорьевич Смолин, который не любил Зверкова, завидовал ему, хотел сам первым стать. В 1930 году в «головокружении» Зверкова Василия взяли за то, что он якобы создал банду, а никакой банды не было.

• Лучшие местами охоты у нас на Чунояре — в верховьях реки Пойма и вообще по Пойме, вершина реки Глинной. На Челечете (Черневский: «Река Тилчет». — Е. С.) была и наша избушка (зимовье). Там мы и охотились.

Медведи трех видов. Бусый — светло-желтого цвета, а потом, как вылиняет, — совсем светлый, как линявая собака. Самый мелкий медведь — муравейник, осень, когда шерсть подрастет, темно-бусый. Шиворот — черноватый. Серый — средний, шея белая (галстук, подшейник). Это муравейники. Как выйдут из берлоги — в первую очередь в муравейники и жрут «кулички» — яйца, зародыши муравья, от них лучше оправляются после зимней спячки. Оправляется — орет страшно! Если убьешь медведя в берлоге перед весной или сразу на выходе — кал топором не разрубишь. Черный — самый крупный, до двадцати четвертей¹ в длину. Муравейники не трогает, как выйдет из берлоги — сразу на траву, пучки² ищет. А потом питается главным образом мясом.

Медведя бить в туловище — пустая затея! Только в голову. А сохатого наоборот, в тело, а об голову пуля расплющится, такой крепкий череп.

У горного медведя шерсть не длинная, как у муравейника, а короткая и гладкая. Блестит, самая доха³.

В 1926 году в шестимесячный отпуск к нам приехал Коссиор специально поохотиться. Берет несколько охотников, и я с ними (у нас на Челечете зимовье, верст двадцать от Глинного). Он с боевой винтовкой, с двумя наганями. Мы с централками. Приехали под осень, а уехали уже в крупную зиму. Набил много пушнины, соболя, шкуру большого черного медведя в девятнадцать четвертей.

Этого медведя, как поставили собаки, мы повертывали в тыл, сзади. Надоело ему слушать гавканье собак, вылезит, а задницей обязательно зацепит за берлогу. Коссиор стреляет сам, стреляет метко, хорошо, но трус.

Я в зимовье сделал тесто, вымазал (шкуру медведя? — Е. С.)... Чтобы разложить такую шкуру с лапами, когтями и головой, нужна просторная горница. Вот эту шкуру заколотили в отдельный ящик, и тоже Коссиор увез. Охотникам платы хорошие за охоту.

¹ Расстояние между большим и указательным пальцами, 17,7 см.

² Пучки — борщевик сибирский.

³ Доха — шуба мехом наружу.

Из камуса убитого Коссиором лося (несколько пуль всадил) наш пришлый, оженившийся в Глинной, хороший портной Краснов сшил ему большие хорошие унты до паха.

- Самая хорошая рыбалка была на старице, возле деревни версты полторы. А красную рыбу добывали в ямах на пустопесье. Там есть ямы саженей по тридцать глубины. Это ниже Хаи. А ямы между Петропавловкой и Березовой не такие, хуже, и рыбы там меньше.

- Самогон у нас гнали издавна, еще меня на свете не было. Пили здорово, и сам я много его выпил за свою жизнь.

- Вокруг Малеевой полно черники и брусники.

- Пинчугский купец Петр Васильевич Толстых, имевший лавку и приказчиков в Пинчуге, Богучанах, Карабуле, помогал партизанам, все отдавал беспрекословно: «Мы пожили, живите теперь вы».

В Фединой был богатый Рукосуев Виктор Михайлович, хорошо помогал партизанам, отдал в Апанский и Тасеевский фронты 10 тыс. пудов хлеба.

- После того как малеевская группа восстала и ушла на Богучаны, но еще до прихода Я. Пепула, другая группа малеевцев, во главе с Зверковым Василием Ивановичем — первым рыбаком и охотником, тоже решила создать дружину против Колчака, и с этой целью они поехали в Кондратьево, чтобы там организовать. Но они этого не очень хотели, в Кондратьевой их не поддерживали. В эту группу, ездившую в Кондратьево, входили: Зверков Василий, Рукосуевы Николай и Елизар Дмитриевичи (братья), Рукосуевы Артамон Осипович и Афанасий Яковлевич (Черневский: «См. в этой книге стр. 75 (92), воспоминания Смолина Михаила Иннокентьевича; см. также стр. 63 (79)». — Е. С.).

- Расстояния:

от Фединой до Хаи через хребет — 35 верст,

от Хаи до Чунояр — 20,

от Чунояр до Карабулы — 80,

от Карабулы до Богучан — 45,

от Чунояр до Малеевой — 17,

от Малеевой до Кадареи — 40 (иные считают 48),

от Малеевой до Кондратьевой — 52 или все 60,

от Фединой до Почета — 35,

от Почета до Шамановой — 40,

от Шамановой до Шелаевой — 60,

от Фединой до Шалаевой — 125,

от Шелаевой до Лапиной — 6,

от Шелаевой до Кадареи — 21,

от Шелаевой до Соколовой — 36,

от Шелаевой до Хандальской — 46,

от Шелаевой до Шаманской — 60.

Дворов: Хая — 25, Чунояры — 60, Малеева — 60 (1917 г. — 44), Карабула — 80 (1917 г. — 55), Богучаны — 70

ОСИП АРОНОВИЧ ПЯТНИЦКИЙ¹ (ТАРШИС)

Дополнения к воспоминаниям
о богучано-фединской ссылке,
описанной им в книге «Записки большевика»

» *В изложении А. Ю. Черневского*

В марте 1915 года он (Пятницкий) со смешанной группой политзаключенных и уголовных этапом из Красноярска через Енисейск прибыл под охраной стражников в волостное село Пинчугской волости Богучаны на Ангаре, в семистах верстах от Енисейска. В Богучанах было место пребывания пристава и дом политзаключенных, устроенный ими самими (в ссылке социал-революционеры, анархисты, меньшевики и большевики сожительствовали дружно, хотя на воле спорили горячо о методах борьбы с врагами рабочего класса). Было почтовое отделение.

Ссылные не имели права выходить за поскотину, дважды в день их проверяли стражники. В Богучаны из Енисейска приезжал исправник². Это была его вотчина.

Пятницкого направили на поселение в деревню Федину по Карабульскому волоку и через деревню Карабулу (т.е. по Богучанскому тракту), а затем по волоку через Чунояр. В Федино он прибыл 6 марта 1915 года. В деревне тогда было сорок дворов. Жили очень зажиточно, в большинстве кулаки и середняки. Деревня сплошь состояла из Рукосуевых, происходивших из одного рода.

Летом из Фединой можно было добраться только верхом, пешком или на лодках-долбленках длиной в 9-12 аршин. Седла из досок четырехугольной форма, под седло клали потник, а поверх его седловище-подушку.

В солдаты фединцев, как и чунарей, не брали, и рабочих рук хватало. А рядом, с Канского уезда (Плахино, Почет и др.), брали.

Летом в страдную пору семья уезжала на пашни, возвращалась лишь на праздники, а дома оставались старики, старухи да малые дети. Жили богато — как помещики: охота, рыболовство. При вскрытии реки в первой половине мая крестьяне плавил в Енисейск по Оне — Тасеевой — Ангаре зерно и муку прошлогоднего помола. Раз в год летом приезжали на плотах купцы (татарин), закупали сукно, холст, масло, яйцо, пушнину, сапоги, посуду и пр. До войны рожь продавали по 14 копеек за пуд, а летом 1916 года по 1 руб. 10 коп.

Во время войны по деревням разъезжали скупщики золотых монет, ску-

¹ Осип Аронович (также Иосиф Орионович) Пятницкий (родился 17 января 1882 года, Вилькомир, Ковенская губерния, умер 29 июля 1938) — советский партийный и государственный деятель, одна из ключевых фигур в ИККИ, глава ОМС Коминтерна в 1921—1935 годах. Ссылка в Енисейской губернии — 1914—1917 гг.

² Чин главы (начальника) полиции в уезде в Российской империи, подчинен губернатору.

пая по 1.20 — 1.50 за рубль (6—7 рублей бумажками за золотую пятерку) или 13—15 рублей за десятку, в то время как бумажный рубль пал в России до 1/3 прежней стоимости (3 рубля за рубль). «Я их в войну купцам все продал, по рупь двадцать за рупь платили...»

Грамотных почти не было. Единственный грамотей в Федино (не считая ссыльных) стражник Благодатский Роман Петрович. «Грамота девке недляче!»

Не было ни школы, ни церкви или часовни. Раз в год приезжал поп со свитой и отпевал умерших за год, за что брал пушнину (главным образом белку, холст и пр.). Крестьяне молитв не знали, только крестились на иконы.

Наезжал также фельдшер и не уступал в сборах.

Спали в одежде. Внешне чисто, но много клопов, тараканов, вшей. Холст и сукно вырабатывали сами (и даже продавали), как и кожи для летних чирек и зимних бродней.

Федино Пинчугской волости Енисейской губернии, а Плахино (в 12 верстах) и Почет (в 35 верстах) уже Канского уезда (Абанской волости).

Шумно повсюду проходили сходы для выбора старосты, сотского, распределения податей по дворам и нарядов на лошадей и подводы для нужд волости и полиции. Никто и никогда не понимал, какое приняли решение. Богатые обманывали, укрывая количество лошадей и скота, чтобы платить меньше податей и подводной повинности. Народ консервативный. Видя пример хорошего хозяйства, не перенимали его. И вообще относились к ссыльным двояко: «А все же, паря, не гоже супротив царя и бога идти».

Самогон гнали в Плахино³, там не было стражника.

Дополнительные сведения к воспоминаниям Н. М. Рукосуева

Ссылка и ссыльные

Административно-ссыльные — это более строгая группа поселенцев. Они получали по восемь рублей в месяц, и их не принимали на службу в государственные учреждения, а поселенцы ничего не получали и могли устроиться, где хотят. Все вместе назывались ссыльные. Ссыльные-поселенцы, а иногда и административно-ссыльные, зимой работали у кулаков на молотье с часу ночи и до девяти утра за 10 копеек. Некоторые, особенно ссыльнопоселенцы, находившиеся в более трудных условиях, ловили зимой налимов, а осенью собирали орехи. Летом многие ссыльные (и те и другие) валили лес и гнали плотами в Енисейск — по 1 руб. 20 коп. и по 1 руб. за бревно (продавали там). За квартиру, хлеб и кипяток платили ссыльные хозяевам по 3 руб. в месяц.

В распутицу 1915 года в Федину прибыл студент Петербургского университета большевик Петриковский (Петренко), затем харьковский социал-революционер Кнышевский, затем член СДПиЛ Сохоцкий с женой, но она не была ссыльной, а за ними эсер Борис Орловский, и, наконец, максималист Алексей Феофилактов с женой (ее поселили в Плахиной, и она оттуда наезжала к мужу, а он сам в 1919 году погиб в партизанской борьбе).

³ Деревня Плахино основана в 1898 году. По данным на 1921 год, 31 хозяйство (8старожильческих, 23 переселенческих), 173 жителя (92 муж. и 81 жен. пола).

Вскоре фединская колония ссыльных разрослась до двадцати трех человек, из них четырнадцать было политических.

Здесь жил Пойст, латыш, политический ссыльный-поселенец, человек обособленный, замкнутый, чуждавшийся своих собратьев-ссыльных, не латышей. Он вскоре переехал то ли в Богучаны, не то еще куда-то. Ссыльные купили у Пойста избушку за 12 рублей и еще одну и пристроили их вместе.

В Плахиной ссыльных не было, а в Почете трое: Корольчук Петр, польский ссыльнопоселенец, имел уже хорошее хозяйство и продавал ссыльным замороженное молоко, масло, сыр; второй Говоряк Фома и русский Никита Губенко.

В 1916 году ссыльным разрешили перемещение в пределах соседних уездов губернии из-за нехватки в некоторых уездах работников. Большевик Петриковский (Петренко) и эсер Кнышевский в 1916 году были призваны армию.

Февральская революция

Вечером 9 (22) марта 1917 года к Пятницкому пришел из Почета Фома Говорек, вышедший уже к тому времени в крестьяне, и взволнованно сообщил, что жена одного почетского ссыльного была в Канске и привезла весть (там был митинг с участием солдат, на домах красные флаги), что царь свергнут. Созвали всех ссыльных и разослали по всем дорогам «узнавателей». А ночью уже имели прокламацию выпущенных из тюрьмы эсеров и социал-демократов, в которой сообщалось, что царизм пал, у власти находится Комитет Государственной думы, и предлагалось сплотиться вокруг Комитета общественного спасения не то Канска, не то Красноярска. (В Красноярске был создан Комитет общественной безопасности, а в Канске — Комитете общественного спокойствия. См. «За власть Советов»).

Наутро 10 марта (23) — вторая прокламация с указанием состава Временного правительства. Среди кадетских и октябристских зубров вроде Гучкова и Милюкова был и социалист трудовик Керенский. Все ясно. 10 марта Пятницкий (?) выехал лошадьми через Почет в Канск.

**Именной указатель
упомянутых в беседе
с Нестером Меркулаевичем Рукосуевым**

1. Апанович Данил Антонович — 99 стр. (127 по новой нумерации)
2. Адам, ротный в отряде Апановича, — 99 (127)
3. Безруких Мирон Захар, хайский, — 95 (122)
4. Белый Павел, чуноярский, — 95—96 (122—123)
5. Брюханов Егор Ильич, чуноярский, — 95 (122)
6. Брюханов (кличка Марачек), хайский, — 95 (122)
7. Брюханов Герасим, карабальский, — 97 (125)
8. Каверзин Григорий Андреевич — 97—100 (125—128)
9. Зверков Иван, ссыльный, вор и разбойник, — 101 (129)
10. Зверков Василий, его сын, — 101—102 (129—130)
11. Колпаков Василий, малеевский, — 95 (122)
12. Кулаков Иван, бузыкановский, — 100 (128)
13. Красный (Красиков?), Павел, чуноярский, — 95-96 (122-123)
14. Машуков, командир Шиткинского фронта, — 99 (127)
15. Молчанов, богучанский писарь-предатель, — 96 (123)
16. Мазурин Николай Владим, малеевский, — 97 (125)
17. Носов Дермидонт Тимофеевич — 97—98 (125—126)
18. Па(о)йст Петр Микелевич (Михайлович) — 95, 96, 98, 100 (122, 123, 126, 128)
19. Пепул Ян — 96, 102 (123, 130)
20. Попов Федор, хайский, — 95 (122)
21. Строгонов — 100 (128)
22. Толстых Петр Васильевич, пинчугский купец, — 101 (129)
23. Ткаченко, мародер, расстрелян, — 97, 100 (125, 128)
24. Рукосуев Егор Яковлевич, малеевский, — 95 (122)
25. _ _ Егор Дмитриевич — 95 (122)
26. -»- Егор Матвеевич, чуноярский, — 95 (122)
27. -»- Егор Егорович — 95 (122)
28. -»- Григорий Сергеевич — 95 (122)
29. -»- Андриян Сергеевич — 95 (122)
30. -»- Иван Иванович, мельник, чуноярский, — 95 (122)
31. -»- Иван Игнатьевич, фединский, тесть Пайста, — 100 (128)
32. -»- Иван Матвеевич, чуноярский, — 95 (122)
33. -»- Константин Матвеевич — 95 (122)
34. -»- Софрон Егорович — 95 (122)
35. -»- Сергей Николаевич, малеевский, — 97 (124)
36. -»- Петр Афанасьевич, чуноярский, — 97 (124)
37. -»- Николай Иванович, чуноярский, — 102 (130)
38. -»- Елизар Дмитриевич, его брат, — 102 (130)
39. -»- Артомон, малеевский, — 102 (130)
40. -»- Афанасий Яковлевич, малеевский, — 102 (130)

41. -»- Виктор Максимович, фединский богач. — 102 (130)
42. -»- Федька, Герасим, Малей, три брата из легенды. — 99 (127)
43. Дмитрий, потомок Малей из легенды — 99 (127)
44. Смолин Акакий Григорьевич, мамаевский, — 95, 97, 101 (122, 125, 129)
45. Мательсон Петр Михайлович, мамевский, — 100 (128)
46. Мательсон Фриц — 100 (128)
47. Хрусталева Антон Лукич, ссыльный из Чунояр, — 95 (122)

Бесфамильные (фамилии неизвестны):

48. Андрей Иванович, богучанский купец, — 100 (128)
49. Егор Иванович, его брат, — 100 (128)
50. Федор Иванович, то же, 100 (128)
51. Григорий Андреевич Каверзин, богучанский купец, сын Андрея Ивановича, убит вместе с Носовым, — 97, 98, 100 (125, 126, 128)
52. Евлаха (Евлантий) Спиридонович, тунгус, писарь штаба Антоновича, — 99 (127)
53. Фома Иванович, фединский, — 95 (122)
54. Степан Флегонтович, петропавловский дьячок, — 96 (123)
55. Филипп Архипович, хайский, — 95 (122)
56. Михаил Ильич, Василий Ильич, хайские, сыновья Ильи Леонтьевича, — 95 (122).

В дополнениях к воспоминаниям Пятницкого Иосифа Ароновича встречаются: Пайст, стражник Благодатский Р.П., эсеры Орловский Борис, Кнышевский, большевик Петриковский (Петренко), поляки Сохоцкий и Говорек Фома, максималист Феофилактов Алексей, поляк Корольчук Петр и русский Губенко Никита.